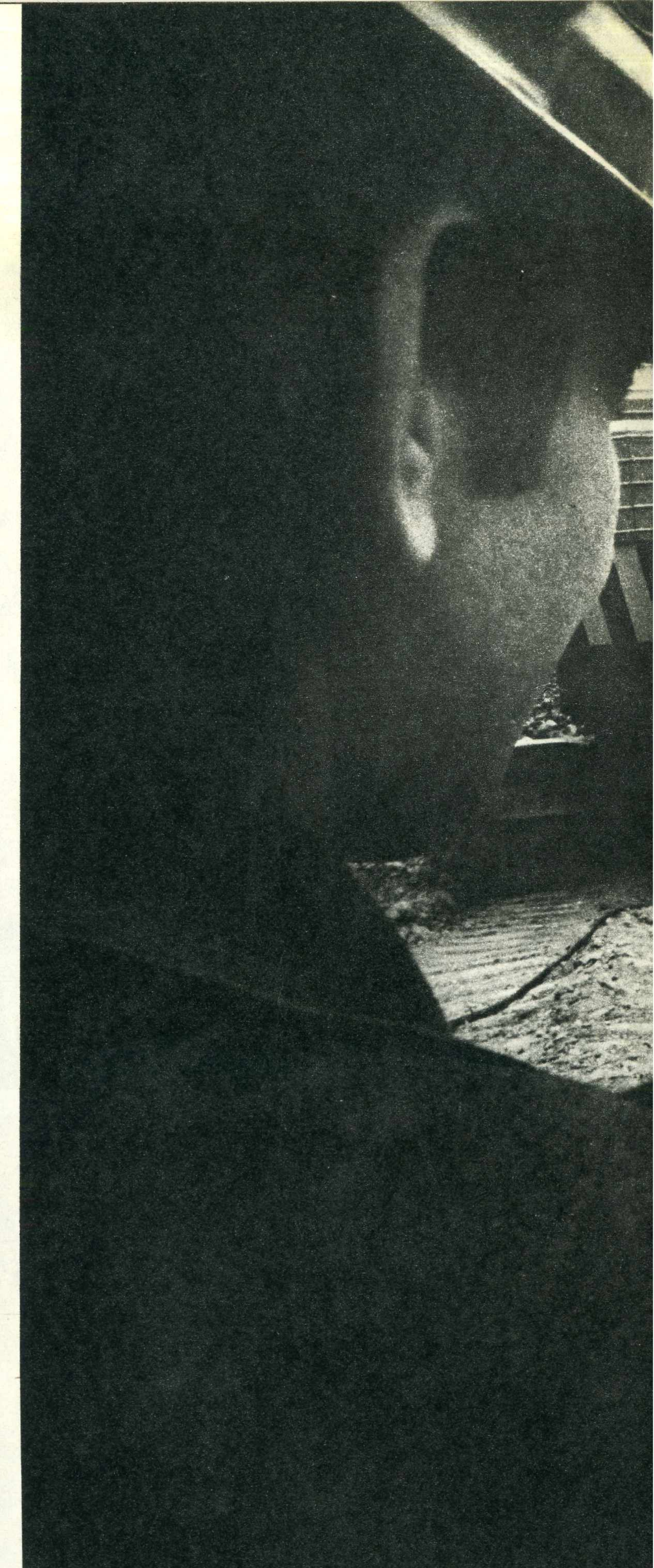

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ЗДАТЕЛЬСТВО
РАВДА», МОСКВА
№ 29 ИЮЛЬ 1985
ОКЕАНСКАЯ ВАХТА
СТАХАНОВЦА ЗРИМЫЕ ЧЕРТЫ
ПРОДОЛЖЕНИЕ РОМАНА ИВАНА СТАДНЮКА «МОСКВА, 41-й»
«ОГОВОР»— СУДЕБНЫЙ ОЧЕРК

◀К руднику — канатной дорогой.

ШКАЛА

Карьер Мукуланский.

НАДЕЖНОСТИ

Супьянбек ШЕРИПОВ,
фото Сергея ПЕТРУХИНА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

Продолжение на стр. 4.

ПО ЗАКОНАМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО НАРОДОВЛАСТИЯ

ТРЕТЬЯ СЕССИЯ
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
ОДИННАДЦАТОГО СОЗЫВА

3 июля сессия Верховного Совета СССР продолжила работу на совместном заседании палат.

Бурными продолжительными аплодисментами встретили депутаты и гости товарищей М. С. Горбачева, Г. А. Алиева, В. И. Воротникова, В. В. Гришина, А. А. Громыко, Д. А. Кунаева, Е. К. Лигачева, Н. И. Рыжкова, М. С. Соломенцева, Н. А. Тихонова, В. М. Чебрикова, Э. А. Шеварднадзе, В. В. Щербицкого, П. Н. Демичева, В. И. Долгих, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, С. Л. Соколова, Б. Н. Ельцина, Л. Н. Зайкова, М. В. Зимянина, И. В. Капитонова, В. П. Никонова, К. В. Русакова.

Заседание проходило под председательством Председателя Совета Национальностей А. Э. Восса.

Депутаты по докладу заместителя Председателя Совета Министров СССР З. Н. Нуриева единогласно приняли постановление Верховного Совета СССР «О соблюдении требований законодательства об охране природы и рациональном использовании природных ресурсов».

С отчетом о деятельности Прокуратуры СССР по надзору за исполнением требований советских законов по укреплению правопорядка, охране прав и законных интересов граждан выступил Генеральный прокурор СССР депутат А. М. Рекунков.

Верховный Совет СССР единогласно принял постановление по отчету Генерального прокурора СССР.

С докладом об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР выступил секретарь Президиума Верховного Совета СССР Т. Н. Ментешашвили. Верховный Совет СССР принял соответствующие законы и постановления.

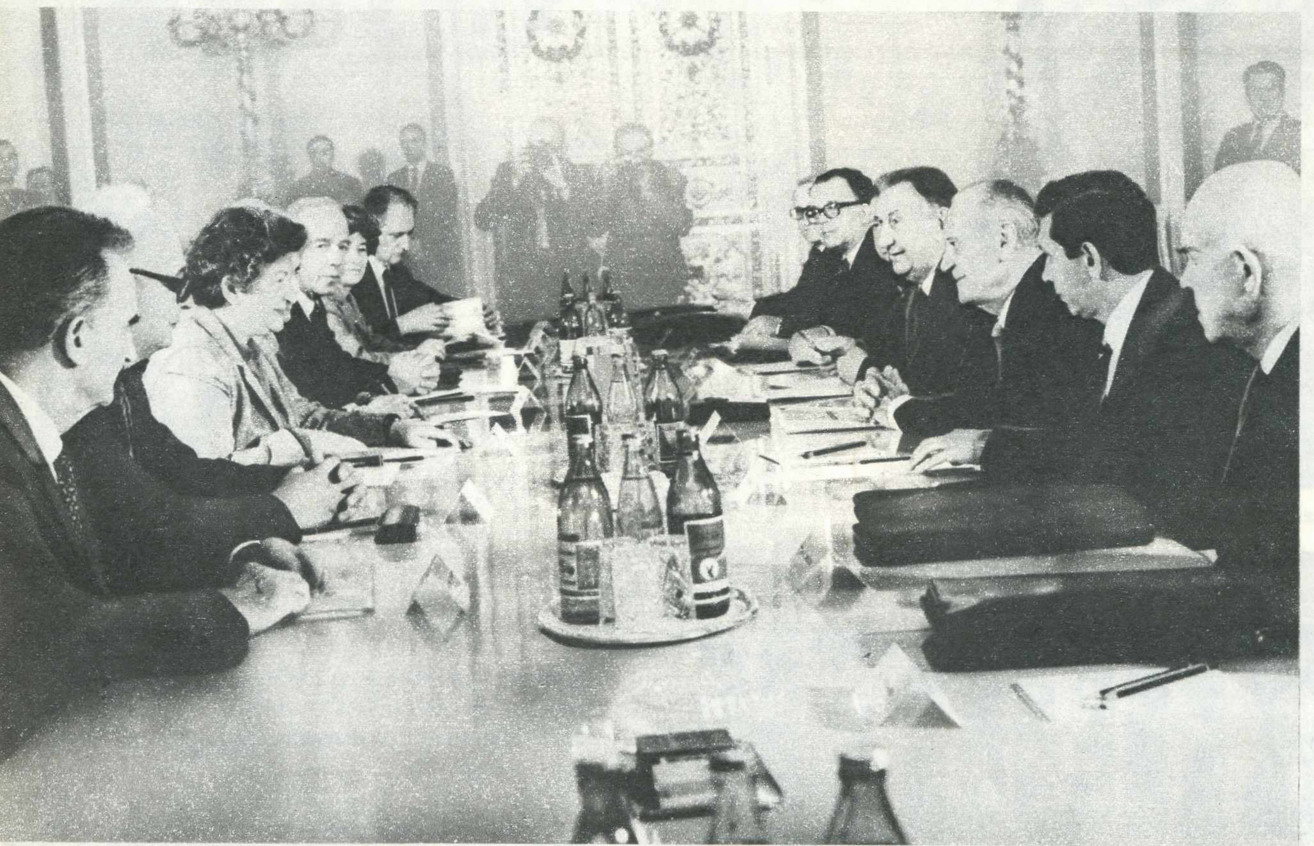
На этом третья сессия Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва закончила работу.

В зале заседания сессии.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева.

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению Советского правительства с 3 по 7 июля 1985 г. в Советском Союзе находилась с официальным дружественным визитом Председатель Союзного исполнительного веча Социалистической Федеративной Республики Югославии Милка Планинц.

М. Планинц была принята Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым. В беседе, проходившей в сердечной атмосфере, было выражено удовлетворение всесторонним развитием отношений дружбы и взаимовыгодного сотрудничества между СССР и СФРЮ на основе совместно принятых принципов.

Между Председателем Совета Министров СССР Н. А. Тихоновым и М. Планинц состоялись переговоры, в которых участвовали:

с советской стороны — первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, председатель ГКЭС М. А. Сергейчик, первый заместитель председателя Госплана СССР Л. А. Воронин, первый заместитель министра внешней торговли Н. Д. Комаров, заместитель министра иностранных дел СССР Б. И. Аристов, посол СССР в СФРЮ Н. Н. Родионов, заведующий отделом МИД СССР В. П. Логинов;

с югославской стороны — член Союзного исполнительного веча СФРЮ Е. Ян, первый заместитель союзного секретаря по иностранным делам Б. Лончар, посол СФРЮ в СССР М. Друлович, советник по внешнеполитическим вопросам председателя СИВ Д. Контич, заведующий отделом союзного секретариата по иностранным делам Д. Штрбац.

М. Планинц возложила венки к Мавзолею В. И. Ленина и на могилу Неизвестного солдата у Кремлевской стены, а также посетила кабинет и квартиру В. И. Ленина в Кремле. Кроме Москвы она побывала в Эстонской ССР, ознакомилась с достижениями советского народа в развитии экономики, науки, культуры и других областях. М. Планинц совершила поездку в г. Рассказово Тамбовской области, где при участии хозяйственных организаций СФРЮ сооружается кожевенный завод. Повсюду югославским гостям был оказан радушный прием.

Во время переговоров. Фото А. Гостева

МИР—ЗЕМЛЕ, МИР—КОСМОСУ

Юрий КОРНИЛОВ

Сложен, неспокоен современный мир! И нет сегодня задачи важнее, чем отвести от человечества угрозу войны, остановить ядерный оползень.

Советский Союз, верный ленинской политике мира, делает все, чтобы сохранить чистым небо над планетой, вновь и вновь подтверждает свою приверженность принципам мирного сосуществования. Эффективное сотрудничество между всеми государствами на основе честного конструктивного диалога во имя общего мирного будущего — вот что, по убеждению СССР, должно стать альтернативой безрассудному повышению уровня ядерного противостояния. Именно этим руководствуется наша страна, выдвигая комплекс масштабных реалистических инициатив, стержневая цель которых — остановить и повернуть вспять развязанную империализмом форсированную материальную подготовку к ядерно-космической дуэли. Еще одним весомым подтверждением этого миролюбивого курса стал ответ товарища М. С. Горбачева на обращение американской общественной организации «Союз обеспокоенных ученых», в котором подчеркивается, что Советский Союз не шагнет первым с оружием в космос и будет прилагать все усилия, чтобы убедить и другие страны, прежде всего США, не делать такого рокового шага.

Широко комментируя миролюбивые инициативы СССР, видные политические и общественные деятели разных стран, печать отмечают, что наша страна не только декларирует свою непреклонную волю к миру, но и подтверждает эту волю конкретными делами. И это действительно так! Именно Советский Союз внес в ООН радикальное предложение — проект договора о запрещении применения силы в космическом пространстве и из космоса в отношении Земли. Именно СССР делает все, чтобы достигнуть на советско-американских переговорах в Женеве договоренности о полном запрете на создание, испытания и развертывание ударных космических систем. На столе в Вашингтоне лежит наше предложение о том, чтобы обе стороны полностью прекратили работы по созданию новых противоспутниковых средств, а уже имеющиеся у СССР и США такие средства были бы уничтожены. Вот уже два года действует введенный Советским Союзом мораторий на вывод в космическое пространство противоспутникового оружия.

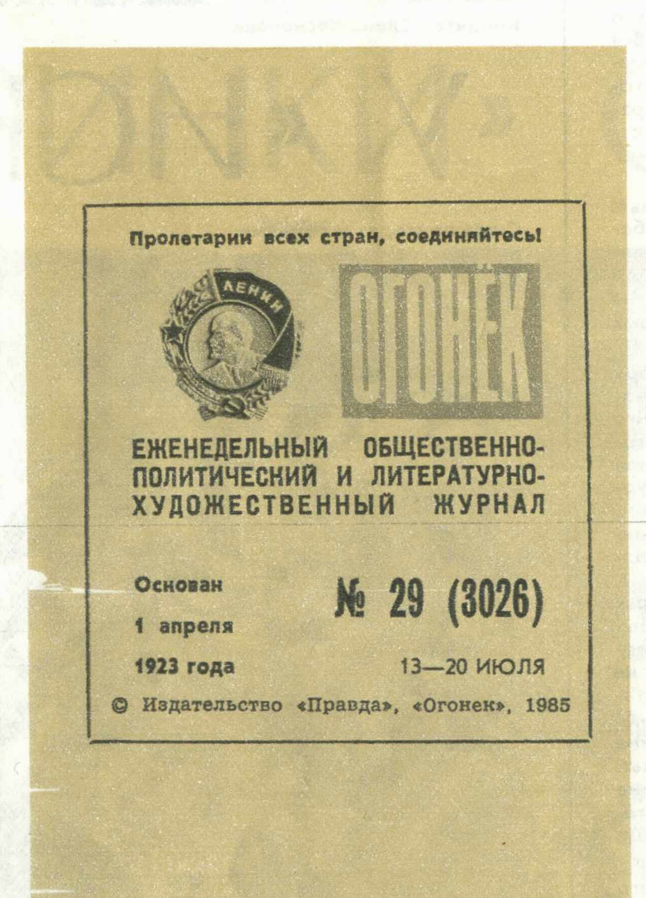
Советское мирное наступление продолжается и нарастает, однако охваченные имперскими амбициями недруги мира отнюдь не отказались от своих агрессивных замыслов! Империалистические круги США и НАТО, которым все еще мерещится, что стоит им ввести в строй очередную партию ракет, организовать еще одну разбойничью акцию против суверенных государств, и они смогут повернуть вспять колесо истории, грубо попрать и Устав ООН, и подписанный 10 лет назад в Хельсинки Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Ибо можно ли в самом деле совместить с буквой и духом этих основополагающих международных документов, цель которых — заложить основы разрядки, тот, например, факт, что затраты США на вооружения за период с 1980 года выросли ни много ни мало — на 40 процентов? Можно ли увязать с буквой и духом итогов хельсинкского форума, участники которого ставили задачей обеспечить прочный мир в Европе, тот факт, что Вашингтон продолжает размещать на западноевропейской земле почти 600 «Першингов» и крылатых ракет, стремясь превратить западную часть этого континента в плацдарм, в очаг агрессии?

В чьих интересах такая милитаристская политика проводится, кому она служит, секрета не составляет. Если в ходе первой мировой войны, обошедшейся человечеству в 10 миллионов убитых и 20 миллионов искалеченных, барыши американских «королей оружия» составили 46 миллиардов долларов, то в годы второй мировой войны, которая унесла 50 миллионов человеческих жизней, они положили в сейфы 123 миллиарда чистой прибыли. «Что станет с нашей экономикой, если вдруг разразится мир?» — вопрошает в наши дни со страниц журнала «Эсквайр» Д. Маккордейл, политический деятель из Калифорнии, штата, где обосновались шесть из десяти крупнейших военно-промышленных корпораций США.

Сегодня кое-где на Западе можно услышать заявления о том, что, дескать, «хельсинкский период» был периодом иллюзии, не более. Ошибаетесь, господа! Да, многое из того, что было построено на основе разрядки в 70-е годы, оказалось разрушенным. Однако абсолютно бесспорно и другое: разрядка жива, она пустила глубокие корни в умах и сердцах миллионов людей и в Европе, и за ее пределами. Разве не об этом свидетельствует все более активная поддержка международной общественностью конструктивных и миролюбивых советских инициатив? Разве не об этом говорят впечатляющие масштабы антивоенного, антиядерного, антиракетного движения, которое охватило все континенты и стало важным фактором мировой политики?

Оживленно обсуждая перспективы предстоящей в ноябре в Женеве советско-американской встречи на высшем уровне, многие органы массовой информации выражают надежду, что эта встреча будет способствовать нормализации советско-американских отношений, оздоровлению международного климата в целом. Советская общественность убеждена, что не существует какой-то фатальной неизбежности конфронтации двух стран. Если осмыслить как позитивный, так и негативный опыт, накопленный историей советско-американских отношений, есть все основания сказать, что самое разумное — это искать пути, ведущие к выравниванию отношений, строить мост сотрудничества, но строить с двух сторон.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 29 (3026)

13—20 ИЮЛЯ

ШКАЛА НАДЕЖНОСТИ

Начало см. на 2-й стр. обл.

Старая балкарская пословица гласит: «Тот, кто смотрит только на вершину горы, тот не видит ничего вокруг себя». И действительно, редко кто из людей, что рвутся к Эльбрусу, знают о тырныаузском чуде, которое в своем роде не менее знаменито, чем двуглавый снежный красавец.

У Тырныауза тоже две сверкающие вершины: ВОЛЬФРАМ и МОЛИБДЕН.

Цитирую по Советскому энциклопедическому словарю 1984 года:

ВОЛЬФРАМ — светло-серый, очень тяжелый металл, наиболее тугоплавкий из металлов... глав. минералы — вольфрамит и шеелит. Входит в состав жаропрочных сверхтвердых сталей... и сплавов... используется в электротехнике и радиоэлектронике.

МОЛИБДЕН... более 75% молибдена применяют для легирования сталей, используемых в авиа- и автомобилестроении, при изготовлении лопаток турбин и др. ...жаропрочные (для реактивных двигателей) и кислотоупорные (аппараты хим. промышленности) сплавы...

В тридцатых годах, когда в буржуазной прессе враги социализма пытались доказать, что Советскому Союзу не по плечу тот могучий индустриальный замах, который был сделан нашей страной в первой пятилетке, среди их «доказательств» было и такое: «Всего золота Советской России не хватит, чтобы купить нужное большевикам количество вольфрама и молибдена. А как они могут строить свою индустрию без этих и других металлов?»

Вера Флерова — одна из первооткрывателей горных кладов Тырныауза. Ей было двадцать лет, когда она нашла здесь минералы, из которых выплавляют вольфрам и молибден. Судьба отвела девушке краткий срок — в двадцать три года Вера Флерова умерла. Ей поставлен в Тырныаузе памятник, ее именем назван пик, венчающий молибдено-во-вольфрамовую гору.

— Когда произносится слово «Нарты»,— улыбается Шамиль,— все понимают — речь идет о героическом эпосе народов Северного Кавказа. В нем рассказывается о подвигах и о жизни сказочных богатырей. Наше ущелье Баксан — всего-навсего след удара нартского меча. А во время одной из своих богатырских потех кто-то из нартов так высоко закинул в небо глыбу камня, что она не вернулась назад. Сейчас, я слышал, составлен справочник орбит для малых планет — их около десяти тысяч вертится. И, наверное, та, что забросил нарт, среди них. Им даются имена знаменитых людей, героев наших дней. Я бы назвал одну именем Веры Флеровой. Точно, нужно внести от имени республики такое предложение астрономам.

Шамиль Ногайлиев — бригадир дробильщиков рудника «Молибден». Из шахт, карьеров руда поступает на дробильный узел. Здесь начинается рождение металла, здесь несет свою вахту бригада Ногайлиева.

У горных пород своя особая шкала твердости. Тырныаузские руды по твердости занимают верхние строчки в этой таблице. Горняки любят показывать такой «опыт»: меж двух кусков руды кладут стальной лом и бьют по этому «бутерброду» пудовой кувалдой. От руды даже кристаллика не отбивается, а на стальной палке — глубокие вмятины.

Шесть-семь тысяч тонн этой сверхтвердой руды за смену должна измельчить бригада. Бесперебойная работа всего цикла «руда — металл» во многом зависит от дробильщиков.

Работа начинается у Шамиля задолго до начала смены. Еще на «канатке», как называют пассажирскую канатную дорогу, поднимающую рабочих на километр за минуту с небольшим (чтобы на автомашине подняться по серпантину горного шоссе на эту высоту, уходит чуть ли не час), с Шамилем, пока он ждет подъема, успевают переговорить человек десять. Да много ли нужно слов, чтобы понять беспокойство, горе или радость своего брата рабочего?!

А потом, уже наверху, Шамилю надо разобраться, как работала предыдущая смена, узнать мнение товарищей о молодом слесаре, который подал заявление в кандидаты КПСС, переговорить со всеми, кто пришел к нему со своими личными проблемами.

Один из водителей с верхнего рудника, отвечая на вопрос, почему он решил посоветоваться с Шамилем, сказал:

— Конечно, на комбинате много людей умных, толковых... И все же чуть что — к Шамилю. Говорят, когда его в члены обкома партии избирали, то один товарищ так прямо и заявил: избираем за сердечность и отзывчивость, за умную доброту и справедливую требовательность. Понимает он рабочего человека от и до!

Еще бы Шамилю не понимать — ведь он рос в рабочей семье, вся жизнь которой связана с комбинатом. Отец, Хасан Алиевич, ветеран Великой Отечественной войны, рассказывал:

— Многие родители считают: самое главное решить, что ты принесешь людям, кем детям быть. Да становись кем хочешь. Ведь главное — каким быть, чем наполнено твое сердце, душа.

Шамиль своих детей (их трое: Жанна, старшая, учится в третьем классе, затем Ильяс, потом Марат) воспитывает по тому же принципу: прежде всего выработать в них качества, необходимые для того, чтобы стать человеком, гражданином.

— Если вспомнить моих наставников и учителей — только здешних, комбинатовских,— с гордостью говорит Шамиль,— то интересно, я бы сказал, даже многозначительно получается. Равкат Хисамов — татарин, опытнейший дробильщик. Николай Выскребенец — украинец, начальник дробильно-транспортного узла. Начальник нашей шахты — русский, Анатолий Чертов. Рудник «Молибден» возглавляет балкарец Керим Афашоков. А директор всего комбината — кабардинец Борис Блаев. Вот ведь скажет кто-нибудь: а самого директора-то почему к наставникам причислил? Да потому, что мы с ним часто встречаемся — по работе, по партийным делам, просто так, на отдыхе. И каждая встреча меня многому учит... Но главный учитель — бригада.

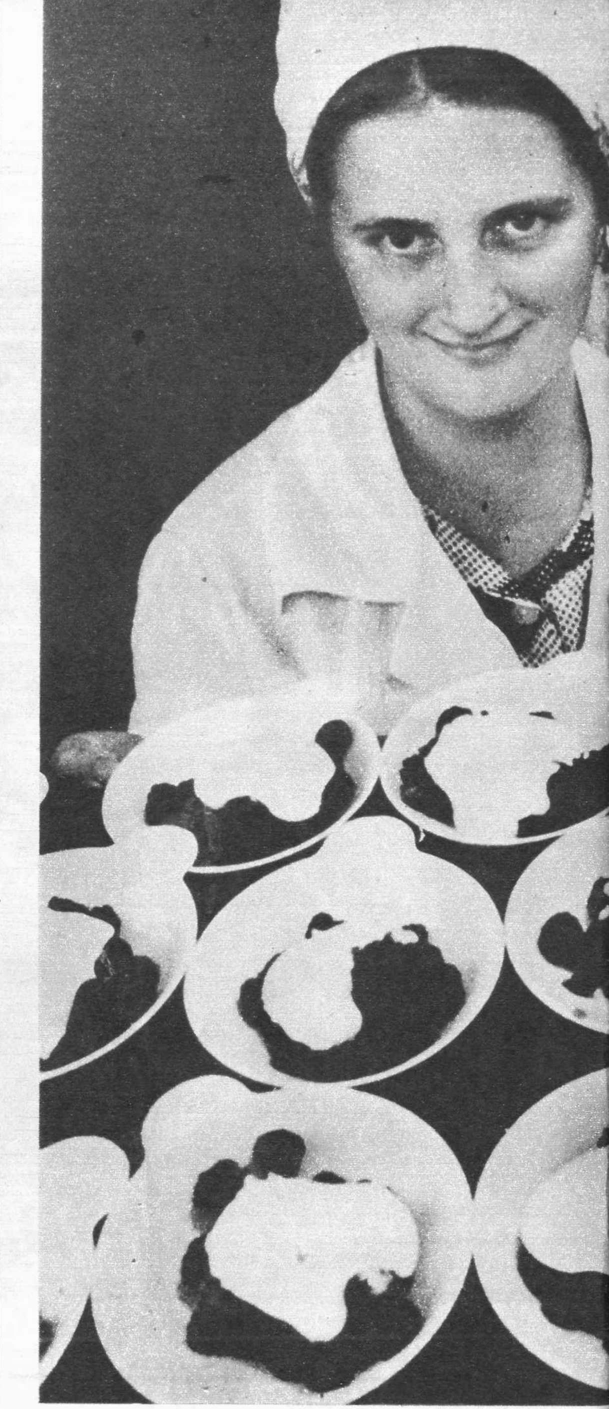
...Ногайлиевых на комбинате целая семья. По стопам Хасана Алиевича, плотника-бетонщика, пошли старший брат Шамиля Келемет, тракторист, двоюродный брат Магомед Ногайлиев, слесарь-наладчик, его портрет на Доске почета. Так что фамилия Ногайлиевых знатная.

— Всем известна гора Магнитная. Нашу гору по всем статьям можно назвать Молибденовой,— сказал мне на прощание Шамиль.— Что значит она для державы нашей? С каждым годом все больше и больше. Легированные стали для авиации, автомобилестроения, лопаток турбин. Без добавок молибдена не изготовить электровакуумные приборы. Микроэлектроника... Словом, весь арсенал технического прогресса немыслим без молибдена и вольфрама, имеющегося в рудах нашей бесценной горы.

Вольфрамово-молибденовый Тырныауз южную часть привык называть севером, а северную — югом. Страны света перепутаны здесь не случайно. Город сжат горами в каменные тиски. Северная часть получает солнца куда больше, чем южная, где восход в половине двенадцатого, а через два-три часа уже закат. Но я убедился: там, почти на самой вершине гор, где трудятся потомки нартов — покорители Тырныауза из бригады Ногайлиева, солнце светит с полной отдачей.

Так же работают и живут Шамиль и его друзья.

человек дела

Кондитер Елена Чеснокова.

У «ИСК

Сюда приходят и семьями.

Это и есть «Искринка».

...РИНКИ» СВОЙ СТИЛЬ

Вкусно...

А. МИХАЙЛОВСКИЙ,
фото Э. ЭТТИНГЕРА,
специальные корреспонденты «Огонька»

норма жизни — трезвость

Мороженое оказалось «крепче», основательнее, надежнее всех хмельных напитков...

Судите сами. За день ресторан «Приморский» сдавал в городскую кассу около 1200 рублей — в среднем, конечно. Немалая их часть, как вы понимаете, приходилась на выручку от спиртного. Безалкогольное кафе «Искринка», созданное на месте далеко не безупречно трезвого «Приморского», вкладывает в ежедневный товарооборот тысячу пятьсот, а то и тысячу девятьсот рублей.

Не прошло и трех месяцев с момента открытия севастопольского кафе «Искринка», а оно уже обрело авторитет и особое расположение горожан. И тут та же причина: нет здесь хмельного.

...В просторном, светлом зале с двумя рядами сероморморных колонн тихо звучала музыка. На каждом столике — цветы. Удобные, ажурного плетения кресла.

Маша Юшина, она тут работает барменом, ловко наполнила вазочку мороженым. Еще два неуловимых движения. И вот уже сверху — чуть-чуть фруктового сиропа, немножко взбитых сливок, молотых орешков и тертого шоколада. Не мороженое, а фантазия!

— Почему фантазия? Вполне реальное мороженое. Из нашего обычного ассортимента,— говорит Маша.— Взгляните-ка...

И протягивает мне меню. Читаю: десерты «Искринка», «Белочка» (рубль восемнадцать порция — недешево, но очень вкусно). Тут же десерты «Шоколадный», «Молочный». А на стойке теснятся вазочки с фруктовым желе. Шоколадный крем — с шоколадным же сиропом, а «Крымский» — с крюшоном. «Крюшон» — это что-то из детства, когда всюду на улицах стояли сатураторные тележки с газировкой. А сироп был крюшоновый.

Сейчас Маша нальет вам чашечку горячего шоколада или кофе по-турецки. Что? Хотите чего-нибудь холодненького? Охлажденного сока? Виноградного, яблочного, ежевичного, гранатового, яблочно-сливового, рябинового, клубничного, клубнично-яблочного — какого вам?

— Рекомендую попробовать желе с сиропом,— советует Маша.

— Возьмем одно такое, одно такое и вон то мороженое,— совещаются вполголоса две девушки.

За один раз, конечно, не отведаешь всего, что предлагает «Искринка».

— Когда здесь был ресторан «Приморский»,— рассказывает постоянная посетительница кафе Ольга Гарбуз,— старались это место обходить стороной; можно было встретиться с пьяными хулиганами. А теперь приходим сюда всей семьей.

За крайним столиком — шофер Андрей Шашкин, двадцатидвухлетний крепыш. Как ему-то в таком кафе?

— Никогда я не был охотником за спиртным, а теперь и подавно. К тому же в городе появилось место, где можно хорошо провести время. Раньше пойдешь с девушкой в бар, а там одни винные коктейли. Это и накладно: меньше чем десятью рублями не обойдешься.

— У нас кафе в чем-то экспериментальное,— говорит заведующая производством «Искринки» Л. С. Ожередова.— Рецепты десертов, желе, кремов, кондитерских изделий, купажированных (то есть смешанных) соков мы разрабатываем совместно со специалистами управления общественного питания города. Уже определились блюда, которые пользуются особой популярностью. Но отбор — а делают его посетители — продолжается. Поэтому чуть ли не ежедневно вносим изменения в ассортимент «Искринки». Посетители пожаловались, что мало пирожных, и мы на жалобы ответили не обещаниями, а заварными эклерами.

Есть в меню постоянные строки, а есть и меняющиеся: в зависимости от сезона и от ...урожая. Подоспели абрикосы — отведайте десерт «абрикосовый». Пойдет вишня, появится она и здесь. Мы используем кизил, айву, дыни, виноград — все, что дают южные сады. У общепита есть экспедитор по закупке фруктов.

То, что здесь, в Севастополе, начинают преобладать такие кафе, как «Искринка»,— это хорошо. «Точки» общепита ныне пользуются особым вниманием городских руководителей. Каждое кафе, столовая, как считают здесь, должны иметь свое лицо, свой стиль, и свое меню, в котором спиртные напитки вовсе не обязательны. На месте заурядного и неряшливого пивного заведения вдруг (конечно, не вдруг) появился безалкогольный бар «Шоколадный». Желающих побывать в нем, увы, больше, чем мест за столиками. Недавно открылось детское кафе «Незабудка».

Не все было просто, не все пошло с ходу. Для тех же взбитых сливок нужны сливки особые.

— Молочная промышленность охотно пошла нам навстречу, и мы получили то, что нужно — это говорит начальник управления общественного питания горисполкома Д. М. Шимчук.— Помню, при переоборудовании ресторана в кафе кое-нто пытался оставить в нем спиртное: дескать, прогорим с планом. А сегодня «Искринка» приносит прибыли больше, чем бывший ресторан. И мы планируем открыть еще два безалкогольных кафе...

Значит, «Искринка» будет не одна. Хотя она и доказала, что и один в поле воин. Ведь это трезвый воин.

ВСТРЕЧА С ТОВАРИЩЕМ КУРТОМ БАХМАНОМ

Член Президиума Правления Германской коммунистической партии, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Курт БАХМАН беседует со специальным корреспондентом «Огонька» Новеллой ИВАНОВОЙ

Вскоре после возвращения из Кельна, где я встретилась с товарищем Куртом Бахманом, в газетах появилось сообщение о присуждении ему Союзом журналистов нашей страны премии имени В. В. Воровского. Отправляя поздравительную телеграмму, я представила, как почтальон принесет ее в дом на окраине Кельна.

За домом — небольшой, похожий на просторный аккуратно подстриженный газон, сад. Его украшение — высоченная черешня. Окутанная по весне душистым белым облаком, она стояла, словно невеста. Я тогда залюбовалась ею.

— Эту красавицу я сажал сам,— сказал хозяин дома.— Знали бы вы, какие она дает замечательные урожаи!

И, обернувшись к Андрею Иванову, молодому сотруднику советского посольства, который приехал со мной на эту встречу, он взял с него слово, что тот непременно приедет, когда поспеет черешня, и наберет корзину для своей маленькой дочки.

— Подумать только, как давно начал жизнь этот сад,— в раздумье проговорил товарищ Бахман.— Это было вскоре после запрета Коммунистической партии Германии, в 1956 году...

Там, в саду, и началось это интервью с человеком, который стал первым Председателем Германской коммунистической партии, созданной в 1968 году.

И сразу стало ясно, как прав был писатель Петер Шютт, который написал в послесловии к книге Бахмана «Кем был Гитлер в действительности»: «Один буржуазный журналист, который не очень-то дружественно настроен к нам, коммунистам, пришел ко мне и сказал, что хотел бы написать «рассказ о ГКП». «Не забудьте, пожалуйста, о нашем Курте Бахмане!» — посоветовал я ему. Он покачал головой: «Знаю я его, из него ничего не вытянешь!» И действительно, Курт Бахман крайне скуп на слова о себе».

...В кабинете, где проходила наша беседа, на стене рядом с портретом Ленина я заметила детский рисунок. Синее небо, ярко-желтое солнце. Под ним, взявшись за руки, стоит вереница человечков и в середине ее совсем крошечный человечек. Мой вопросительный взгляд Курт Бахман встретил нежной улыбкой.

— Это нарисовал мой маленький внук Ян-Томас. Он вместе с нами был на антивоенной демонстрации и нарисовал то, что поразило его воображение. Никогда прежде наша страна не видела столь массовых выступлений за мир!

О борьбе за сохранение жизни на Земле Курт Бахман заговорил страстно, вдохновенно, вспоминая прошлое, войну, развязанную фашистским империализмом, с которым он сражался всю жизнь и продолжает вести бой сегодня.

На его письменном столе лежит объемистый том «Тегеран—Ялта—Потсдам». Не усаживаясь за стол, а по-юношески легко присев на выступ книжного стеллажа, Бахман дал мне свою статью, напечатанную в газете коммунистов «Унзере цайт» на эту тему.

— Нет, совсем не случайно именно теперь наши враги взялись фальсифицировать историю минувшей войны и особенно историю Ялты и Потсдама! Ведь союзники по антигитлеровской коалиции согласились тогда, что Германия никогда больше не должна нарушать мир во всем мире и что нацизм и милитаризм в Германии должны быть искоренены навсегда. Между тем с размещением американских ядерных ракет первого удара возрастает опасность того, что как раз с территории ФРГ может начаться новая война!

Он берется за перо всякий раз, когда идейный противник идет в очередную атаку и надо дать ему бой. Как раз вчера Курт Бахман был в горах, в местности, которую называют «черной», имея в виду большое влияние католической церкви. На встречу, посвященную 40-летию Победы над фашизмом, пришли коммунисты — молодые и пожилые, социал-демократы, беспартийные. Было задано много острых вопросов, в том числе относительно Ялты и Потсдама.

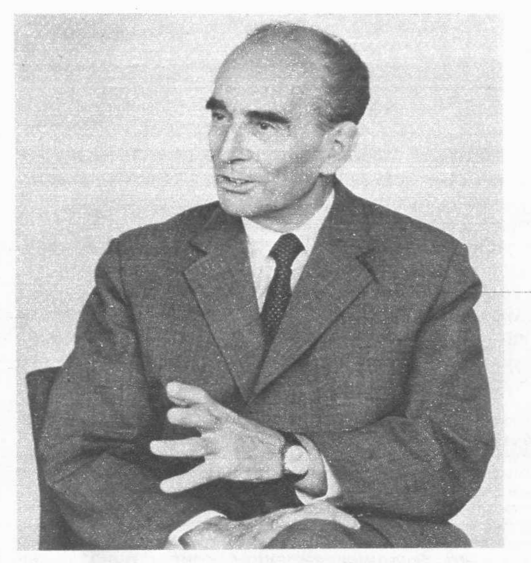
— Вы были бы удивлены,— говорит мой собеседник,— узнав, что многие из тех, кто вместе с нами ведет сегодня борьбу за мир, мыслят о событиях минувшей войны в духе американской пропаганды. Наша главная задача — постоянно, изо дня в день вести разъяснительную работу среди самых разных людей, нести ПРАВДУ ИСТОРИИ.

...По первой программе западногерманского телевидения в самое лучшее экранное время недавно шел многосерийный документальный фильм «Немцы во второй мировой войне». Увидев в Бонне одну из последних серий, я поразилась бесстыдству, с которым создатели этой стряпни вывернули наизнанку историческую правду. Главной жертвой минувшей войны предстали... немцы! Я рассказываю о своих впечатлениях, и глаза товарища Бахмана загораются гневом.

— Этот лживый фильм — типичный образчик того, как действуют на рядового человека буржуазные средства массовой пропаганды! Сейчас я занимаюсь изучением истории нападения гитлеровской Германии на СССР и должен сказать, что германский империализм всегда извращал историю, объясняя свою политику агрессии правом немцев на «жизненное пространство». В основе фашистской пропаганды — антикоммунизм, и он хуже рака: ведь от некоторых видов рака человека еще можно излечить! Фашистам удалось заразить этой страшной болезнью большинство населения Германии.

— И в этом заключалась трагедия немецкого народа!

— Безусловно! Это стало самым сложным, с чем пришлось нам, коммунистам, столкнуться, когда мы вышли из концлагерей и тюрем и начали очищать не только улицы от развалин, но и души людей от фашистской идеологии. И это продолжает оставаться самой сложной задачей нашей работы в ФРГ и сегодня, сорок лет спустя! Я не преувеличиваю, нет! Деяния нацистов, фашистское варварство сегодня тща-

тельно припудрено, приукрашено. Все, кто участвовал в преступлениях, предпочитают теперь помалкивать, а если и говорят, то единственным виновником называют Гитлера. Встречаясь с молодыми, я всегда спрашиваю их, что о том времени тебе рассказал дед, отец. Почти все отвечают, что дома эта тема — «табу», «мол, нечего ворошить то, что уже быльем поросло». Поросло быльем? Нет, этого нельзя допустить! Уроки истории должны спасти мир от нового варварства!

Я попросила Курта Бахмана рассказать о своей семье и о том, как вступил он на путь борьбы.

— Я родился в 1909 году в индустриальном городке Дюрен. У моего деда ремесленника-кожевника было десять детей. Мне было десять лет, когда мы переехали в Кельн и сняли жилье в доме сельского врача Хуберта Виртса. Семь лет плавал он на парусных кораблях вокруг Южной Америки по следам великого естествоиспытателя Дарвина. Доктор Виртс рассказывал, что, путешествуя по многим странам мира, он нигде не встретил доброго бога, но увидел такую страшную нищету, что убедился, если бы бог существовал, он не допустил бы такого! Вопрос о боге был для меня решен еще тогда под влиянием этого просвещенного дарвиниста. Он объяснил мне с позиций материализма историю развития природы и человека. В доме хранились подшивки кельнских газет за двадцать лет. И если я задавал ему какой-то вопрос об исторических событиях, он отвечал: поднимись наверх, ты найдешь это в подшивке за такой-то год... Помню себя в 10—14 лет лежащим на чердаке среди вороха газет. Я читал их, как подростки теперь читают приключенческие повести. Тогда же впервые я прочитал Энгельса «Анти-Дюринг» из библиотеки моего отца. Впоследствии я возвращался к этой книге по меньшей мере раз тринадцать!

Курт Бахман подошел к книжному шкафу и вернулся к нам с книгой, пожелтевшей от времени.

— Вот та самая книга! А это первая книга Ленина, изданная на немецком языке, которую я прочел. Мне было тогда шестнадцать лет, и я имел обыкновение читать книги с карандашом в руках.

Мы бережно листаем страницы «Анти-Дюринга». В конце книги 14-летний Курт выписал слова, которые его заинтересовали: «Диалектика», «Мышление», «Равенство», «Идеализм», «Классы», «Кризисы», «Права человека», «Частная собственность», «Социализм», «Прибавочная стоимость». А что заинтересовало юношу в ленинских работах? «Рабочая аристократия», «Брестский мир», «Троцкизм», «Империализм», «Оппортунизм», «Советы», «Революция». По этим выпискам, сделанным четким, твердым почерком, можно было видеть, как рос духовно этот мальчик из семьи рабочего, члена профсоюза и страстного противника войны. Когда в пятнадцать лет он пошел работать учеником на кожевенный завод, мать напутствовала его: «Ни под каким видом не соглашайся на сверхурочную работу! Восемь часов работы — достаточно, за это мы боролись всю жизнь!» Курт запомнил эти слова, и уже на второй неделе у него был конфликт с мастером. С этого началось воспитание классового самосознания. Безработица вынуждает его искать работу. В 1929 году он — в Люксембурге на крупном кожевенном предприятии. Вернувшись в Кельн, включается в революционное профсоюзное движение.

— Я был убежден, что в одиночку мне, рабочему человеку, жить нельзя, и в 1932 году в Кельне вступил в коммунистическую партию.

— Как запомнился тот день, когда Курт Бахман стал коммунистом?

— 8 апреля 1932 года я слушал Эрнста Тельмана, который предупреждал нас, рабочих, об опасности фашизма и о новой войне. Мне запали в сердце слова Тельмана: «Кто голосует за Гитлера — голосует за войну против Советского Союза»,— и они повлияли на мое решение вступить в ряды коммунистов.

...Спустя год фашисты пришли к власти, и хотя было рискованно держать в доме книги Маркса, Энгельса, Ленина, Курт тщательно прятал их. Потом, когда в конце 1938 года стало ясно, что придется перебраться во Францию, он положил самые важные книги в два металлических чемодана, запломбировал их, и ему удалось переправить их в Париж, одному французскому коммунисту.

— Как получилось, что вы оказались во Франции? Это было задание партии?

— Нет, все было по-другому. Уличная партячейка «Опернахауз», которую я возглавил (это было мое первое партийное задание), успешно действовала в подполье до 1935 года. Как-то мне сообщили, что я должен выйти на связь с одним товарищем и выполнить его задание. Встреча была назначена в Кельне. Я приехал, как было условлено, на машине фирмы, где я работал, и с розами в руках ждал неизвестного мне человека. Как потом выяснилось, это был руководитель нелегальной партийной организации Среднего Рейна и Кельна. Его интересовали маршруты моих поездок по делам фирмы на автомобиле. Выслушав меня, он сказал, что нужно спланировать так мои поездки, чтобы я по пути брал в порту Нойсс у голландских речников, плавающих по Рейну, листовки и другие материалы для партии, которые издавались КП в Амстердаме. Помню, последнее, что мне удалось перевезти в Кельн, была пачка брошюр «Как ухаживать за канарейками». Несколько страниц действительно об этом рассказывали, ну а дальше был доклад Георгия Димитрова на VII конгрессе Коминтерна.

Это был смертельно опасный маршрут. Курт остался в живых благодаря мужеству своего товарища-коммуниста. Гестапо напало на след организации. Арестовало 23 кельнских патриота, и среди них Отто Кроппа, инструктора партии. Три месяца его, закованного по рукам и ногам, истязали гитлеровцы. Он знал все явки и все адреса, но погиб, не сказав ни слова.

— В сентябре 1938 года обстоятельства, сложившиеся в гитлеровской Германии, вынудили меня покинуть родину. Мне удалось с женой Алисой добраться до юга Франции и наладить связи с коммунистами, которые там действовали.

Но уже через год Бахман был арестован и попал в лагерь, где находились участники гражданской войны в Испании. «Это были замечательные, сильные духом люди. У них я учился стойкости».

Ему удалось бежать из лагеря. Курт Бахман дважды настойчиво подчеркнул: «Только не пишите о героизме. Это была необходимость бежать, чтобы продолжать борьбу!» Он не видел иной цели в жизни, кроме этой, и, когда ему предложили билет на корабль в Аргентину, чтобы он мог переждать там войну, Курт Бахман отказался. Слушая его рассказ, я думала о том, что именно такие люди погибали, заслоняя собой нас, ныне живущих. Они думали о будущем и искали любой шанс, чтобы продолжать борьбу с фашизмом.

В 1942 году его вместе с женой снова арестовывают на юге Франции, отправляют в Париж, в гестапо, а затем на Восток, в Освенцим. Всех мужчин старше шестнадцати лет по пути ссадили в Верхней Силезии, а остальных, в их числе была Алиса Бахман, уничтожили в Освенциме в газовой камере.

То, что Курт Бахман пережил за три года до своего освобождения, трудно описать. Это были годы страдания в лагерях Йохандорф, Ратибор, Пайскретчам, Блеххаммер и «марш смерти» по пути в Бухенвальд. Но рассказывал он меньше о собственных страданиях — больше о солидарности и сплоченности тех, кто продолжал борьбу.

— 20 января 1945 года мы услышали гром орудий. Блеххаммер тут же пришел в движение. Заключенные ликовали: Красная Армия близко! Лагерное начальство велело всем построиться на плацу, призвав сохранять спокойствие, так как нас якобы «передадут русским». В нашу партийную группу, которой руководили я и австрийский товарищ Петер Штурм, входило десять человек. Мы решили, что фашисты непременно уничтожат лагерь, чтобы скрыть следы своих преступлений. И верно, уже наутро всех построили по сигналу тревоги, и через час лагерь снялся с места. Мы шли на морозе 15 градусов, в одной арестантской одежде, по дорогам, которые были забиты немецкими беженцами.

— Я читала об этом страшном «марше смерти» в вашей книге и знаю, что из 3600 человек спустя две недели до Бухенвальда дошли только 400 заключенных. Что же дало вам силу пережить этот варварский путь, как удалось выжить?

Услышав мой вопрос, он разволновался и не сразу смог на него ответить. А когда собрался с силами, то твердо сказал:

— Напишите о самом главном: в это страшное, варварское время были счастливые минуты, когда я испытывал силу братского интернационального единения. Ей я обязан тем, что жив, сижу перед вами. По традиции входящих в лагерь прогоняли сквозь строй. Но нас встречала лагерная охрана, в которую входили члены подпольной партийной организации.

С повязкой на рукаве «лагершутц» к Бахману подошел коммунист Эмиль Харлебах. Вот как он вспоминает эту встречу: «По поручению партии я должен был среди прибывших находить активных антифашистов и с учетом всех правил конспирации оказывать им поддержку.

Я увидел человека из Кельна: худой, с ввалившимися щеками, почти скелет. Он едва весил 50 килограммов. «Чем тебе помочь? Что тебе нужно в первую очередь?» Вопрос был скорее риторическим, так как, конечно же, он нуждался в том же, что и все остальные: кусне хлеба, и как можно больше. Но этому понадобилось совсем другое: «Есть тут у вас газеты? Какие новости вам известны?» В долю секунды мое изумление сменилось догадкой: человек, стоящий у края голодной смерти, для которого весть о борьбе важнее куска хлеба, человек, энергия, воля к борьбе которого сильнее самого страшного голода,— такой человек может быть только коммунистом, своим товарищем. Так оно и оказалось. Передо мной был товарищ Курт Бахман из Кельна.

— 8 мая 1945 года — каким остался этот день в вашей памяти?

— Я встретил его в Бухенвальде. 19 апреля, когда после восстания узники лагеря сами себя освободили, мы организовали международный митинг, а потом и отпраздновали Первое мая. В этом празднестве участвовали бывшие заключенные, представители 22 стран. Я помогал издавать «Бухенвальдские новости». Это была первая стенная газета немецких коммунистов, которая вышла накануне Победы. Начиная с тридцатых годов я постоянно слушал московское радио, и когда в сорок втором году в концлагере Ратибор мне удалось связаться с рабочим концерна «Сименс», с товарищем Куча, который передавал мне информацию, услышанную по московскому радио, я организовал устный выпуск этих новостей. Это было время Сталинградской битвы, и в условиях нечеловеческих страданий правдивая новость была дороже куска хлеба!

«Правдивая новость дороже куска хлеба»... И потому, вернувшись в родной Кельн (их, кельнских коммунистов, из Бухенвальда вернулось всего пятьдесят человек), Бахман, слушая радио Москвы на больничной койке, каждый день готовил информационный партийный бюллетень. Партия была еще нелегальной, и ни одна газета, кроме той, которую издавали английские власти, не выходила. Когда полгода спустя партия покинула подполье, Курт Бахман был избран секретарем по пропаганде и агитации в партийной организации коммунистов области Средний Рейн.

Пятьдесят три года в партии коммунист Курт Бахман. Из них почти половина приходится на годы запрета КПГ. И главным своим делом он считал всегда и считает сегодня — быть агитатором и пропагандистом коммунистических идей. Главное оружие коммуниста-пропагандиста — знания, чтобы уметь защищать интересы рабочего класса. И потому он учится всю жизнь. Думаю, кое-кто из ученых мог бы позавидовать его стилю работы, а также бесценному архиву, который он собирал всю жизнь.

Беседуя с Куртом Бахманом, слушая, как легко оперирует он фактами, приводит по памяти строки из важнейших международных договоров и ссылается на конкретные статьи конституции Федеративной республики, я ловила себя на том, что со мной беседует не один, а сразу несколько человек — историк, дипломат, юрист, журналист. Слушая его, я поняла, почему свою книгу «Кем был Гитлер в действительности» он написал в форме диалога с молодым коммунистом. Так написать мог только тот, кому ежедневно, а порой даже трижды в день приходится вести диалог с друзьями и врагами.

Эта книга переведена на русский язык издательством «Прогресс». В ней много подлинных документов, взятых из нацистских источников. Один из них — памятная записка рейхсфюрера СС и шефа немецкой полиции Гиммлера, написанная в мае 1940 года,— об обращении с чужеземцами на Востоке. В ней говорилось о том, что «для не немецкого населения на Востоке не должно быть образования выше чем четырехклассная народная школа. Ее цель должна состоять лишь в следующем. Умение считать самое большее до 500 и правильно писать фамилию. Убеждение, что послушание немцам, откровенность, прилежание и порядочность являются божьей заповедью. Умение читать я считаю излишним. Других школ на Востоке быть не должно».

Прочитав эти строчки, я оторопела: так ведь это же говорится обо мне, маленькой дочке командира Красной Армии, какой я была в те дни, когда создавалось это предписание! Я говорю об этом Курту Бахману и спрашиваю его, почему спустя 33 года после Победы над фашизмом он написал эту книгу и кому адресовал ее в первую очередь?

— Книга написана по актуальному поводу. Сегодня Гитлера изображают как великого деятеля своего времени, даже «революционера»! Реакционным силам вновь хотелось бы получить «сильную личность», которая может «исправить» создавшуюся после войны ситуацию и существующие границы. Это рассчитано на молодое поколение нашей страны. И я свою книгу адресовал прежде всего учащейся и рабочей молодежи. Я считаю для себя крайне важной задачей сделать молодых невосприимчивыми к демагогии «коричневых» растлителей душ, а для этого надо рассказать молодежи правду! И теперь, в год 40-летия Победы над фашизмом, мы работаем особенно активно.

— И какие это дает результаты?

— Не хочу ничего преувеличивать, но та разъяснительная работа, которую мы ведем совместно со всеми антифашистами, социал-демократами, профсоюзами, «зелеными», молодежными организациями, словом, прогрессивными силами страны, дает, по-моему, свои плоды. Сами посудите, нет ни одного города, где бы в этом году не проходили вечера, собрания, митинги, посвященные этому важному юбилею! Все больше учителей в школах и гимназиях устраивают со своими учениками выставки на эту тему и приглашают нас, участников немецкого движения Сопротивления. Если учесть, что наше министерство просвещения бдительно следит, чтобы, не дай бог, в школьные учебники не «просочилась» правда о минувшей войне, то становится ясно, что провести такой вечер не просто. Я сам выступал в той самой школе, где когда-то учился. Могу сказать, что просьб выступить в школах гораздо больше, чем ветеранов-антифашистов в Объединении лиц, преследовавшихся при нацизме,— Союзе антифашистов. Это, конечно, радует и придает нам силы! Но нельзя не видеть, что сегодня бывшие эсэсовцы открыто собираются на свои сходки, они занимаются откровенно поджигательной, реваншистской пропагандой.

— По данным западногерманской печати, в этом году предполагается истратить на реваншистские мероприятия более 80 миллионов марок! Чем, на ваш взгляд, объясняется активизация реваншизма?

— Оживление реваншистских идей в ФРГ «совпало» с объявлением Рейганом «крестового похода» против коммунизма. В нашей стране существуют силы, которые получили поддержку с момента прихода к власти правой коалиции в Бонне. И они надеются, что под американским крылышком им удастся «поправить» итоги второй мировой войны. Например, председатель фракции ХДС/ХСС в бундестаге, бывший командир батальона в гитлеровском вермахте Дреггер считает, что граница с Польшей может быть урегулирована только после заключения мирного договора. Но ведь ФРГ не имеет границы с Польшей! Граница по Одеру — Нейсе закреплена в договоре, заключенном в 1950 году в городе Згожелец между ГДР и ПНР, и этот договор действителен на все времена. Система договоров, которые были в семидесятые годы заключены ФРГ с СССР, Польшей, ЧССР и ГДР, закрепляет существующие границы неприкосновенными как на сегодня, так и в будущем. Любая другая интерпретация договоров противоречит их духу и содержанию. И главная задача всех демократических сил нашей страны — добиться того, чтобы правительство ФРГ их соблюдало. Тот, кто посягает на границы в Европе, посягает на мир в Европе!

— В ФРГ прошли многотысячные марши протеста против установления американских смертоносных «Першингов». Но ракеты уже здесь! Значит ли это, что движение за мир пошло в ФРГ на убыль? Какая перспектива дальнейшей борьбы за мир в условиях, когда нынешний военный бюджет ФРГ — самый большой за последнее десятилетие?

— Хотя ракеты все-таки встали на нашей земле, антивоенное движение не прекратилось. Оно развивается под лозунгом: остановить дальнейшее размещение ракет, вывезти уже существующие и предотвратить милитаризацию космоса. Растет число тех, кто понимает: США хотят превратить нашу страну в стартовую площадку для ракет первого удара. Эту опасность увеличивает программа «звездных войн» Рейгана. Если размещение ракет на нашей территории подавалось под соусом «довооружения», то теперь делаются попытки выдать космическое вооружение за оборонное оружие, за оружие мира! Это еще более опасное извращение действительности. В чем же я вижу перспективы? В том, что крепнет движение за мир, организованное по профессиям,— в нем объединены работники искусства, врачи, учителя, ученые и так далее. Здесь, на мой взгляд, зреет решающая сила. Нужно и можно заставить наше правительство отказаться от участия в планах американских «звездных войн».

— Минувшим летом в ФРГ я встречалась с молодежью, и у меня сложилось впечатление, что значительная ее часть настроена пессимистически, так как шансы получить работу уменьшаются, а опасность стать пушечным мясом возрастает.

— Да, это большая проблема! У нас сегодня двести семьдесят тысяч молодых людей, которые закончили профессионально-техническое обучение и остались без работы. Я пережил в тридцатые годы промышленный кризис, когда миллионы молодых людей остались без работы и это оказалось очень опасным: ведь именно их привлек в свои ряды Гитлер! После выхода книги «Кем был Гитлер в действительности» я встречался с теми, для кого ее написал, более ста пятидесяти раз. Меня спрашивали молодые: «Каким должно быть наше будущее? Как нам жить?» Ответить может только тот, кто знает историю. И я объясняю молодым, какую опасность несет фашизм, когда он получает активную моральную и материальную поддержку, как это случилось в Германии в тридцатые годы. Конечно, меня тревожат растущая безработица среди молодых и пессимизм, которым действительно охвачена часть нашей молодежи. Но вместе с тем я радуюсь, когда вижу молодых в колоннах марша мира и в стачечных пикетах, на демонстрациях, требующих запрещения деятельности неонацистских союзов. Меня воодушевляет то, что все более влиятельным становится марксистский студенческий союз «Спартак».

— В те годы, когда вы приняли решение стать коммунистом, нужно было быть готовым к жертвам. А что значит сегодня быть в ФРГ коммунистом?

— Коммунисты в нашей стране люди мужественные, сильные духом. Средний возраст членов ГКП тридцать—тридцать пять лет. В этом возрасте у большинства семья, дети, и потому нелегко приходится, когда ты уже не сам, а вместе с семьей испытываешь те трудности, с которыми и встречается коммунист. Ну, например, пресловутый «запрет на профессии», о котором вы, конечно, слышали. Согласно третьей статье нашей конституции, каждый имеет право на свободное выражение мнения, на выбор профессии и проявление религиозных чувств. По конституции нельзя преследовать людей за их убеждения. А что в действительности? У нас сегодня уже свыше шести тысяч учителей стали жертвами запрета на профессии только потому, что они члены ГКП или симпатизируют коммунистам! Это же явное нарушение конституции! В конституции есть статья, охраняющая свободу собраний и свободу слова. Но если рабочий на предприятии будет распространять листовку ГКП, его тут же уволят. Конечно, сейчас не та ситуация, что была в годы прихода фашизма к власти, когда были запрещены все буржуазные свободы. Но то, что записанные в конституции права граждан ФРГ постоянно нарушаются или искажаются,— свидетельство опасного поворота вправо. Сегодня это касается коммунистов, завтра — социал-демократов. А что будет потом?

Я побывала в Дуйсбурге на открытии нового книжного магазина имени Бертольта Брехта и услышала здесь о том, что читатели Федеративной республики, получая правдивую информацию об СССР в гомеопатических дозах, проявляют заинтересованность в том, чтобы узнать больше. И, пользуясь этим, некоторые нечистоплотные дельцы книжного бизнеса выпускают большим тиражом книги, показывающие СССР и его людей в кривом зеркале. Что думает об этом Курт Бахман, много раз бывавший в нашей стране?

— Антикоммунисты сознательно отравляют людей ложной информацией о Советском Союзе и странах социализма. Сегодня наша страна переживает так называемую «новую бедность». Научно-техническая революция, особенно в области электроники, имеет катастрофические последствия для рабочего класса. Огромное количество людей деклассируется. У нас 2,3 миллиона безработных и еще 1,3 миллиона официально не зарегистрированных безработных. Перспектива на ближайшие 10—15 лет? Все больше богатств будет концентрироваться в руках меньшего числа крупных монополистов, и чтобы прикрыть, затушевать эту правду, антикоммунизм всеми способами старается ошельмовать прогрессивную социалистическую систему. Отсюда растущий поток антикоммунистической книжной продукции в магазинах. Когда я впервые имел счастье приехать в вашу страну, это было в 1955 году, меня не интересовали старые, деревянные дома. Мне интересно было видеть новых людей, таких, каких я нигде не встречал до той поры. Московское метро напоминало библиотеку: у многих в руках были книги, и мне это рассказало о Советской стране больше всего! В СССР все люди абсолютно уверены в своем будущем: у них нет заботы о том, что их могут выбросить на улицу из квартиры или с работы. Это и есть высший гуманизм социалистического общества! Приезжая к вам, я всякий раз радуюсь каждому новому дому, новому городскому району, театру и картинной галерее!

Недавно с группой товарищей из ГКП я побывал в Волгограде и в Красногорске, где мы встретились с ветеранами-фронтовиками и молодежью. Это прекрасные миролюбивые люди. Я уверен, те, кто пишет книжки-пасквили, прекрасно знают о замечательных социальных достижениях вашей страны. Знают, но предпочитают делать вид, что не имеют о них представления!

СССР сегодня главная опора и надежда тех, кто ведет борьбу за мир и социальную справедливость!

Запомнились встречи в Ленинграде на Пискаревском кладбище. Самым потрясающим было то, что меня, немца, там не воспринимали виновным в гибели тех, кто погиб в дни блокады Ленинграда! Но они, эти люди, спрашивали с тревогой: не поднимется ли с немецкой земли война? Прекрасное стихотворение Евтушенко «Хотят ли русские войны» точно отражает мышление советского человека — гуманного, миролюбивого.

Курт Бахман взял в руки ручку, задумался на минуту и, склонившись над листком бумаги, написал:

«Приветствуя читателей «Огонька», я от всего сердца благодарю советский народ за его героическую борьбу против германского фашизма, за освобождение также и нашего народа от фашистского ига.

Мы должны объединять все силы для того, чтобы война и фашизм никогда больше не исходили с немецкой земли!»

Кельн — Москва.

В. Игошев. Род. 1921. НА УРОКЕ МИРА. 1983—1985.

Всероссийская выставка «Мир отстояли — мир сохраним».

О. Пономаренко. Род 1948. ИНТЕРВЬЮ ИЗ МАГАЧАЛЬПЫ. 1985.

Всесоюзная выставка «40 лет великой Победы».

А поезда уходят вдаль

Хаим БЕЙДЕР

ИЗ ВОЛОЧАЕВСКОГО ДНЕВНИКА

I

Тишина.
Молчания минута.
Сопка, что с тобой меня свело?
До земли склонились ветки,
Будто
Им, как мне, сегодня тяжело...
Помолчим.
Минута словно вечность.
Время, память павших оживи!
Тише, снег,
Не падай мне на плечи.
Ветер, свой полет останови.
Трудно мне дышать — не от мороза,
И глаза болят —
От снега?..
Так,
Словно здесь поэзия и проза
В лоб сошлись в последней из атак.
Здесь, на этом месте легендарном,
До земли пропитан кровью снег,
Кровью тех, кто шел на штурм недаром,
Временем прославленных возех.
Почему же сопка загрустила?
Чей покой хранит она сейчас?
Спят под снегом братские могилы,
О грядущем спрашивают нас...

II

Когда приходит полночь
И музей
Как бы парит над сопкой невесомо,
Они выходят, воины главкома,
На перекличку с памятью своей.
И сопка видит каждого из них:
За рядом ряд идут они, как прежде,—
Сто восемнадцать вечно молодых
Солдат великой армии надежды.
А в час ночной,
Так люди говорят,
Когда в деревьях ветер воет глухо,
На перекличке с памятью стоят
И Постышев, и Серышев, и Блюхер...
Так день за днем,
С тех самых давних пор,
Напоминая о грядущем людям,
Они стоят —
Аксенов Никанор,
Борисов, Волков, Гартман, Фельдман,
Юдин...
Они стоят в порядке боевом,
И, в штурме
Пожелав бойцам удачи,
Напоминает снова им главком
О главной и единственной задаче.
Идут бойцы,
И пусть нелегок путь —
Они в бою бессмертие находят.
Но лишь рассвет забрезжит —
Отдохнуть
До штурма вновь в музей они уходят...

Перевел с идиш Л. ШКОЛЬНИК.

НА ВОКЗАЛЕ

— Далек твой путь? — ответа ждут.
— Иль провожаешь? — рядом стали.
Как объяснить, зачем я тут,
На этом маленьком вокзале?
А поезда уходят вдаль,
Наш тихий город покидая...
Мне хорошо.... Хоть очень жаль,
Что всех куда-то провожаю.
Смеется девушка в окне,
И кто-то мчится по перрону.
Шлет поцелуй... Кому он? Мне?
Пускай не мне.
Пускай другому...
— Вы уезжаете?
— Куда?
— Вот на вокзале вы, я вижу...
Я провожаю поезда,
И с каждым днем мне люди ближе.

Перевел А. УРВАНЦЕВ.

СКОРЫЙ ПОЕЗД «РОССИЯ»

На «ТУ» и на «ИЛах» прекрасен полет,
Но пусть извинит меня Аэрофлот
За то, что однажды, в час вечера синий,
Возьму я плацкарту на скорый «Россия».
И медленно он отойдет от вокзала,
И жизнь моя словно начнется сначала:
Я буду с восторгом следить из окна,
Как дремлют стога и восходит луна,
Как наискось плавной, волшебной дугой
Пейзаж наезжает один на другой,
Как, виды меняя, сменяются дни,
Как газовых вышек пылают огни,
И Каменный Пояс, и пламя Магнитки,
И трубопроводов гигантские нитки,
Равнины Приобья, Столбы Енисея,
В бетоне плотины красавица Зея,
А там, за хребтом, горяча и упряма,
Звучит трудовая мелодия БАМа,
И, в сопках рубежных ворочаясь хмуро,
Течет необъятное тело Амура,
И, если вглядеться в разливы тумана,
Плеснет синевою волна океана.
Закат золотится над вечною синью...
Спасибо!
До скорого, скорый «Россия»!

НЕ ТРОНЬТЕ МЕЧТАТЕЛЯ!

Прошу вас, не троньте!
Не троньте, прошу вас, мечтателя!
Препоны не ставьте
Ему на нелегком пути.
Не троньте носителя вечности,
Будущих буден ваятеля:
За тех, кем мы будем,
Он должен тревогу нести.
Идет он сквозь тьму,
Сам себе освещая дорогу
Сиянием глаз,
Беззаветного сердца огнем.
Что стоит мечтанье?
О, если б вы знали, как много!
Так много,
Что легче иным
Позабыть
И не думать о нем.
А он забывать
Не умеет,
Не может, не хочет...
Но мелочных счетов
Не сводит с обидчиком он.
Награда ему
Не нужна за бессонные ночи.
Себя он воздарит
Созданьем пространств и времен.
За это извечное бдение
Сможем ли мы расплатиться —
Дубленкой?
Машиной?
Тщетой юбилейных торжеств?
А вдруг в этот миг
Он творит —
Никогда вам такое не снится —
Великую формулу
Неких грядущих блаженств?
И счастье,
Которое мы потеряли когда-то,
Вернет он сполна,
Не оставив себе ничего:
Положит к ногам
И с улыбкой своей виноватой
Отступит во тьму,—
И опять мы забудем его...

Не троньте, прошу вас,
Не троньте, прошу вас, мечтателя!

Перевел А. БРОДСКИЙ.

АЛТАЙСКОЕ СОЛНЦЕ

Алтайское солнце в начале весны,
Скатившись с небесной своей крутизны,
На берег Катуни, закованной льдом,
Выходит
И весело смотрит кругом,
И землю слегка, как ребенка, погладив,
Ласкает, баюкает, нежит —
А там,
Как будто бы с собственной силой не сладив,
Вдруг ринется вскачь по полям, по горам.
Алтайское солнце летит напролом —
Ему уже все нипочем,
Нипочем!
Земля еще тонет по пояс в снегу,
Но звонкие струйки
Под снегом бегут,
Готовые разом вспороть одеяло...
Весна еще только едва началась,
А солнцу
И горя как будто бы мало —
Оно веселится, смеясь и лучась.
Взгляните:
Сосновый заснеженный бор
Уж сбросил серебряный зимний убор,
И Чуйская степь в нетерпении ждет
Начала веселых весенних забот.
И горный хребет от глубокого сна
Очнулся —
И сразу к медведю в оконце:
— Эй, соня, вставай!
Наступила весна!..
Веселое солнце!
Алтайское солнце!

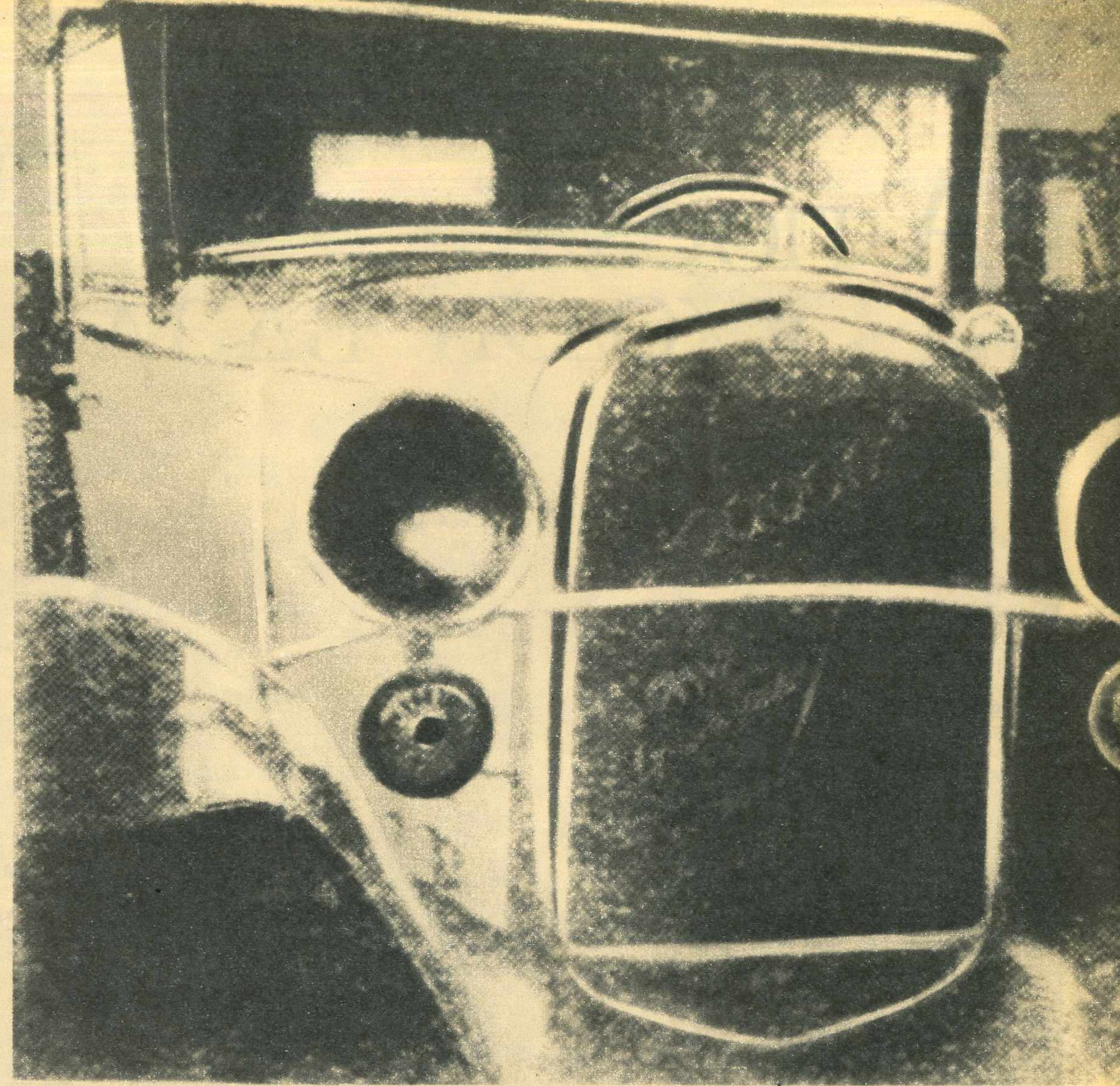
В ПУТЬ

Гудок. Объятья. Голоса.
Прощальные огни перрона —
И вот уже поля, леса
Плывут за окнами вагона.
Как незаметно началось
То чудо, что зовем дорогой!
И обещаньем, и трезогой
Волнует мерный стук колес.
Струною тракт
Иль как спираль —
Я все, как дар, беру на плечи,
И нипочем любая даль,
И ветер, бьющий мне навстречу.
Неудержимой, жизнь, мне будь!
Осталось мало ль мне
Иль много —
Близка, далёка ли дорога,
Но в путь!
Еще раз —
Только в путь!

Перевел В. АНДРЕЕВ.

Макар Мазай. 1936 год.

Очередной «ГАЗ», сошедший с конвейера Горьковского автозавода. 1935 год.

«Огонёк»

Стахановцы в редакции

Путь к рекордам

запросто

1935 ноябрь 30

Рассказ фрезеровщика И. Гудова

Стахановцы — гости «Огонька». 1935 год.

СТАХАНОВ ЗРИМЫЕ ЧЕР

Помните, у Александра Жарова была песня о металле, в которой есть такая строчка: «Стали! Побольше бы стали!» Это была любимая песня начала тридцатых годов. Тогда стране нужна была всякая, любая сталь. Даже простой железный гвоздь являлся ценностью. Очень мало было стали в стране. Теперь ее у нас производится больше, чем в любой стране мира. Но сегодня требуется не лишь бы какая сталь. Лозунг металлургов одиннадцатой пятилетки—«Больше отличного металла Родине!». Именно отличного, высококачественного, именно такого, какой заказали энергетики и авиаторы, нефтяники и творцы вычислительной техники, прецизионных станков и роботов, строители автомобилей и кораблей. О том, как решается эта задача, рассказывают металлурги и машиностроители, участники «Встречи трех поколений», состоявшейся в «Огоньке». (См. № 50, 1984 год, и № 28, 1985 год.)

ЦА

ТЫ

Фото А. ГОСТЕВА

и Л. ШЕРСТЕННИКОВА

ПЕСНЬ О МЕТАЛЛЕ

Михаил ПРИВАЛОВ, главный сталеплавильщик «Союзметаллургпрома», Герой Социалистического Труда

«Наступил день 14 октября. В этот день наша бригада вышла на смену за двадцать минут до гудка.

В 9 часов мы выпустили плавку предыдущей смены. Решили в ту же смену сварить еще одну плавку. Мои подручные Пархоменко и Самойлов, крышечница Мокрицкая работали с огромным воодушевлением. Каждое приказание выполнялось вмиг. Мы достигли почти идеальной организованности. Плавку сварили за 6 часов 50 минут, съем составил 13,4 тонны стали с квадратного метра печи».

Из «Записок сталевара» Макара Мазая

«Тем, что вы своей стахановской работой добились на протяжении двадцати дней подряд среднего съема 12,18 тонны с квадратного метра площади пода мартеновской печи, вы дали невиданный до сих пор рекорд...

Отныне разговоры могут быть не о технических возможностях получения такого съема, а о подготовленности и организованности людей».

Из телеграммы С. Орджоникидзе Макару Мазаю

Я принадлежу к первому поколению стахановцев. О рекорде Стаханова мы в Новокузнецке узнали из газет, радио у нас еще не было. Все зашумели, засуетились, забегали. Как же это так? А мы чем хуже шахтеров? Это было как циклон, как вихрь, только привел он в движение не слои атмосферы, а массы людей. Начались и у нас скоростные плавки. Помню, как ликовал комбинат, когда наша бригада получила сталь за восемь часов. (Я к тому времени уже пятый год стоял у мартена.) Не за пятнадцать часов — за восемь! Сразу же после плавки партбюро собрало всех сталеваров в малом зале при цехе, я рассказывал, как мы заставили работать печь почти вдвое быстрее. Мы соревновались тогда с магнитогорцами. Там тоже не дремали. Сталевар Дьяченко в дни стахановской пятидневки (потом были стахановские декады, стахановские месяцы) варил сталь за 7 часов 30 минут.

О Макаре Мазае. Да, его жизнь как факел — яркая, зовущая за собой. Он стал среди нас в те годы общепризнанным лидером, все равно как бегун, ведущий гонку. Только дистанция оказалась трагически короткой,— очень рано оборвалась его героическая жизнь.

В июне 1936 года Серго Орджоникидзе, выступая на Совете при Наркомтяжпроме, поставил перед металлургами конкретную задачу — поднять выплавку стали в стране до 60 тысяч тонн в сутки и соответственно суточное производство проката с 35 до 45 тысяч тонн. (Сегодня, скажу для сравнения, проката производится примерно в восемь раз больше.) А это означало, что с каждого квадратного метра пода печи надо было снимать пять с половиной тонн стали. Вот это и послужило стимулом для Мазая.

В цехе завода Ильича, в Мариуполе, где работал Мазай, уже были свои стахановцы. Конкретная цель, поставленная наркомом, была понятна и близка каждому. Но Макара она как-то особенно задела за живое. Чувствительность у него была на этот счет повышенная, что ли? Мазай задумал изменить кое в чем... саму печь. Конкретно: углубить ванну мартена и поднять ложные пороги. Шутка ли — такое неслыханное дело! Начальник цеха — им был Шнееров — побоялся даже говорить об этом администрации завода, но как специалист разделил точку зрения Макара и на свой страх и риск разрешил переделку. Можно себе представить, каким бы мог стать блестящим инженером или конструктором Макар Мазай, если б не война...

В год 50-летия стахановского движения невозможно не вспомнить и о коллективном подвиге Магнитки. Фронту понадобилась броневая сталь. Ее Магнитка не делала. Но через месяц после начала войны, 28 июля 1941 года, такая сталь была получена на печи № 3, а осенью, опрокидывая все каноны классической теории сталеварения, ее впервые в мировой практике стали варить в обыкновенных большегрузных мартенах с основным подом. Таким же дерзким и ошеломляющим было успешно реализованное предложение катать броневой лист на... блюминге. Не зря ведь было сказано поэтом, что:

«...Россию грудью защищала
в грозный час Магнитная гора».

Пройдет еще несколько лет, и сталевары той самой третьей печи Захаров, Зинуров и Семенов предложат сэкономить за год миллион рублей и выплавлять сверх плана 12 тысяч тонн стали. Как созвучно то начинание первой послевоенной пятилетки современному курсу народного хозяйства на экономию всех средств.

А в Запорожье на линию огня уже выходил Иван Каёла со своей первой на заводе бригадой коммунистического труда, регулярно выдававшей скоростные плавки; в Жданове, рядом с заводом Ильича на «Азовстали» подал в восьмой пятилетке голос Григорий Горбань. Осваивая новую, только что построенную печь, он взял нелегкое обязательство: получать сталь с максимальной площади и без брака — только отличного качества. Сегодня такая работа требуется от каждого сталевара. Горбань рекордов не ставил, на «Азовстали», и на многих других предприятиях они не в почете — настало время четкого ритма, подтягивания отстающих мартенов к общему высокому уровню производства всех печей. В девятой пятилетке Горбань сделал следующий шаг: работа только по заказам и на отлично. Уже будучи первым в стране сталеваром — дважды Героем Социалистического Труда, Горбань освоил на реконструированном агрегате технологию выплавки высококачественной стали. Это по его инициативе началось движение «От стали высшего качества — к прокату и машине с почетным пятиугольником». Достигли в этом успеха конвертерщики Новолипецкого металлургического комбината, особенно лауреат Государственной премии СССР Александр Чеграхчи, сталевары Череповца Герой Социалистического Труда Векшин и кавалер ордена Ленина Красавин. Как видите, факел, зажженный и поднятый Макаром Мазаем, не гаснет, разгорается сильней. Что же касается задачи по съему стали — до 4,5 тонны,— поставленной пятьдесят лет назад Серго Орджоникидзе, то она перекрыта с лихвой: в XI пятилетке в среднем он составил 9,86 тонны с квадратного метра пода.

И еще вот на что хочется обратить внимание: Макар Мазай поступал на завод, читая по слогам, потом он учился; Григорий Горбань стал к мартену, будучи студентом техникума, окончил позже ВПШ при ЦК КПСС (у мартена). Среди сегодняшних молодых сталеваров вы с трудом найдете человека с образованием ниже среднего. И это тоже своего рода «рубежи» наших плавок.

Я тут ничего не говорил об электросталеплавильщиках — вижу среди гостей «Огонька» своего коллегу с «Электростали»...

САМЫЙ ПРОЧНЫЙ СПЛАВ

Анатолий КОРОТЕНЬКОВ, сталевар завода «Электросталь», депутат Верховного Совета СССР, лауреат Государственной премии СССР

Фронт вплотную подошел к Москве. Завод остановили. Бывший в то время секретарем парткома Рыбакин вспоминает: «Ночь с 15 на 16 октября 1941 года была особенно тревожной. До предела накаленная, пугающая тишина стояла на заводе. Там, где совсем недавно плавился металл, все застыло. Непривычно безлюдно было в холодных цехах. Пришел приказ: эвакуировать завод на Урал... «В феврале 1942 года вынесли решение — восстановить завод «Элект-

росталь». И уже 20 мая 1942 года первая печь в сталеплавильном цехе № 1 выдала плавку.

Теперь в этом цехе работает Анатолий Романович Коротеньков. В честь сорокалетия Победы его бригада выплавила сорок тонн высококачественной стали сверх плана.

Завод у нас замечательный — ровесник Октября, первый металл получен здесь на десятый день Советской власти. Все новое, передовое, что есть в мировой металлургии, можно увидеть в наших цехах. Чтобы получать сверхчистые, сверхпрочные сплавы, мы заставили работать электронный луч, плазму, глубокий вакуум. На таком оборудовании, с такой техникой нельзя работать с прохладцей. Когда у меня как-то спросили, чем меня, какими своими чертами особенно привлекают Стаханов и Мазай, я ответил: «Любовью к Родине. Стремлением сделать свою профессию более возвышенной...»

Вот таким был один из зачинателей стахановского движения на «Электростали», Алексей Петрович Журавлев, депутат Верховного Совета СССР четырех созывов, Герой Социалистического Труда. Другой наш Герой Социалистического Труда Павел Иванович Абашкин, участник Великой Отечественной войны, дошел до Берлина. В дни войны пришел 16-летним пареньком Владимир Иванович Корягин, а стал замечательным сталеваром, Героем Социалистического Труда. На параде 9 мая 1985 года возглавлял колонну ветеранов тыла. Наконец, знатный сталевар наш, тоже Герой Социалистического Труда, Василий Дмитриевич Постников. Мне было с кого брать пример.

С Алексеем Петровичем я был близко знаком, мне же посчастливилось работать на его печи. Вначале было трудно, много возникало неясностей. Журавлев всегда в нужную минуту старался прийти на помощь. Он очень переживал за каждую мою неудачу, все равно как за свою, и обязательно помогал найти выход из положения, поправлял мои ошибки. Опыт и знания ветеранов в сочетании с поиском молодых и есть тот самый прочный сплав, который всегда, особенно в годы войны, помогал делать невозможное.

Поддержал меня Алексей Петрович и тогда, когда я уже стал бригадиром.

Шла восьмая пятилетка. Завод не выходил на заданные рубежи по производительности труда. Я тогда был еще совсем молодой. Собрались мы в бригаде — а бригада комсомольско-молодежная,— проанализировали свою работу, стали искать, где у нас потери, на чем спотыкаемся. Пришли к выводу, что можем делать больше. План был 10,8 тонны стали за смену. А после тщательной подготовки стали получать двенадцать, а потом даже четырнадцать за смену. Значит, можно работать лучше! Вскоре наше начинание подхватили и другие бригады, потом не только на заводе, но и в городе. Газета «Правда» опубликовала мою статью «Сегодня рекорд — завтра норма».

Одиннадцатую пятилетку завершаем досрочно. Намерены в этом году отработать на сэкономленной энергии и материалах не два дня, а больше.

«ИНТЕНСИФИКАЦИЯ-90» И СОДРУЖЕСТВО

Считанные месяцы остались до завершения одиннадцатой пятилетки. Все полнее воплощается в жизнь поставленная партией задача — сделать бригадную форму организации труда и стимулирования основной в народном хозяйстве. Сегодня только в промышленности действует полтора миллиона бригад. Их опыт показывает, что найден эффективный, свойственный социалистическому строю путь повышения производительности труда, когда соединяются интересы личности, коллектива и общества.

Владимир ЧИЧЕРОВ, бригадир объединения «Ленинградский Металлический завод», член ЦК КПСС, заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР, дважды Герой Социалистического Труда

Степан Степанович Чичеров, кадровый питерский рабочий, приказом генерал-губернатора от 9 сентября 1913 года «был подвергнут обыску и аресту за агитацию и подстрекательство к забастовке на Балтийском заводе», ему запрещалось проживание в столице. Сын его, Владимир Степанович Чичеров, тоже кадровый рабочий, ленинградский. Как дважды Герою Социалистического Труда, ему на родине, то есть в Ленинграде, будет сооружен бронзовый бюст.

Продукция нашего объединения широко известна: турбины. От небольших паровых до «миллионников» атомных электростанций. Когда-то Россия покупала турбины за рубежом, теперь десятки стран Европы, Азии, Америки и Африки покупают турбины у нас. Что же касается нашего цеха и нашей бригады, то мы делаем металлоконструкции, конкретно—собираем цилиндры низкого давления — ЦНД — для турбины. Представьте себе этакую стальную махину металла на сорок—семьдесят тонн. Неказиста на вид, непривлекательна. Но вот, подхваченный кранами, поплыл наш ЦНД над цехом. И радостно: сделали, целый месяц крутились вокруг него всей бригадой, теперь его установят на станции. А на подходе уже новые цилиндры, и хочется сделать их наилучшим образом и побыстрее. О том же думали пятьдесят лет назад и наши первые в многомиллионной армии машиностроителей запевалы Александр Бусыгин и Иван Гудов, когда ставили свои рекорды. Помогали своим товарищам-соперникам и состязались: кто больше, кто лучше, кто быстрее. То большое содружество, о котором хочу рассказать,— от них пошло. Только оно складывалось не на индивидуальной основе, когда каждый за себя отвечал, а на коллективной. И в этом его сила.

Убедился на собственном опыте — четверть века бригадирствую,— что такая форма организации труда дает наибольший эффект во всех отношениях. И прежде всего в воспитании человека. Величину заработка каждого определяет общее собрание, на котором все равны. Бывает, и мне как бригадиру указывают на недочеты. Я не освобожденный, работаю наравне со всеми. Полная, так сказать, демократия. Сами оцениваем свой труд и сами решаем, как увеличить его отдачу.

Именно бригады позволили нам подняться на следующую ступень соревнования — перейти к содружеству со смежниками, с инженерами и учеными. Началось все со знаменитого договора 28 на первом этапе строительства Саяно-Шушенской ГЭС. У нас, тружеников города Ленина, особое, я бы сказал, личное, к ней отношение. Она сооружается в тех местах, где Владимир Ильич отбывал ссылку. Ленинградцы должны были поставить для ГЭС 70 процентов всего оборудования. Это определило и темпы, и качество. Десять лет назад ЦК КПСС одобрил, как известно, нашу инициативу, наш встречный план стал государственным. Недавно был отправлен последний агрегат. Все они как будто одинаковые, но каждый следующий отличается чем-то от предшественника. За это время на десять процентов снизилась трудоемкость их изготовления, сэкономлено около ста тонн проката.

У нашей бригады для Саяно-Шушенской ГЭС свой особый календарь. Первый листок 11 октября 1975 года. На всю жизнь запомнился этот день. Видел, как в стылые воды Енисея с грохотом рушились скальные глыбы и негабариты. Лучшим бригадирам Валерию Познякову и Владимиру Зайцеву было предоставлено право поднять вымпел «Слава труду!». Летчик-космонавт Береговой и я были у них ординарцами. Вот тогда и началась наша дружба с бригадой Валерия. Решили соревноваться. Позже такой же договор о содружестве заключили между собой бригады Валентина Антонова с нашего объединения и Вячеслава Демиденко по монтажу турбин.

А потом на очереди была «турбина века», как ее назвали — паровая машина мощностью 1 200 000 киловатт для Костромской ГРЭС. Тут тоже не обошлись без договора о содружестве. Хорошее это слово, емкое. Прочесть его можно и так: единение сил. Вот пример из самых последних лет.

Ленинградская программа «Интенсификация-90» предусматривает обновление и расширение нашего завода. Часть цехов, в том числе и наш, переведена на новую площадку. Тут все новое: и оборудование, и технология. Мы, рабочие, участвуем в ее разработке во многих случаях совместно со специалистами и инженерами ВНИИэнергомаша, бюро паровых турбин, отделов главного сварщика и нестандартного оборудования. Созданы группы творческого содружества. Такое взаимодействие было и в период освоения мощностей. Теперь этот процесс происходит постоянно. Ведь у Гудова как было вначале? Помните? Сам придумал приспособления, сам мастерил их. Испытывал ночью, тайком, чтоб не попало от начальства за своевольство. Сегодня все это воспринималось бы как кустарщина. Сегодня так: возникла у кого-то из нас идея — немедленно собирается группа, обсуждаем. Технологи и конструкторы помогают довести ее «до ума», а спецслужба — оперативно изготовить. Все на современном техническом уровне. Авторство, разумеется, остается за рационализатором, но результатом воспользуется вся бригада, весь цех. Цель ныне другая: реализация возможностей не одного человека, а всего коллектива. Весь коллектив должен идти вперед! Вероятно, нашей бригаде это удается, потому что мы закончили свою одиннадцатую пятилетку к 5 октября 1984 года. Соревнуясь в честь XXVII съезда партии, мы намерены изготовить досрочно узлы турбин для Запорожской и других электростанций. Предстоит большая работа по увеличению надежности машин, улучшению их качества. Об этом говорил М. С. Горбачев во время своего пребывания в Ленинграде. Задача у нас общая и одна — активно решать проблему ускорения научно-технического прогресса.

ВСЕГДА В ПОИСКЕ

Анатолий СПИРИН, бригадир термистов агрегатного завода объединения «КамАЗ»

Год рождения 1941-й.
Образование полное среднее.
Стаж работы 18 лет.
Награды: орден Трудового Красного Знамени.

— Что привлекает вас больше всего в стахановцах!

— Любовь к Родине, упорство, воля к победе.

Из анкеты участника «Круглого стола».

У нас, автомобилестроителей, стахановское движение пошло от Александра Харитоновича Бусыгина. Он был кузнецом, ковал валы и ступицы для «ГАЗов». Наша бригада подвергает термической обработке разные детали к «Камазам».

И у него, и у нас есть печи. «Огонь чувствуй!» — говорили старые мастера деревенскому пареньку, когда тот решил стать кузнецом. Это я вычитал в книге Александра Харитоновича «Свершения». Печи у нас разные, но дело-то не в них. В каждом человеке должно быть это чувство огня, стремление к большему, к своему совершенствованию. Я просто восхищаюсь упорством, с которым и Стаханов, и Бусыгин готовились и шли к своим рекордам. Горьковский кузнец прежде всего потребовал, например, поддать жару — увеличить печи, чтоб можно было нагревать в них не одну, а сразу две и больше заготовок. Позаботился о нагревальщиках, включил их в свою бригаду и организовал работу так, чтобы не было потерь времени. В конце концов достиг такой высокой производительности труда, что король автомобильной промышленности в Америке Генри Форд забеспокоился. У Бусыгина очень красочно описано, как в Гульрипши, где отдыхал на Черном море Александр Харитонович, явился представитель фирмы с предложением переехать в США и... работать у Форда в Детройте...

А вот нам довелось побывать на заводе у Форда, страна посылала нас ознакомиться с оборудованием... «Мы» — это я и Костя Тупов, мой товарищ, член совета нашей бригады.

В нашем коллективе 43 человека. 43 судьбы, связанные с судьбой Камского автогиганта. Многие из нас приехали в Набережные Челны, когда только начиналась стройка. И помнят Александра Харитоновича. В первые годы рождения КамАЗа приезжал к нам знаменитый кузнец, тогда еще даже РИЗа, ремонтно-инструментального завода, не было—только его корпуса поднялись. Но ему рассказывали о том, каким будет КамАЗ.

— Будто на вершину высокой горы я поднялся,— взволнованно говорил Александр Харитонович,— и отчетливо увидел с этой высоты прошедшие годы. Великие дела творятся: молодежь создает предприятие, какое нам и во сне не снилось.

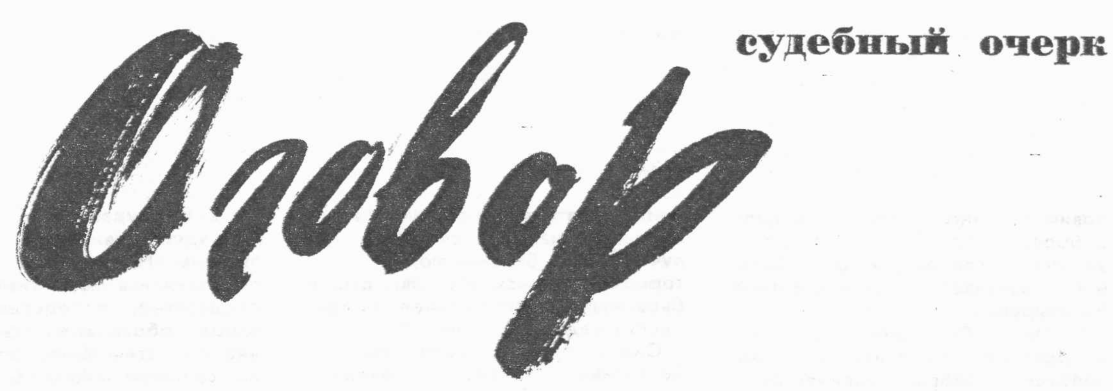
Больше 600 000 «Камазов» уже работает на дорогах страны. Темп их выпуска нарастает, и возникают новые задачи. Это видно даже на примере нашей бригады.

Сегодня мы обслуживаем 32 «единицы» новейшего термического оборудования. Сказал «новейшего» и задумался. За восемь лет, что работает КамАЗ, наше термическое оборудование кое в чем морально устарело и требует значительного совершенствования, так как по росту производительности труда резервы оказались исчерпанными. Как же быть? Средство одно: постоянный поиск. В каждой из «единиц» есть новшества, придуманные нами для облегчения труда, повышения его отдачи. Только два наших предложения по изменению конструкции агрегатов принесли 54 тысячи рублей экономии в год.

В результате мы вышли победителями в трудовом соперничестве бригад всего объединения КамАЗ, завоевали приз журнала «Огонек», и согласно условиям соревнования коллектив премировал нас поездкой в редакцию, и вот мы в Москве...

Рассказы выступавших записали Г. КУЛИКОВСКАЯ, Ю. РОМАНОВ.

судебный очерк

Оговор

Виктор ПРОНИН

Началось все довольно невинно. К адвокату из Геленджика Валентине Николаевне Богатыревой обратилась некая женщина — Тамара Михайловна Луговая. Была она с финансовым образованием, роста небольшого, голосом обладала звонким до пронзительности. А обратилась к адвокату по той простой причине, что муж ее, Петр Васильевич Луговой, крепко проворовался и предстоял суд. Он пренебрег финансовой дисциплиной, той самой, в которой большим специалистом слыла его жена. Как сказано в приговоре, Петр Васильевич Луговой «систематически злоупотреблял служебным положением в период строительства станции Анапа, с корыстными целями использовал возложенные на него обязанности по приему и увольнению рабочих и служащих, похищал государственные денежные средства путем внесения в ведомости выдачи зарплаты фиктивных данных и самоличного учинения подписей за рабочих станции Анапа». Справедливости ради надо сказать, что и Тамара Михайловна не прочь иногда самолично учинить подпись за того или иного человека. Похоже, это стало семейной традицией.

Состоялся суд. Исходя из приговора, адвокат Богатырева со своей задачей справилась: Петр Васильевич получил два года условно, но с обязательным привлечением к труду. Друзья его поздравляли, сам он был счастлив, к Валентине Николаевне явился с цветами и широкой улыбкой. Однако Тамара Михайловна полагала, что уж коли адвокат нанят, то приговор должен быть исключительно оправдательным, независимо от того, сколько хапнул Петр Васильевич, сколько лет запускал он свою трепетную руку в государственный карман. А тут неожиданность: приговор, как слишком мягкий, опротестован прокурором. Предстояло новое судебное разбирательство, и Тамара Михайловна в большой обиде на Богатыреву обратилась к другому адвокату.

Ее отношения с Валентиной Николаевной к тому времени окончательно испортились. Луговая очень переживала, вспоминая, как ей пришлось в столовке заплатить за совместный обед, а однажды даже раскошелиться на машину, в которой она вместе с Богатыревой добиралась до суда: бензин нынче дорог. Все подсчитала Тамара Михайловна, умножила на три и представила иск.

Странно все это, не правда ли? Когда Петр Васильевич приносил домой тройную зарплату, финансовая душа Тамары Михайловны оставалась постыдно беспечной, а стоило ей вспомнить обед, съеденный адвокатом в перерыве между судебными заседаниями, в душе что-то напрягалось и требовало отмщения. Кстати, потом выяснилось, что платили обе женщины поровну.

Опустим несколько острых моментов, их было слишком много, чтобы рассказывать обо всех, и перенесемся сразу в июль 1981 года, в жаркий южный день, когда солнце безжалостно полыхало над головой, гудел зеленый базар, а чуть дальше лениво и разморенно плескалось Черное море. Но не красотами юга была возбуждена Тамара Михайловна. Частой походкой, с зажатой под мышкой сумкой, в которой спрятан магнитофон, с несколькими сотнями рублей шла она на квартиру Богатыревой. На площадке потыкала пальцами в кнопки хитрой машинки, включила запись и позвонила в дверь. А войдя, открытым текстом потребовала от Богатыревой немедленно мчаться в Краснодар и вступить в преступный сговор с неким влиятельным лицом — похлопотать, чтобы к ее мужу, казнокраду со станции Анапа, отнеслись с возможной любовью и нежностью. Для придания веса своим словам положила на стол пятьсот рублей. Недавние заработки мужа позволяли ей вести себя подобным образом.

Как поступает в этом щекотливом положении Валентина Николаевна? Совершенно правильно. Именно так она и сделала — заперла дверь, позвонила в милицию и в прокуратуру. Так, дескать, и так, суют взятку в крупных размерах, прошу разобраться. Надо же случиться — в квартире Богатыревой в это время был работник милиции, так что и свидетель нашелся. Приехали товарищи, пересчитали деньги, составили акт, а Тамару Михайловну препроводили в поджидавший транспорт.

Это произошло в воскресенье, 19 июля 1981 года.

А через две недели, 8 августа, началось следствие. Богатырева Валентина Николаевна обвинялась в заведомо ложном доносе: оклеветала уважаемую женщину Тамару Михайловну Луговую. Никаких доказательств, кроме утверждений схваченной за руку финансистки, у краснодарских юристов не было. Но это никого не смущало.

Слово Валентине Николаевне Богатыревой:

— В течение года меня проверяли тридцать человек по поручению президиума краевой коллегии адвокатов. Естественно, с нулевым результатом. По указанию заведующей геленджикской юридической консультацией Носовой мне перестали выдавать зарплату. Разгромили дачу...

Оборвем плавную речь Валентины Николаевны, она всю жизнь работала адвокатом, говорить умеет, а о своих бедах последних лет может говорить долго и убедительно. За каждым ее словом стояли факты, документы, лица... И какие лица.

А дачу действительно разгромили. В самом прямом смысле слова. Замки сорвали, деревья выкорчевали, хозяйку попросту прогнали, оценили все хозяйство в полторы сотни рублей и за оную сумму вручили личному секретарю начальника Геленджикского РОВД Макарюк Евгении Никитичне.

Евгения Никитична сидит в кабинете начальника на диванчике, скорбно подперла пальчиком щечку и говорит часто и напористо:

— Ой, эта Богатырева... О ней такое говорят в нашем городе — просто ужас!

И действительно, при этих словах в глазах Макарюк мелькнул неподдельный ужас. Впрочем, нет, ужас ее был все-таки поддельным.

— Простите, а сколько вы заплатили за дачу Богатыревой? — спросил я.

— Да я уж и забыла! — лукавит Евгения Никитична и с мольбой смотрит на начальника, на Александра Георгиевича Сапрунова. Как, дескать, быть?

— Дача оценена в сто шестьдесят четыре рубля,— отвечает Александр Георгиевич.— И нынешняя владелица дачи...

Что дальше сказал начальник, неважно, поскольку тут же выяснилось, что Евгения Никитична уже не владелица, продала она дачу.

— За сколько? — спрашиваю по простоте душевной.

— Ой! Ну вы и спросите! — кокетничает Евгения Никитична и с каменеющим взором отворачивается к окну.

За нее отвечает народная молва — за десять тысяч спихнула Макарюк дачу. Понимала, что дело нечисто, и поторопилась избавиться от громоздкого подарка. Покупатель нашелся быстро, что делать, трудно получить участок на кавказском побережье всеми нами любимого Черного моря.

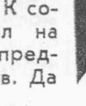
— Как все это понимать? — спросит любознательный читатель.

— Погорячились,— отвечает Сапрунов Александр Георгиевич.— Знаете, как бывает иногда... Пронесся слух, что у Богатыревой что-то там неладно, идет следствие... Ну и это... Передали нашему сотруднику.

Первый заместитель председателя исполкома Александр Сергеевич Прозоровский:

— Никаких решений об изъятии дачи у Богатыревой мы не принимали. И вообще исполком здесь ни при чем.

В общем, изъяли. Погорячились. Но зачем сад выкорчевывать? Или в Геленджике решили, что яблони тоже участвовали в оговоре? К сожалению, никто не записал на спрятанный магнитофон предсмертного шелеста их листьев. Да

и вряд ли он был бы слышен в мощном рокоте бульдозера.

А между тем шло следствие. Семь следователей сменилось за год — все никак не могли установить вину Богатыревой. Следователь прокуратуры Приморского района Новороссийска Петр Петрович Логвиненко отнесся к делу добросовестно. Отсутствия доказательств оговора у него не было, и он назначает обыск в квартире Богатыревой.

— Петр Петрович, позвольте вопрос: что можно искать в доме человека, который обвиняется в ложном доносе? Что, по вашему мнению, неопровержимо доказало бы, что вызвала милицию к себе домой Богатырева исключительно из злостных намерений? Было бы очень интересно знать ваше мнение.

Итак, обыск. Пишущая машинка, вещь естественная и необходимая в доме адвоката, разбита. Вторая унесена. Половина хрусталя на люстре оборвана. Видно, пленился Петр Петрович радужным блеском висюлек, душа к прекрасному потянулась. А кому-то колечко понравилось, кулончик, крестик, доказывающий, что и по части религии у Богатыревой не все в порядке. И, наконец, удача — бланки командировочных удостоверений, купленные в соседнем магазине канцелярских принадлежностей. Этого было вполне достаточно, чтобы на следующий день Петр Петрович Логвиненко и прокурор района Иван Федорович Семенчук вынесли постановление о взятии Валентины Николаевны Богатыревой под стражу. И взяли. И поместили куда надо. И обосновали: чтоб не сбежала.

Да, еще в протоколе обыска указаны две сберегательные книжки. Правда, сумму Петр Петрович почему-то не указал. Наверно, постеснялся — на одной книжке был рубль, а на вторую поступали алименты от бывшего мужа Богатыревой для дочери. Эту книжку бдительный Петр Петрович тоже изъял, оставив девочку без средств к существованию, как говорят юристы.

Далее следователь выносит постановление о назначении опекуна над Инной — дочкой Валентины Николаевны. Назначили некую Елену Викторовну Муромцеву. Ничего оказалась опекунша — прописалась, купила в Геленджике дом, выписалась и, прихватив чего поценнее, умотала проветриться в Москву. Директор школы № 2 Роза Сергеевна Маслова, встретив Инну в коридоре, вручила ей документы и велела больше не приходить. За несколько месяцев до выпускных экзаменов. Учитель физики Евгений Васильевич Елизаров восклицает прямо на уроке:

— Что, Богатырева? О матери задумалась, которую за решетку убрали?

Ушла Инна из родной второй школы. В четвертую принять тоже отказались. Взяли в первую, но через несколько дней завуч Римма Прокофьевна, грудью встав у двери класса, попросту не пустила Инну с переменки на урок.

— Тебе здесь делать нечего. Забирай документы и уходи.

А впоследствии, потупив педагогические свои взоры, все разводили руками:

— Плохие звонки были...

Единственный человек, который мог как-то помочь Инне в эти месяцы, ее родной отец, живущий неподалеку, на все звонки и письма дочери ответил с четкой вразумительностью, поскольку юристом является Эдуард Арсентьевич Богатырев.

— Инна,— сказал он,— не пиши мне больше. Я дал указание почтальону все твои письма возвращать.

Что делать, часто самыми болезненными оказываются удары, полученные от близких людей, на которых надеешься. Их равнодушие бьет куда чувствительнее юридических недоразумений.

Около пяти месяцев пробыла Валентина Николаевна в заключении, из них больше месяца без санкции прокурора, просто так, на всякий случай. Петру Петровичу показалось, что так будет лучше. Да и не мог он отпустить Богатыреву домой перед Новым годом, это могло быть истолковано как мягкотелость. Вернулась в свою квартиру Валентина Николаевна 4 января 1983 года. По каким-то признакам, может быть, даже по расположению звезд на ясном геленджикском небосводе, следователь Логвиненко и прокурор Семенчук решили, что в новом году Богатырева уже не сбежит. А к тому же амнистия вышла, но по амнистии ее положено было отпустить месяца полтора назад. Скорее всего все-таки звезды подсказали нашим юристам правильное и своевременное решение.

— Послушайте! — воскликнет скептически настроенный читатель.— Да не может этого быть, чтобы жалоба одного человека, к тому же с сомнительной репутацией, могла вызвать такие события!

Совершенно верно, согласимся мы с этим читателем. Такого быть не может. Но после года бесплодного следствия в деле начали появляться новые лица. Четырежды судимый за изнасилование и другие опасные преступления Василий Андреев, многократно судимый Михаил Кизириди, некий Гаврилов, который всю свою сознательную жизнь судится из-за дома: со своим отцом, потом с братом, после смерти брата — с его женой и детьми, со своей женой, потом собственные дети подросли, начались судебные тяжбы с ними,— все дом никак не мог поделить Гаврилов, вернее, все никак не мог взять его полностью. Появились в деле Коноканиди и Лефтеров — родственники вышеупомянутых. Дело приобрело серьезный оборот. Почти все эти люди были в свое время клиентами Богатыревой, и, покопавшись в памяти, они припомнили случаи, когда адвокат пыталась взять с них больше положенного. Ну что ж, амнистия — дело хорошее, человек получает свободу, возвращается к близким, может снова заниматься своим делом. Однако амнистия не снимает судимости, она лишь прощает человека. И адвокат, запятнавший свою честь недостойными поступками, не может вернуться в зал суда.

Богатырева не признала амнистию.

Побывав во многих юридических инстанциях, она зашла и в «Огонек». Рассказала о своих злоключениях. Положение было не из обычных. Можно было допустить, что в чем-то она вела себя недостаточно щепетильно. Но как тогда понять перевертыш с попыткой Луговой всучить взятку, изгнание дочери Богатыревой из школы, беспардонный обыск, пятимесячное заключение? Зачем выкорчевывать деревья на садовом участке, взламывать замки, уносить вещи из дому? Все это как-то не вязалось с методами истинного правосудия... Что-то должно стоять за всем этим, чувствовалась какая-то неведомая сила, которая вертела событиями и судьбами. И редакции ничего не оставалось, как обратиться в Прокуратуру СССР с просьбой уделить внимание письму Валентины Николаевны. Когда делом занялись люди знающие и непредвзятые, определение, в котором обосновывалось применение амнистии, было опротестовано: слишком много обнаружилось в деле Богатыревой слабых, а то и невежественных с юридической точки зрения мест.

Однако и Тамара Михайловна Луговая не пожелала остаться в стороне — прислала в редакцию письмо. Оно оказалось лживым. Уделим ему немного внимания, чтобы не обиделась на нас Тамара Михайловна. Она пишет: «Я одна из пострадавших, то есть одна из тех, у которых Богатырева, будучи адвокатом, «правдами» и неправдами вымогала деньги, у людей, которых постигла беда... В 1982 году по заявлению 7 человек в прокуратуру (это совершенно разные заявления от незнакомых друг другу людей) о вымогательстве денег и невозврате их Богатырева была арестована».

Простите, Тамара Михайловна, но ваши слова не соответствуют действительности. «Люди, которых постигла беда», как вы их называете, прекрасно друг другу знакомы, более того — все они родственники, несмотря на различные фамилии, живут в одном городе, некоторые даже на одной улице, ежедневно встречаются.

Еще строка из письма: «Богатырева сумела подготовить себе лжесвидетелей из числа своих подзащитных и весьма сомнительных личностей». Опять должны огорчить вас, Тамара Михайловна, поскольку и эти ваши слова не нашли подтверждения. Уж коли преступников вы называете «людьми, которых постигла беда», то кто же, по-вашему, «сомнительные личности», кто сказал о Богатыревой добрые слова, отметив ее честность и добросовестность? Это Любовь Николаевна Леонова, директор Геленджикской горкиносети — в кинотеатрах города Богатырева многие годы бесплатно вела вечера, консультации, беседы на юридические темы,— это зам. начальника отделения железной дороги Борис Иванович Колесов, юрист Николай Николаевич Кондратьев, рабочий Лев Николаевич Колупаев, председатель районного суда в Новороссийске Людмила Евгеньевна Фонарева, сотрудник уголовного розыска, о котором писали и местные и краевые газеты, Сергей Татарчук. Если вы позволите, Тамара Михайловна, то можно внести в этот список и Соболева Вячеслава Васильевича — заместителя председателя краевого суда по уголовным делам, который в разговоре с автором весьма резко отозвался о юридическом качестве дела Богатыревой.

Далее, Тамара Михайловна, вы пишете: «Ее дочь была исключена со школы за аморальное поведение». Нехорошо, Тамара Михайловна, девочку-то за что оговариваете? Вот слова из характеристики, выданной ей в десятом классе и подписанной все той же Розой Сергеевной Масловой, директором школы: «За время обучения Инна показала себя способной ученицей, склонной к предметам гуманитарного цикла, с большим удовольствием пишет рефераты, делает сообщения по отдельным вопросам, оформляет их эстетично и грамотно. Член совета клуба «Олимп», принимает активное участие в проведении занятий клуба, в общественной жизни школы. Проявляет интерес к политическим и культурным событиям в стране, в мире, следит за периодической печатью. В коллективе Инна доброжелательная, спокойная, отзывчивая, добрая. К старшим и учителям относится с уважением».

Далее, Тамара Михайловна, вы пишете об Инне: «После исключения из школы нигде не учится и не работает». Опять, простите, врете. После исключения Инна успешно окончила вечернюю школу, в этом году поступает в высшее учебное заведение. Кроме того, ее можно назвать мужественной и целеустремленной: неприятности, которые свалились на нее, могли бы пошатнуть и куда более зрелого и опытного человека.

Может быть, Тамара Михайловна, вы удивитесь, но даже «потерпевший» Михаил Кизириди заявил на суде:

— Богатырева и раньше меня защищала и всех моих родственников защищала. Богатырева — очень порядочный человек.

Такие дела, Тамара Михайловна. Не знаем, как отнесется к этому письму сама Богатырева, но у нее есть основания подать на вас в суд за клевету.

После вмешательства Прокуратуры СССР в Ленинском районном народном суде Новороссийска состоялся суд под председательством Людмилы Евгеньевны Фонаревой. Около месяца продолжалось судебное разбирательство, и за это время у судьи была возможность во всех деталях изучить дело, изучить участников. Каждый день по нескольку часов ей приходилось считать деньги — кто куда внес, получил ли квитанцию, оплачены ли обеды, гостиницы, автобусы, такси.

И приговор: оправдать за отсутствием состава преступления. Столь долгое и шумное дело завершилось полным конфузом.

Разговариваем с председателем Ленинского районного народного суда Людмилой Евгеньевной Фонаревой. Она четверть века работает судьей, ее авторитет в городе, в юридических кругах непререкаем. Обычно она проводит наиболее сложные, неоднозначные дела. Вот ее мнение о деле Богатыревой:

— Оговор. В показаниях на суде, в протоколах допросов, в письмах и жалобах нет ни одного достоверного факта, ни одного документа или надежного свидетельства, подтверждающих вину Богатыревой. То, что говорит сын, опровергает мать, то, на чем настаивает брат, оспаривается племянником. Все они родственники, и свои личные споры, недоразумения принесли в зал суда, и часто не столько говорили о деле, сколько выясняли личные отношения, личные денежные расчеты.

— А Луговая?

— Луговая вела себя не самым лучшим образом. Вмешивалась в судебное разбирательство, пыталась записывать показания свидетелей на магнитофон, кричала из зала. Когда в ее словах обнаруживалась, мягко говоря, неточность, она с этаким вызовом заявляла: «Тогда я меняю свои показания!»

и начинала говорить нечто иное... Во время судебного заседания несколько человек утверждали, что некий Карачевцев, бывший начальник местного ГАИ, подъезжал к ним на улице и требовал оговора Богатыревой. Лестью, обещаниями, угрозами. На мой взгляд, это многое объясняет. Все так называемые потерпевшие имеют личные машины, «Жигули», «Волги», и, сами понимаете, слова начальника ГАИ для них не пустой звук.

— Карачевцев тоже давал показания?

— Да. И обронил странную фразу... Когда выяснилось, что в юридической консультации Богатыревой перестали выдавать зарплату, Карачевцев заявил: «Хорошо, я потолкую с женой, чтоб Богатыревой выдали ее деньги». Дело в том, что его жена — заведующая юридической консультацией. Оказалось, что во власти Карачевцева давать или не давать Богатыревой зарплату.

— А почему он решил не давать?

— У него свои счеты с Валентиной Николаевной. Она защищала людей, оклеветанных Карачевцевым, причем защищала настолько успешно, что комиссия МВД сочла нужным убрать его из района. Но сейчас он вернулся, правда, уже не начальником ГАИ, чуть пониже. В деле много странных подробностей, которые позволяют по достоинству оценить выдвинутые против Богатыревой обвинения.

Вот, например, показания одного из потерпевших — Михаила Коноканиди. Прочтите их, они того стоят...

«Мой сын Константин совершил наезд, но он не был виноват, он задремал. На дороге он оставил четыре трупа, пятая, искалеченная женщина была увезена. Автомашину с прицепом, на которой ехал сын, отогнали с места происшествия без экспертизы, так как сын не виноват. Машина потерпевших «Нива» разбита полностью, стоимость ее около семи тысяч выплачена производством, где работает сын. На похороны мы никому денег не давали, уплатило производство. Пятой потерпевшей женщине мы помощи не оказывали, помогало ей производство. Сына признали виновным в преступлении, приговорили к двенадцати годам, но он уже дома. Как освободили, не знаю, кажется, по амнистии, но не знаю какой. Когда сын находился в тюрьме, то на производстве ему дали трехкомнатную квартиру, как лучшему производственнику».

Вот так обстоят дела. Теперь расскажем об истории появления жалобы Василия Андреева. Он изложил свои соображения на желтом листке в клетку, вырванном из школьной тетради. Фиолетовый штамп президиума краевой коллегии адвокатов подтверждает, что жалоба зарегистрирована 28 января 1982 года. Но станем на минутку детективами, это интересно. О великий двигатель жизни — случай! Накануне вечером, 27 января 1982 года, в доме Валентины Николаевны Богатыревой раздался звонок, и, едва она успела открыть дверь, в прихожую упала окровавленная девушка в изорванной одежде. Оказывается, спасалась от насильника. Насильник — Василий Андреев. Взяли его. Тут же оказался, невдалеке. Он едва успел выйти из заключения, которое отбывал тоже за изнасилование. Причем с явным садистским уклоном — гасил сигареты о шею потерпевшей, пытался выбросить ее из окна пятого этажа... Но, искупив свою вину, вернулся и... Опять.

Это случилось поздним вечером 27 января 1982 года. В Геленджике, в двухстах километрах от краевого центра. Задумаемся над положением Василия Андреева: он только что задержан при попытке совершить особо опасное преступление, его ждет заключение на долгие годы, он еще не протрезвел, сидит в камере в наручниках... И что, вы думаете, делает? Вспоминает мать, друзей, девушку, с которой поступил так нехорошо, судьбу свою непутевую осмысливает? Нет, оказывается, он вспомнил Богатыреву, с которой общался несколько лет назад. Вспомнил и тут же, потребовав бумагу и ручку, накатал жалобу.

Именно такое объяснение напрашивается, поскольку наутро жалоба его оказалась в Краснодаре. Кто всю ночь гнал по горным дорогам машину с желтым листком в клетку? Кто взял на себя столь тяжелый и небезопасный труд — январь, ночь, предгорье, дорога скользкая... Уж не голубиной ли почтой воспользовался Вася, выпустив птицу из окошка камеры? Что же это за голубь такой завелся в Геленджике?

Не будем долго об этом думать, есть еще более удивительное обстоятельство: жалоба, которую написал Михаил Кизириди, исполнена на таком же листочке бумаги из той же школьной тетради. И адрес тот же — президиум коллегии адвокатов. Кто же владелец этой тетрадки, кто носился от камеры Васи к дому Миши, выдергивая листки и диктуя жалобы? Автор сознательно употребил слово «диктуя», поскольку обе жалобы написаны по единой схеме и образцу, одного размера, в едином порядке перечислены злодеяния Богатыревой. И оценка им дана одинаковая. А Василий Андреев вообще разохотился, вставил слова о нравственности советского гражданина, пожаловался на огорчение, которое доставила ему своим поведением Богатырева. Впрочем, в камере, под хмельком, да с хорошим собеседником можно еще более высокие слова вспомнить. Кстати, не был привлечен Василий Андреев к ответственности за попытку изнасилования. Отпущен с миром. Но сейчас, правда, опять где-то за Уральским хребтом: отбывает наказание за другое преступление.

Однако, как бы там ни было, приговор вынесен оправдательный, и Валентина Николаевна со своей дочкой могут перевести дух. Все позади. Но...

В редакцию пришло письмо от Тамары Михайловны Луговой, в котором она делится своей радостью: прокурор Новороссийска отменил оправдательный приговор.

— В чем дело на этот раз? — спрашиваю у председателя краевого суда Панасюка Владимира Николаевича.

— О! Допущена вопиющая процедурная промашка. На суде не был допрошен важный свидетель, Василий Андреев.

— Это тот самый, который гасил сигареты, выдавливал глаза...

— Вот именно.

— Который из камеры заключения голубя с жалобой послал?

— Он самый.

— Почему же его не допросили на суде?

— Видите ли, он в заключении, довольно далеко, и доставить его из-за Байкала сложно, тем более что он склонен к побегам. Поэтому мы решили, что оправдывать Богатыреву рано,— добавляет заместитель председателя Вячеслав Сергеевич Соболев.— Вот приедет Василий Андреев, послушаем, что он скажет.

Ну что ж, не будем поздравлять Валентину Николаевну. Подождем Васю Андреева. Как он скажет, так и будет...

А пока Валентин Николаевич Богатырев выплачивает... алименты Тамаре Михайловне Луговой, половину пенсии вычитают у него на удовлетворение иска потерпевшей финансистки из Анапы. И не надо улыбаться, никакой опечатки тут нет. Именно алименты, и именно Валентин Николаевич Богатырев — так сказано в официальном документе. Что тоже немало говорит о качестве работы краснодарских юристов, об их отношении к человеку, судьбу которого они взялись решать. В деле немало подобных описок — перепутаны фамилии, пол, перешиты листы, многократно переправлен счет страниц, некоторых нет вообще, куда-то делись...

А один знающий человек, прочитав последние строки, улыбнулся и сказал:

— Знаете, Богатыреву не случайно произвели в мужской пол и назвали Валентином Николаевичем. Это сделано для того, чтобы иметь право применить закон об алиментах. А алименты понадобились для того, чтобы обосновать отчисление половины пенсии. Ведь в подобных случаях по закону можно отбирать только двадцать процентов. Да и то после решения суда, с участием ответчика. Видно, в Краснодаре решили несколько упростить законодательство.

Давайте подумаем: неужели краснодарским юристам оказалось мало четырех лет расследования пустячного в общем-то дела? Мы говорим о деловитости, о серьезном и ответственном подходе к делу на производстве, в сельском хозяйстве, в конструкторских бюро и творческих лабораториях, неужели это не касается юридической деятельности? Мы боремся с пьяницами, мы ставим на место тунеядцев, идет моральное оздоровление общества, и юристы должны сказать здесь свое ясное и недвусмысленное слово. В этом же случае получилось так, что десятки лет безукоризненной работы адвокатом ничего не значат по сравнению с мнением Васи Андреева.

В общем, будем ждать Васю.

КОГДА МЕЛОДИИ ПАХНУТ АБРИКОСОМ

Это было в Версале, на приеме в честь артистов, выступавших в программе «Поют и танцуют народные мастера советских республик». Кто-то тогда спросил Любомира Михайловича Иоргу, какую консерваторию он окончил. Тот ответил: «Имени Визитиу».

Не ищите в справочниках учебного заведения с таким названием: его нет. Но вот уже более двадцати лет в Кишиневе существует цех музыкальных инструментов Министерства культуры Молдавской ССР. Здесь работает мастером Жан Ильич Визитиу, очень много сделавший для возрождения и пропаганды молдавских народных инструментов. Цимбалы «Молдова», воссозданные им, получили признание не только на родине, но и за рубежом. Рисунок кобзы Жан Ильич увидел в энциклопедии конца прошлого века. Потом сделал чертежи, расчеты. И воплотил в жизнь. А всего у народного мастера прикладного искусства Визитиу более тридцати авторских свидетельств и удостоверений по технологии изготовления инструментов.

В книге «Молдавские народные инструменты», которая скоро выйдет в свет, Визитиу знакомит не только с известными народными инструментами, но и с теми, которые были забыты, а потом возрождены в его мастерской. Двадцать человек работают сейчас там, и все его ученики. Привил он им всем свою любовь к музыке.

Звучат народные инструменты. Исполнители — Ж. И. Визитиу и Л. М. Иорга (справа).

На инструментах, сделанных здесь, играют в оркестрах, самодеятельных ансамблях, которые выступают во многих странах. Введены народные инструменты и в программу детских музыкальных школ. А их в республике теперь более восьмидесяти.

...Шестнадцатилетним парнишкой из села Ваду-луй-Исак, Вулканештского района, в сорок восьмом году приехал в Кишинев Любомир Иорга — его пригласили танцевать в ансамбль «Жок». Там он начал мастерить народные музыкальные инструменты. Но не было опыта, не с кем было посоветоваться. И более двадцати лет назад он пришел в мастерскую.

Теперь Любомир Иорга — народный мастер прикладного искусства, лауреат международных конкурсов исполнителей на национальных духовых инструментах. Его работы — в музее имени Глинки в Москве, в музеях Ленинграда, Кишинева.

В семьдесят втором году на выставке в Париже Иорга увидел старинный инструмент. Он лежал под стеклом, а рядом надпись: «Кавал из Бессарабии». После настоятельной просьбы кавал вынули из витрины и показали мастеру. Он снял размеры, срисовал его. И уже в самолете, на программке концерта, стал делать расчеты. А через несколько месяцев был создан этот инструмент, его нежное, трепетное звучание вскоре услышали в Новой Зеландии — там выступал ансамбль «Жок»...

Как-то старый музыкальный мастер Ион Дуя сказал:

—Я работаю, чтобы люди веселились. Когда делаю флуер из фруктового дерева, я играю, и звуки раздаются на все село, а Прут несет их в Днестр. И если флуер сделан из абрикоса, мелодия пахнет абрикосом.

Есть у Иорги мечта — возродить тарагот, без которого когда-то не обходилась ни одна свадьба, ни один праздник. Абрикосовое дерево для инструмента уже сушится.

И. МИХЕЕВА

ОКЕАНСКАЯ ВАХТА

Главнокомандующий Военно-Морским Флотом, дважды Герой Советского Союза, Адмирал Флота Советского Союза С. Г. ГОРШКОВ отвечает на вопросы специального корреспондента «Огонька» Б. СОПЕЛЬНЯКА

— Сергей Георгиевич! В редакцию журнала «Огонек» поступает много писем от читателей, в которых звучит тревога в связи с напряженной международной обстановкой. Все понимают, что ни один народ мира не хочет войны. Нынешняя администрация США, как никакая иная, особенно громко и вызывающе бряцает оружием, а это не может не волновать советских людей.

Военно-Морской Флот СССР надежно обеспечивает наши государственные интересы на просторах Мирового океана. Советские корабли ходят и в тех районах, где плавают корабли США и стран НАТО. Расскажите, пожалуйста, о том, что представляют из себя военно-морские силы США и НАТО, так ли миролюбивы и безопасны для нас и наших союзников эти силы, как вещают всевозможные радиоголоса.

— Империалисты США и НАТО рассматривают военно-морские силы как важнейший инструмент достижения своих агрессивных целей, поэтому их развитию они уделяют большое внимание. Все варианты американских военных доктрин в послевоенный период исходили из стремления обеспечить господство своих ВМС в Мировом океане. Эта тенденция особенно усилилась в наше время, когда рейгановская администрация объявила практически все важнейшие районы Мирового океана и прилегающие к ним территории многих суверенных государств «зонами жизненных интересов США».

При этом президент США Рейган публично призывает военно-морские силы США обеспечить свое «первенство» и «военное превосходство», чтобы «получить доступ ко всем океанам мира, контроль над воздушным пространством, поверхностью и глубинами океанов». А рейгановский министр ВМС Дж. Леман носится с идеями ни много ни мало «...блокировать советский флот в его базах в районе Камчатки и у Кольского полуострова... Превратить Советы в изолированный остров с тем, чтобы США владели остальным миром». Для достижения этих целей США и НАТО наращивают гонку вооружений, в том числе военно-морских. Их строительство ведется по двум направлениям: развитие стратегической ракетно-ядерной системы и наращивание сил общего назначения. Другие страны, члены Североатлантического блока, также уделяют большое внимание своим ВМС: они непрерывно вводят в строй новейшие подводные лодки, надводные боевые корабли и самолеты. По состоянию на 1 января 1985 года в боевом составе ВМС США и НАТО насчитывалось около 3200 кораблей, катеров и вспомогательных судов, 2200 боевых самолетов и 1180 вертолетов. Кроме этого, в резерве флота, авиации ВМС и морской пехоты США имеется много кораблей, 500 боевых самолетов и вертолетов, около 150 000 человек личного состава.

В стратегических ракетно-ядерных силах морского базирования США 40 атомных ракетных подводных лодок, на которых размещено свыше пятидесяти процентов всех стратегических ядерных боеприпасов страны. Большая часть этих подводных ракетоносцев постоянно находится на боевом патрулировании в районах, откуда возможно нанесение с различных направлений ядерных ударов по объектам, расположенным в глубине территории СССР. В составе флота Франции имеется 7 и Англии — 4 атомных ракетных подводных лодки.

Основой сил общего назначения крупнейших флотов НАТО и особенно США являются авианосцы, которые рассматриваются ими как важнейшее средство завоевания и поддержания господства в океанах, эффективный резерв стратегических ядерных сил и основа ударной мощи флотов в локальных войнах, беспрерывно ведущихся империализмом. Страны НАТО имеют 24 авианосца, из которых 18 американских, в том числе 4 атомных.

Важная роль в силах общего назначения отводится также многоцелевым атомным подводным лодкам, надводным кораблям и базовой авиации, предназначенным для ведения так называемой противолодочной войны, обеспечения действий основных сил флота, защиты океанских коммуникаций, высадки морских десантов и решения других задач.

В планах своих агрессивных приготовлений США придают важное значение ракетизации флота, особенно ракетам «Томагавк». Начавшаяся программа массового оснащения 150 атомных подводных лодок и надводных кораблей этими крылатыми ракетами большой дальности позволит им увеличить стратегический ядерный потенциал. Эти ракеты, предназначаемые для нанесения высокоточных ударов по объектам на всю глубину территории Советского Союза, будут оснащаться ядерными боеголовками мощностью до 200 килотонн.

Таким образом, усилиями США и НАТО Мировой океан превращен в арену развязывания агрессии против СССР и других социалистических стран.

— Совершенно ясно, что наращивание военно-морских сил США, вооружение их ракетами и самолетами большой дальности носит откровенно агрессивный характер. Против кого направлено острие предполагаемых ударов, тоже ясно.

Ну, а что же мы? Чем на морях и океанах располагаем мы, чтобы сдерживать все эти армады и не дать им пустить в ход смертоносное оружие?

— С созданием военного блока НАТО, в который вошли страны, обладающие мощными военно-морскими силами, наши бывшие союзники начали подготовку еще одной мировой войны. По мере превращения ими обширных районов Мирового океана в стартовые площадки для ракетно-ядерного оружия возросла угроза безопасности Советского Союза и стран социалистического содружества с океанских направлений. Эта угроза вызвала необходимость укреплять нам свою оборону не только с суши, но и с моря. Был взят курс на укрепление советского океанского Военно-Морского Флота. При этом приоритет был отдан развитию подводных сил и авиации. Это был ни с чем не сравнимый качественный скачок в развитии подводных лодок, что обусловило коренные изменения всего советского Военно-Морского Флота. Ценой наименьших затрат средств и времени мы смогли сравняться с флотом США по стратегическим возможностям.

С 1957 года, когда была создана первая атомная подводная лодка, наш флот освоил новые поколения этих замечательных кораблей, которые выполняют ответственную, стратегической важности задачу, имея на борту ракеты различного назначения.

Советские военные моряки гордятся и такими мощными надводными кораблями, какими являются атомные ракетные крейсера «Киров» и «Фрунзе», авианесущие крейсера типа «Киев», эскадренные миноносцы и противолодочные корабли.

В современных боевых кораблях сконцентрированы практически все основные показатели, определяющие боевую мощь нашего флота: большая ударная сила, высокая мобильность, способность вести боевые действия глобальных масштабов в различных районах Мирового океана как против флота противника, так и по уничтожению его важных наземных объектов.

Морская авиация нашего флота представлена самолетами и вертолетами палубного и наземного базирования, способными вести борьбу с подводными и надводными кораблями противника.

Итак, наш Военно-Морской Флот оснащен первоклассной военной техникой, его корабли отвечают всем требованиям эффективного решения боевых задач в океанах в случае нападения империалистов на нашу Родину. Потенциальные поджигатели войны это знают и вынуждены считаться с боевой мощью советского Военно-Морского Флота.

— Сергей Георгиевич, вы моряк с более чем пятидесятилетним стажем. Практически развитие и становление современного океанского советского Военно-Морского Флота проходило на ваших глазах. И не только проходило, вы сами принимали и принимаете в этом самое активное участие. Расскажите, пожалуйста, о том, как вы стали моряком, какие были у вас учителя и наставники, как и где вы встретили войну?

— Родился я вдали от моря. Отец мой преподавал математику и физику в школе, и естественно, меня тоже влекло к точным наукам. После окончания школы я поступил на физико-математический факультет Ленинградского университета.

В Ленинграде, колыбели российского флота, где что ни дом, то словно многопалубный корабль, что ни человек, то каким-то образом связан с морем, где так ощутимы сквозные ветры Балтики, а также романтика дальних странствий,— все это заронило в мое сердце интерес к флоту, овеянному преданиями петровской старины, легендами Октября семнадцатого года.

Здесь я познакомился с программой подготовки военных моряков в Морском училище РККА. Меня обрадовало, что в нем математику и физику изучают не только в теоретическом, но и в практическом плане. Ведь геометрия и алгебра — это навигация; земной магнетизм — теория компаса; баллистика, оптика, электромеханика — корабельная артиллерия. Вот так, мало-помалу, будущее стало мне рисоваться не в стенах храма науки, а на корабле, плавающем в неведомых водах.

После окончания первого курса универси-

Окончание см. на стр. 18—19.

Главнокомандующий ВМФ СССР С. Г. Горшков беседует с моряками-балтийцами * Высадка морской пехоты.

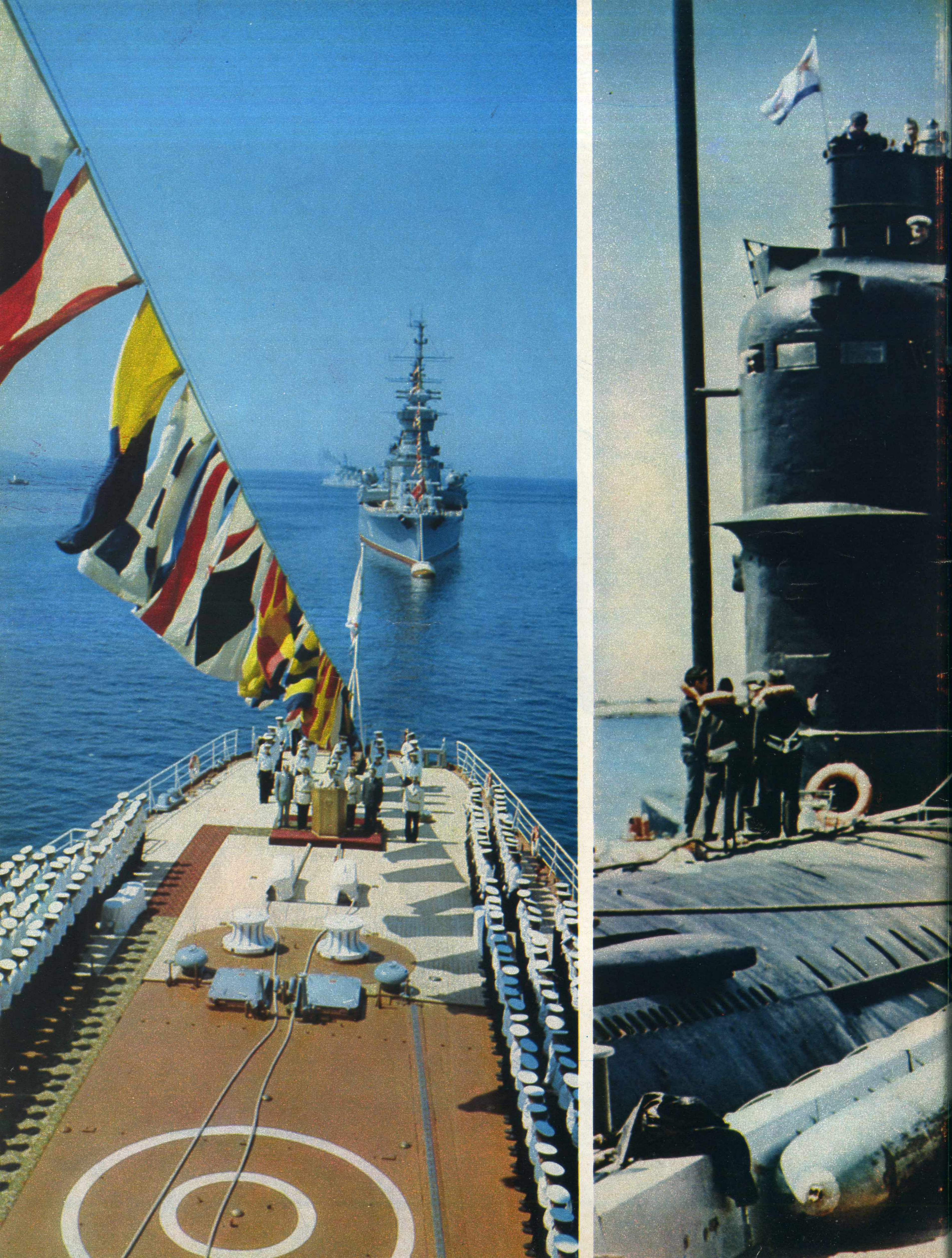
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Краснознаменный Тихоокеанский флот. Празднование Дня Военно-Морского Флота СССР в Амурском заливе.

Фото Ю. МУРАВИНА

Встреча после похода * Посадка на воду.

Фото И. ГАВРИЛОВА

РСКОЙ ФЛОТ

З. КРЯКВИНА

Мой главный дом

В доме Марины Гургеновны Контаревой совсем нетесно. Хоть семья и велика. Одних ребятишек только сотня, да взрослых восемьдесят. И все живут дружно, весело: сердитое лицо здесь не в почете, чаще цветут улыбки.

Да и нельзя иначе людям, посвятившим свою жизнь нелегкому делу — служению детям, которые с самых первых дней рождения волею случая остались без семьи. И этот дом заменил им родной, а персонал его — отца и мать.

Московский дом ребенка № 12 особый. Хорошо здесь, славно. Самая большая комната — игровая. Высокая, светлая. Солнечные шторы. Ковры. Книжный шкаф.

И научиться здесь можно многому. Совсем «настоящая» электрическая плита, даже горелки «включаются». Над огнем кастрюли и чайник. Над плитой тоненькая веревочка, где висят выстиранные кукольные платья. Рядом «магазин» с разными товарами, «весами» и опять же «настоящей» кассой. Здесь и «больница», «парикмахерская». У стены аквариум, а дальше — уголок для рисования, карандаши, пластилин. Даже есть маленькая черная доска. На ней ребятишки рисуют мелом...

— Игрушечная страна нам необходима,— говорит главный врач Контарева.— Играя, наши маленькие жители приобретают первые навыки, познают окружающий мир. Дети у нас находятся до четырех— четырех с половиной лет, и они должны знать, как дóма стирают белье, варят пищу, мы здесь наглядно показываем и учим, как это делается. Все, что вы тут видите, дело наших шефов из ВНИИ метрологии и Госстандарта СССР. «Взрослую» обычную мебель, домашнюю, к сожалению, детские учреждения не получают, а она нам ох как нужна.

...В следующей комнате был обед.

— Ешь, ешь, Валера, не балуй,— ласково приговаривала молоденькая воспитательница кареглазому крепышу, восседавшему у нее на коленях.

Когда мы познакомились, оказалось, что Наташа Жукова всего-навсего ученица, окончила в этом году девятый класс 46-й средней школы.

— С детства люблю ребятишек,— сказала Наташа,— они такие забавные, славные. Учусь в педагогическом классе. Есть такой в нашей школе. Сейчас прохожу практику и очень рада, что меня допустили к настоящей работе. Подружки уехали на дачу в Шереметьево, там дети постарше, а я попросилась к самым маленьким. Окончу десятый, может быть, сюда приду. Марина Гургеновна, возьмете меня к себе?

— Возьму, возьму, отчего же не взять. Ваш педагог Ирина Владимировна Яковлева сказала, что тебя непременно надо к малышам, умеешь ты с ними ладить. Сама, наверное, успела заметить, что у нас вместо медсестер сейчас с детьми больше воспитатели работают.— И потом Контарева пояснила уже мне:— Мы со школой давно дружим. Девочки нам вовсю помогают, подарки малышам приносят, дачу к переезду подготовили. Дождь шел проливной, но ни одна не ушла, прежде чем не закончили уборку...

Уютно в этом доме. В какую комнату ни войдешь, все подобрано со вкусом: и мебель, и обои, и занавески. Правда, главврач заметила, что это не ее заслуга: дом, мол, держится трудами Лидии Степановны Лакеевой, ее заместительницы по хозяйственной части. А за цветами — их здесь множество — следят врачи, медсестры, санитарки...

...С Анечкой Преклонской мы встретились у входа в кабинет Марины Гургеновны.

— Гургенна! — радостно закричала девочка, увидев Контареву, и бросилась в ее объятия.

Марина Гургеновна взяла ее на руки, расцеловала, спросила, как дела.

— Хорошо,— ответила девочка.

— Все хорошо,— поддержала и ее мама, Альбина Александровна.— Спасибо вам большое.

Они пришли за выпиской для детского садика. Мама заболела, пришлось полежать в больнице, а девочку оставить было не с кем. И Анечка три месяца прожила в доме у Марины Гургеновны. И ей здесь нравилось.

Действительно, у малышей есть все, средств выделяется в достатке. Самый богатый в доме человек — любой ребенок. Но в то же время, увы, этому богачу многое недоступно. Особенно когда он, еще запеленутый, лежит в коляске. Вот он хочет дотянуться рукой до облака и поиграть с ним, дотронуться до лица матери, склонившейся над ним. Хочет, но не может!

Облако высоко, а мамы, к сожалению, в Доме ребенка нет. Есть улыбающиеся лица, добрые глаза, но не мамины!

— Как ни хорошо у нас, а с матерью ребенку, конечно, лучше,— рассказывала патронажная медсестра Мария Кузьминична Крючкова.— И мы с Мариной Гургеновной многое делаем, чтобы, если это возможно, вернуть ребенка в семью. Встречаемся с родителями, просим: «Навещайте, не теряйте связь, приходите к малышу почаще». «Выбиваем» место в яслях, жилплощадь и возвращаем детей в семью.

Когда я попросила Марину Гургеновну рассказать о себе, она смутилась, даже чуть-чуть покраснела:

— Да что обо мне говорить. Работала как все, а вот наградили меня, присвоили звание Героя Социалистического Труда. Я считаю, это заслуга всего коллектива, и безмерно счастлива за всех нас. Вы напишите про Аллу Семеновну Полек, старшего логопеда, или про нашу Фаину Романовну Лучкину, старшую медсестру: ни один детский праздник не обходится без ее великолепного печенья. А без Лидии Степановны, моего заместителя, я как без рук. Сама она отлично, как вы убедились, работает, и две ее дочери, Ира и Света, окончив медучилище, к нам пришли, по примеру матери отдают свои сердца детям...

Зазвонил телефон. Марину Гургеновну поздравляли с высокой наградой. Приглашали выступить на совещании. Она отказывалась: «Ну, какой там особый опыт, работать надо добросовестно, да и только, вот и весь опыт...»

Марина Гургеновна готова была назвать все восемьдесят фамилий. Коллектив и впрямь удивительный. Весь персонал этого необычного дома — санитарки, медсестры, врачи, воспитатели — делает все для того, чтобы малыши росли здоровыми, крепкими и счастливыми, получали вовремя не только молоко, но и ласку. Все дети любят, чтобы их брали на руки. Некоторые, хоть весь день носи, согласны. И берут! И носят! Здесь никогда не кормят детей в кровати, обязательно возьмут на руки, поговорят с малышом, споют перед сном колыбельную песенку.

— Приходят сюда работать только те, у кого душа за ребят болеть может,— сказала Анна Ивановна Некрасова.— Я двадцать два года работала медсестрой в яслях, а теперь — в Доме ребенка.

Анна Ивановна собирала Женю Митрикина гулять, говорила ему всякие ласковые словечки. Запеленала, отнесла во двор — ребятишки целый день гуляют на свежем воздухе, каждый в своей коляске. Вернулась, принялась заворачивать следующего... И снова слышалось: «Вот сейчас гуленьки пойдем, какие мы хорошие, большущенькие...»

— Наши женщины очень сердечны,— заметила Марина Гургеновна.— Работа здесь, прямо скажем, не мед с сахаром, нелегко, конечно, многие сомневаются, прежде чем сюда поступить, опасаются сначала, а уж если приходят, остаются надолго. Дети нас облагораживают...

Контарева — главврач, но на начальницу вовсе не похожа. Говорит — даже голоса не повысит. И ее слушаются. Правда, все это женщины. Еще восемьдесят таких же, как Марина Гургеновна. Восемьдесят доброжелательных мам. Ребятишкам без их рук и улыбок здесь никак не обойтись.

Присуща материнская забота и Марине Гургеновне. Все, что делает,— сердцем. Переживает за каждого малыша. Доброта у нее на лице написана. Рядом с ней и взрослые душой отдыхают.

— Увидит, что не в настроении на работу пришла, обязательно спросит, не случилось ли чего, не надо ли помочь. Знает наших мужей наперечет, все о наших детях,— говорила мне логопед Ирина Ивановна Кондратьева.

А логопеду Наталье Васильевне Клюминой нравится серьезное отношение главврача к работе, требовательность.

— Я всего год работаю в Доме ребенка,— сказала она,— но нигде до того такого администратора не встречала. Относится ко всем ровно. Во всем порядок. Обстановка в доме дружелюбная, как в семье, каждый знает, за что отвечает, за что с него спросят, и дело делает хорошо, без напоминания.

С кем бы ни пришлось мне говорить в тот день о Контаревой, все сошлись в едином мнении: легко с ней и взрослым, и детям. А воспитательница Валентина Николаевна Сулла заметила: «Легко оттого, что Марина Гургеновна, если надо, сделает все сама: и мокрого перепеленает, и покормит, и погулять возьмет с собой; видишь все это, и стыдно по-другому работать».

По ее инициативе сотрудницы начали брать ребятишек домой, чтобы они могли видеть другую среду, проехать в автобусе, трамвае. Читатели могут и не понять, зачем все это, но ведь дети до четырех лет проводят большую часть жизни в стенах дома. И каждый выход в город для них праздник.

— ...Я не знаю, где дом мой главнее,— сказала в разговоре Марина Гургеновна,— почти четверть века проработала я тут. Уеду в отпуск и все сюда тороплюсь, беспокоюсь, как они там, мои подопечные. И не только я. Все наши женщины после отпуска везут в дом игрушки, безделушки всякие, подарки для малышей. Уж если случилось детям тут быть — разные ведь бывают в жизни ситуации,— то мы должны сделать так, чтобы в нашем доме им было по-настоящему хорошо.

Герой Социалистического Труда Марина Гургеновна Контарева, главный врач Дома ребенка № 12 Октябрьского района Москвы.

Фото Д. ДЕБАБОВА

ОКЕАНСКАЯ ВАХТА

Начало см. на стр. 16.

тета я поступил в Морское училище РККА, ныне Военно-морское училище имени М. В. Фрунзе. И, признаюсь, ни разу не пожалел о вновь избранной профессии, хотя за долгие годы службы приходилось не раз бывать в сложных ситуациях. Если бы можно было повторить жизненный путь, я, не задумываясь, попросил бы у судьбы снова море с распахнутым настежь миром, а еще ни с чем не сравнимое ощущение, что все силы без остатка отдаю нужному Отчизне делу.

Опытные преподаватели училища воспитывали у нас способность видеть прекрасное в малом, находить романтику в буднях, понимать законы, требования и тонкости флотской профессии, уяснять своеобразие корабельной службы — освященные веками ритуалы и традиции, права и обязанности должностных лиц, сущность командирского долга и многое, многое другое. Наставления этих до мозга костей флотских людей часто вспоминались потом в годы войны, помнятся они и сейчас.

Последующая служба проходила на Черноморском, а затем на Тихоокеанском флоте, где как бы заново организовывались морские силы Дальнего Востока. Здесь мне впервые довелось участвовать в боевых действиях по отражению нападения японцев у озера Хасан. Бригаде эсминцев и сторожевиков, которой я командовал, поручили прикрывать наши сухопутные войска от возможных ударов с моря. Кроме того, мы обеспечивали снабжение этих частей боеприпасами, перебрасывали боевую технику, эвакуировали раненых во Владивосток.

Этот опыт очень пригодился на Черноморском флоте, где меня, командира бригады крейсеров, застала Великая Отечественная война. До сих пор я отчетливо помню, как после окончания совместных учений флота и сухопутных войск Одесского военного округа 21 июня 1941 года по случаю субботы было разрешено уволить на берег часть команды кораблей. Во втором часу ночи мне вдруг вручили пакет экстренного вызова. Вскоре я поднялся на палубу крейсера «Червона Украина», где принял доклад о том, что по флоту кораблям и частям объявлена боевая готовность «номер один». Личный состав находился на боевых постах, к зенитным орудиям поданы боеприпасы.

Около трех часов ночи послышался гул моторов со стороны моря—приближались фашистские самолеты. Черное небо рассекли лучи прожекторов. Сигнальщики на кораблях заметили спускающиеся на парашютах объекты. Как потом оказалось, это были неконтактные донные мины, которыми гитлеровцы намеревались заблокировать в Севастополе корабли Черноморского флота. Я приказал открыть огонь по самолетам. Вслед за «Червоной Украиной» начали стрелять и другие корабли эскадры. А вскоре мне пришлось принять активное участие в обороне Одессы.

— В истории Великой Отечественной войны описан случай, как вы некоторое время командовали сухопутной армией и вообще чуть было не расстались с флотом. Как это случилось?

— Это произошло в период обороны Новороссийска. Враг рвался на Северный Кавказ и вышел на подступы к городу. 17 августа был образован Новороссийский оборонительный район. Командующим этим районом был командующий 47-й армией А. А. Гречко, а я — его заместителем по морской части. В этой сложной обстановке 18 августа было принято решение 47-й армии закрепиться в районе цементных заводов на восточном берегу Цемесской бухты, остановить там фашистские войска и преградить им выход на прибрежную дорогу, ведущую к Туапсе и дальше к границе с Турцией. Силами преимущественно морских частей и поддерживающих их кораблей, артиллерийских батарей береговой обороны и авиационной группы нужно было задержать продвижение гитлеровцев и тем самым дать возможность войскам армии закрепиться на избранной позиции. Этими частями поручили командовать мне.

Противник, стремясь во что бы то ни стало ворваться в город, предпринимал ожесточенные атаки. Был занят вокзал, отдельные группы автоматчиков проникли к холодильнику, в порт, к цементному заводу «Пролетарий». Закрепиться в захваченных районах мы врагу не дали, непрерывно контратакуя и отбрасывая его на исходные позиции. Силы были неравны, наши потери возрастали, на исходе боеприпасы, обстановка с каждым часом обострялась. Но надо было держаться! И мы ходили в контратаки, добывали в бою оружие и били врага. Так продолжалось восемь суток. За это время части 47-й армии сумели прочно закрепиться на южной окраине Новороссийска в районе цементных заводов. И только тогда по распоряжению командующего фронтом на подошедших плавсредствах мы эвакуировали войска на 9-й километр Сухумского шоссе и в Геленджик. Часть людей удалось вывезти и из района Мысхако.

Еще продолжались ожесточенные схватки в районе города, но становилось все более очевидным, что противник уже не в силах продолжать наступление и полностью захватить город. Его защитники прочно удерживали линию обороны между цементными заводами.

Да, враг овладел большей частью Новороссийска, но с восточного берега Цемесской бухты он всегда видел острие флотского штыка. Наша дальнобойная артиллерия, заняв господствующие высоты, в течение года выполняла роль «регулировщика уличного движения» в городе. Новороссийск не стал для фашистов, как они мечтали, «воротами Кавказа», «ключами к Баку», «преддверием Ближнего Востока».

Когда командующий 47-й армией генерал А. А. Гречко был отозван к новому месту службы, командовать армией было поручено мне. Задача стояла нелегкая: не пропустить противника на Приморское шоссе Новороссийск — Туапсе — Сухуми. Эта задача 47-й армии во взаимодействии с Черноморским флотом была с честью выполнена. В этот период Верховный Главнокомандующий через командующего флотом предлагал мне остаться командармом, но я просил оставить меня на флоте.

— В послевоенные годы наш флот вышел на океанские просторы. Появились атомные подводные лодки, авианесущие корабли и многое другое. Чем объясняется такой скачок? Как он был организован?

— Раньше проблема защиты морских границ решалась проще. Для этого достаточно было иметь военно-морские силы прибрежного действия, способные противостоять высадке морских десантов и артиллерийским ударам кораблей. Иное дело теперь, когда усилиями Соединенных Штатов Америки и их ближайших союзников океаны и моря превратились в огромные стартовые площадки для запуска ракет, стартующих из-под воды и с надводных кораблей, причем с больших удалений. Немалую угрозу представляют и палубные самолеты, несущие смертоносное ядерное оружие. Чтобы бороться с такой действительно реальной угрозой, надо иметь современный океанский флот, способный действовать вдали от своих баз и берегов.

Исчерпав возможности договориться по возникшим проблемам со своими бывшими союзниками, признающими только принцип с позиции силы, Советский Союз был вынужден пойти по пути ответных мероприятий.

В 1949 году, через четыре года после того, как США применили атомное оружие против Японии, Советский Союз испытал свое атомное устройство, положив тем самым конец монополии империалистов в этой области.

После того как в США были организованы ударные ядерные группировки ВВС и ВМС, нацеленные против Советского Союза, мы создали новое средство доставки ядерных зарядов до цели — межконтинентальные баллистические ракеты. Это ликвидировало миф о неуязвимости американского континента в случае развязывания военной агрессии против СССР и союзных ему стран.

В один ряд с этими всемирно-историческими событиями может быть поставлено и рождение советского океанского флота. Его выход на просторы Мирового океана — реальная ответная мера на угрозу нашей стране и странам социалистического содружества с океанских направлений ударных авианосных группировок и еще более опасных подводных ракетно-ядерных систем.

Сегодня советские атомные подводные лодки — это первоклассные современные боевые корабли универсального назначения, обладающие высокими оперативно-боевыми качествами, которые позволяют решать широкий круг задач в Мировом океане.

В составе подводного флота имеются носители мощных стратегических ракет, предназначенных для уничтожения наземных объектов противника, а также многоцелевые атомные подводные лодки, которые могут использоваться для уничтожения надводных и подводных кораблей.

— Но ведь такая сложная техника требует соответствующей подготовки людей. Выходит, современный моряк больше инженер, нежели отчаянный матрос, привыкший противостоять стихиям?

— Действительно, современная техника, концентрирующая в себе все новейшие достижения научно-технического прогресса, неустанные вахты у атомных реакторов, управление электронными системами и приборами, повелевающими грозными ракетами, требуют высокоподготовленных специалистов.

Но море есть море. Поэтому тот, кто служит на флоте, непременно должен обладать высокими качествами моряка. Морская служба никогда не была легкой, она связана с твердым порядком, установленным на корабле, когда каждый член экипажа независимо от должности постоянно находится на боевом посту и в любую минуту готов самоотверженно защищать социалистическое Отечество. Флот располагает замечательными командирами, политработниками и инженерами, в полной мере отвечающими этим требованиям. Каждый выпускник высшего военно-морского училища приходит на корабль с дипломом военного инженера. Многие командиры, политработники и инженеры имеют академическую подготовку. Значительная часть мичманов получает на флоте среднее техническое образование. За плечами у большинства воинов срочной службы — средняя школа или техникум, обучение в клубах ДОСААФ. И тем не менее, чтобы освоить современную технику, научиться эффективно использовать ее в походе и в бою, требуется упорный и систематический труд.

Фундамент боевой выучки закладывается в базах, однако главная школа для моряка — это океан. Именно в длительных и сложных плаваниях вырабатываются у моряков и прежде всего у командиров воля, выдержка, стойкость, характер, смелость в борьбе со стихией.

— Известно, что в послевоенные годы несколько десятков моряков были удостоены высокого звания Героя Советского Союза, а многие тысячи награждены орденами и медалями. Значит, место для подвига есть и в мирное время?

— Продолжая боевые традиции Великой Отечественной, военные моряки и в мирные дни проявляют стойкость, мужество и высокое мастерство в овладении новейшей боевой техникой. Примером этому могут служить походы подводных лодок подо льдами Арктики к Северному полюсу. Подтверждением отличной морской выучки подводников, высоких боевых качеств советских атомных подводных лодок

явилось их групповое кругосветное подводное плавание. Пройдя в подводном положении около 25 тысяч миль, они доказали, что для советских атомных кораблей не существует недоступных районов в Мировом океане.

Упорно и самоотверженно осваивают боевую технику летчики корабельной авиации и экипажи надводных кораблей.

За выдающиеся подвиги и умелое использование боевой техники многие офицеры, мичманы и прапорщики награждены орденами и медалями. Более сорока человек удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Среди них участник Великой Отечественной войны капитан I ранга Леонид Гаврилович Осипенко — он был командиром первой советской атомной подводной лодки, капитан II ранга Иван Иванович Гуляев, командовавший первым подводным ракетоносцем, морской летчик подполковник Юрий Иванович Чурилов и другие. Упорный, самоотверженный труд, горячая любовь к избранной профессии, высокое мастерство — вот качества, которые характерны для героев мирных будней.

— Среди читателей «Огонька» много молодежи. Есть среди них и юноши, мечтающие стать моряками. Что вы могли бы им посоветовать, чтобы их мечта стала явью, чтобы на мостики кораблей поднимались офицеры, которые смогли бы достойно продолжать лучшие традиции русских и советских моряков?

— Для пытливой молодежи, желающей познать большой мир и приложить свои силы в большом, настоящем деле, нет лучше места, чем море! Его могучая стихия способна всколыхнуть глубокие чувства даже у самых, казалось бы, невозмутимых людей, она заставляет их находиться в постоянном напряжении сил, ума и духа. Флотская служба дает широкий простор для творческого развития, духовного обогащения, воспитания мужества и инициативы, вырабатывает у людей организованность, чувство дружбы и взаимовыручки, закаляет физически и морально, приучает к дисциплине и порядку, побуждает молодежь проявлять высокую сознательность, самоотверженность, а подчас и настоящий героизм.

Мое восхищение морем за многие годы службы на флоте не раз подвергалось сложным и трудным испытаниям, но и поныне меня влекут море и корабельная жизнь. Флот всегда был силен традициями, которые незримыми, но прочнее якорных цепей нитями связывают многие поколения моряков...

Морские династии и династии кораблей, многочисленные заявления перед дальним походом: «Прошу принять в партию» — и добрая старая заповедь: «Сам погибай, а товарища выручай» — все это традиции, в которых проявляется характер народа, характер профессии. Они вошли в плоть и кровь морской души. Они честь флота, где под стать стальным кораблям, начиненным автоматикой и электронными системами, стальные люди, стоящие у рулей и приборов.

Мы ждем вас, молодые люди, на флоте. Вам представляется возможность узнать много нового, интересного, получить полезную профессию, одинаково нужную как в военном деле, так и в мирном труде.

Ну, а тех, кто решил навсегда связать свою судьбу с морем, мы приглашаем поступать в высшие военно-морские училища, готовящие офицерские кадры самых различных специальностей.

Последний вопрос, быть может, выходящий за рамки этой беседы, возник после того, как она была подготовлена к печати. С. Г. Горшков много лет избирается депутатом Верховного Совета СССР, причем последние четыре созыва по Кулдигскому избирательному округу Латвийской ССР. Я попросил Сергея Георгиевича рассказать о его депутатской деятельности.

— Знаете что,— сказал Сергей Георгиевич,— через неделю я еду по служебным делам на дважды Краснознаменный Балтийский флот. Будут там и встречи с избирателями. Приглашаю в эту поездку: там вы и получите ответ на свой вопрос.

...И вот мы на Балтике. Приезд Главнокомандующего для моряков всегда событие, к которому тщательно готовятся: никто не знает его планов, а он в любой момент может объявить тревогу, подняться на любой корабль, проверить меткость ракетчиков или артиллеристов, быстроту действия подводников, готовность летчиков за считанные мгновения подняться в воздух. О радостном событии, правда, знали все: одной из частей десантных кораблей будет вручен орден Красной Звезды. Боевой орден в мирное время — это признание высочайших заслуг.

У самой кромки воды замер парадный строй. Экипажи кораблей стояли под флагами, побывавшими во многих морях и океанах. За спинами этих людей тысячи трудных миль, не одна встреча с боевыми кораблями американского флота, направляющимися к берегам Ливана для обстрела его территории или к берегам Никарагуа для запугивания народа, отстаивающего свою свободу и независимость, а то и спешащего за тысячи миль от метрополии в Индийский океан для выполнения жандармских функций.

Грянул оркестр! Знаменная группа выходит из строя, и С. Г. Горшков прикрепляет орден Красной Звезды к знамени части. Гремит «ура!».

Я вижу, как пристально всматривается в глаза моряков Главком, и понимаю, как важно ему знать, кому страна доверяет охрану своих рубежей на океанских просторах. С. Г. Горшков чуть заметно улыбается и говорит командиру: «На днях посмотрим вас в деле».

На следующий день на эсминце «Осмотрительный» мы вышли в море. Красавец корабль уверенно резал балтийскую волну, а за горизонтом и под водой разворачивались напряженные события. Вот откуда-то из-за дымки выскочили ракетные катера и атаковали шедший с нами крейсер «Грозный». Атака, конечно, была учебной, но, захлебываясь, стучали автоматические пушки, вспарывали небо сполохи ракет. Потом появились самолеты. Пришлось отбиваться от них и «Осмотрительному». Командир умело маневрировал, менял курс, уходил от атак с воздуха. Когда все было позади, оказалось, нас подкарауливает подводная лодка. Что только не предпринимал «Осмотрительный», но торпедный залп был точен. Наш корабль мог бы пойти ко дну. Во всяком случае, так заявил посредник, который дал положительную оценку подводникам.

На флоте знают особую любовь Главкома к морской пехоте. Мы побывали вместе с Сергеем Георгиевичем в одной из частей морской пехоты, видели, как внимательно осматривал он новую технику, учебные классы, спортивную базу, интересовался успехами в учебе, условиями жизни и быта личного состава. От опытного взгляда Главкома не могли ускользнуть отдельные недоработки и упущения.

А потом Главком приказал:

— Через три часа артиллерии прибыть на полигон. Посмотрим, как вы стреляете.

В назначенное время появился буксир со щитом-мишенью. Погода была холодная, ветреная, да и видимость не блестящая. Щит нырял в волнах и довольно споро двигался за буксиром.

— Огонь! — скомандовал находившийся на наблюдательной вышке начальник артиллерии майор В. Данилко.

Что тут началось! Орудия открыли такой ураганный огонь, что щит за несколько минут превратился в обломки и затонул.

— Командира батареи ко мне! — приказал Главком.

Когда запыхавшийся командир поднялся на вышку, С. Г. Горшков, пряча улыбку, сказал:

— Ты что же это мне щит потопил?

— Виноват, товарищ Главнокомандующий. Но так будет с каждым.

— С кем это, с каждым?

— Кто без спроса посмеет войти в наши воды.

— Молодец! Всех отличившихся представить к поощрению. А вас, товарищ майор, поздравляю с очередным воинским званием,— обернулся он к В. Данилко. — Вчера я подписал приказ. Еще раз поздравляю, товарищ подполковник.

— Служу Советскому Союзу! — ответил, зардевшись, молодой офицер.

Рядом, не скрывая радостной улыбки, стоял капитан. Сергей Георгиевич присмотрелся к нему и спросил:

— Уж не родственники ли вы?

— Так точно. Младший брат.

— И на сколько вы младше?

— На четыре года.

— Так вместе и служите?

— Так точно. Учились в одном училище, теперь служим в одной части.

— А отец, случайно, не военный?

— Военный. Фронтовик. И тоже артиллерист. Теперь, правда, в запасе.

— Вот вам и династия. Молодцы! Стрелки отличные. А щитов для такого дела мы припасем.

Потом мы приехали в Лиепаю, где состоялась первая встреча С. Г. Горшкова с избирателями. Разговор был в лучшем смысле слова открытый и откровенный.

Лиепайцы с гордостью рассказали о том, как растет их город, какие появились новые заводы и фабрики, как реконструируется порт, как много строится жилья, причем довольно много по наказам избирателей. И все же в Лиепае достаточно проблем. Немалая часть жилого фонда старая, часть школ работает в две смены, не все благополучно с городским транспортом.

— Ну что ж,— сказал С. Г. Горшков.— Будем помогать. Прежде всего постараемся добиться в этом же году закладки школы и привлечения к этой работе военных строителей. А жилищный вопрос нужно решать не только путем ремонта старых зданий, а, если так можно выразиться, в принципе. Давайте поставим вопрос перед Советом Министров республики, чтобы в Лиепае был создан домостроительный комбинат. Будет ДСК — будет и жилье... Есть для вас и сюрприз. Хоть Лиепая и на берегу моря, а неумеющие плавать в городе есть. Поэтому принято решение о строительстве в Лиепае плавательного бассейна.

На личный прием к С. Г. Горшкову записалось пять человек. Честно говоря, я думал, что все будут просить что-то для себя, но все оказалось не так. Артистка флотского драмтеатра С. А. Воля рассказала о том, что у театра практически нет своего здания, а сцена Дома офицеров, где приходится работать, часто бывает занята всевозможными мероприятиями. Между тем в городе есть прекрасное старинное здание, которое сейчас занято другим учреждением флота,— хорошо бы перевести туда Дом офицеров, а его здание оставить за театром.

— Непременно побываю на месте и разберусь,— сказал Сергей Георгиевич.— Конечно, театру без своего помещения нельзя.

А на следующий день мы поехали в Кулдигский район. В колхозе «Курземе» осмотрели фермы, жилые дома, побывали в поле — и всюду люди говорили о росте рентабельности сельского труда, о том, что еще нужно сделать для увеличения урожаев и развития животноводства. В колхозе «Коммунар» побывали в новом магазине и столовой, построенных по наказам избирателей.

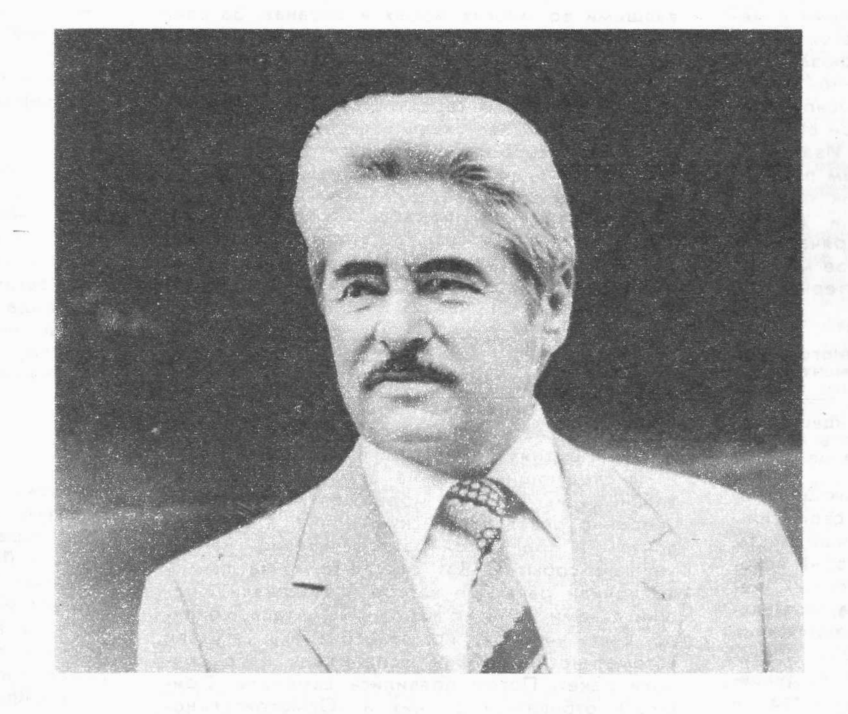
Очень понравилась школа, возведенная в Кулдиге. Тут уж Сергей Георгиевич был особенно внимателен. Светлые, просторные классы, хорошо оборудованные для занятий спортивные залы, столовая. Все условия созданы для успешной учебы. Сергей Георгиевич интересовался, что делается для практического осуществления реформы общеобразовательной школы, перспективами обучения школьников старших классов работе с вычислительной техникой.

— Интерес к школе у меня особый. Я сам из семьи учителей,— говорил он.— И хотя я стал военным, тем не менее считаю, что профессии родителей не изменил: ведь офицер — прежде всего педагог. Он учит подчиненных самой сложной из наук — науке побеждать. Я вижу у вас стенд с фотографиями выпускников, которые сейчас служат в армии и на флоте. Обязательно переписывайтесь с ними — это будет и полезно, и интересно. У вас прекрасный стадион, но опять же нет бассейна. Непременно нужно построить бассейн, хотя бы один на несколько школ. Давайте изучим этот вопрос вместе, а я, как депутат, помогу.

А потом были новые встречи, новые просьбы, пожелания, и все их депутат Верховного Совета СССР С. Г. Горшков взял на заметку.

Версты пережитого

Юрий ОСИПОВ

«Общая жизнь людей, сложенная из миллионов различных судеб, всегда может рассматриваться... с двух точек зрения: с точки зрения целостности движения, как видят все со своих высот ученые, пытающиеся вывести общие законы бытия, и с точки зрения отдельного человека, который уже со ступенек только своих радостей или огорчений, но с той же потребностью обобщить все смотрит на вещи...

Но в то время как одни судьбы более или менее соединялись с общим движением, другие.., казалось многим, не только не имели никакой связи с этим общим движением, но и не могли иметь в силу уже того положения, что истоком их (как считали эти многие) было не социальное, а нравственное начало».

Опровержению подобного убеждения фактически и посвящен последний крупный роман Анатолия Ананьева «Годы без войны», как, впрочем, все предшествующее творчество писателя, который показывает нам, что «духовный мир человека, то есть нравственность его, всегда есть зеркало социальной жизни».

Истину эту А. Ананьев постиг давно. И не с чужих слов. О ней он настойчиво напоминает в циклах публицистических очерков, в эссе на литературные темы. А разноликих героев своих подводит к ее осознанию тернистой тропой личного опыта, ибо «не услышанное и заученное, а познанное и пережитое становится понятным и близким». К такому выводу приходит в романе А. Ананьева «Межа» молодой следователь Егор Ковалев, человек цельный и честный, которому автор доверил свои сокровенные мысли о жизни.

Ее будничное течение, внутренние конфликты и противоречия, своеобразная поэзия повседневности определяют не только содержание, но и тональность произведений известного советского прозаика. В книгах Ананьева, как правило, не встретишь занимательной интриги, закрученного сюжета; их действие развивается неторопливо, они требуют внимательного, вдумчивого чтения. Внешней событийности писатель предпочитает бытовую панораму, художественное отображение обыденных явлений действительности, в основе которого большой запас жизненных знаний и наблюдений.

В восемнадцать лет он уже командовал взводом противотанковой батареи на Курской дуге, добровольцем уйдя в армию с третьего курса сельхозтехникума. Мечтал вернуться после войны к профессии агронома и осуществил свою мечту. Однако истинное призвание нашел лишь годы спустя. Вели к нему завод, филологический факультет, работа в редакции областной газеты. Журналистика стала для будущего писателя прологом прозы, обращенной к серьезным социально-нравственным проблемам времени.

«Вернинские рассказы» — так называлась первая книга Ананьева, увидевшая свет в 1958 году. Она о героях гражданской войны в Семиречье. Для начинающего автора, жившего тогда в Алма-Ате, это был не просто «местный материал», но истоки революционной преемственности поколений, отзывающейся в дне сегодняшнем, в кровном единстве судеб отцов и детей. Затем последовали повесть «Малый заслон», первая попытка поделиться с читателями фронтовым опытом, и повесть на темы современной деревни «Жернова славы».

Так, еще в ранних произведениях, отмеченных поисками своего голоса, четко обозначилась сфера авторских интересов и пристрастий, которая в дальнейшем будет все расширяться и углубляться.

Романом «Танки идут ромбом» (1963) А. Ананьев фактически дебютировал перед массовой читательской аудиторией, заявив о себе как зрелый художник. Бесспорным успехом роман обязан прежде всего высокой мере художественной правды и достоверности, причем мастерство писателя сказалось и в самой стилистике и в образном строе этого произведения, остающегося одним из лучших в его творчестве.

Казалось бы, в поле зрения автора находится совсем небольшой участок фронта, сравнительно немного людей — солдаты и офицеры противотанковой батареи, батальона пехоты за околицей безвестной деревни Соломки,— но на страницах книги в подробностях оживает впечатляющая картина первых дней Орловско-Курского сражения.

Ананьев, в сущности, повествует о себе и своих боевых товарищах — истребителях танков, и это придает повествованию особый эмоциональный накал. В тяжкий, драматический момент расстаемся мы с героями, когда они вынуждены покинуть политый кровью огневой рубеж. Пружина нашего наступления развернется позднее. И тем не менее читатель явственно ощущает ратное и моральное превосходство советских солдат над врагом, добытое еще на берегах Волги, видит, как крепнут их стойкость и решимость, растет воинский опыт.

Очень разные персонажи действуют в романе. У каждого — свой неоднозначный характер, своя отличительная судьба. Не просто и не сразу находит себя в бою молодой необстрелянный лейтенант Володин. Втихомолку мучается несправедливо разжалованный из полковников в лейтенанты Пашенцев. Превозмогая страх и растерянность, достойно держится в критических обстоятельствах чуть было не переступивший грань предательства рядовой Щербаков. А рядом с ними — бесстрашный, суровый и непреклонный полковник Табола; неожиданным ухарством старающийся ответить на нанесенную ему обиду юный пулеметчик Чебурашкин...

Что объединяет этих столь непохожих людей? Очевидно, тот изначальный, истинно советский патриотизм, воспитанный партией, который и делает их в конечном счете непобедимыми.

Люди в романе Ананьева не только воюют, но и напряженно думают о жизни, перебирают в памяти прошлое, мечтают о будущем, всеми своими надеждами и помыслами устремляясь к нам, в мирное время. А потому они для нас — современники.

Со вчерашними фронтовиками мы знакомимся в следующем романе писателя, «Межа» (1969). Впрочем, не с ними одними. Название романа символично, многопланово. Развенчивая миф о «крестьянском братстве» старой деревни, автор изображает обнаженную революцией непреодолимую межу между беднянами и кулаками. И опять на страницах книги властно дает себя знать История. Ее уроки, утверждает Ананьев, неизменно выводят нас на верную дорогу, даже если историческая память изменяет вдруг отдельным людям. Как это происходит с молодым школьным учителем Николаем Богатенковым, вознамерившимся описать прошлое деревни. Понятие «крестьянин» он считает исконным, вечным, а значит, внеклассовым... Случайный пожар, добравшийся до погреба, в котором кулацкий отпрыск Минаев, люто ненавидя односельчан, прячет проржавевшее отцовское оружие, разносит в прах и несостоятельную историческую концепцию юноши. Знаменательно, что именно у Минаева черпает он информацию для задуманной работы, о чем с горечью и гневом узнает Богатенков-старший, подполковник милиции, на себе испытавший в свое время жестокую хватку кулака.

Общее и частное тесно взаимосвязано в книгах Анатолия Ананьева. Сопоставляя конкретные людские судьбы с ходом истории, свободно перенося повествование от настоящего к прошлому и обратно, беря жизнь общества в вертикальном разрезе, на фоне больших социальных сдвигов и перемен, писатель добивается важных смысловых обобщений. В этом суть его творческого метода, ярко выраженная в «Меже».

Сцены быта сегодняшнего села сменяются здесь эпизодами жизни страны в тридцатые годы, в годы Великой Отечественной. Стягиваются в нервный вибрирующий узел самостоятельные сюжетные линии. Яростно спорят друг с другом и с самими собой Петр Богатенков и старый учитель Матвей Петрович, председатель сельсовета Федор Флеров и изувеченная войной Даша... Спорят о добре и зле, то и дело убеждаясь, что эгоизм, алчность, стяжательство тоже имеют свои исторические корни, свои закономерности развития.

Страшный мир собственничества с его ненавистью к незыблемым устоям нашего общественного бытия и вместе с тем обреченностью, бессилием помешать нам двигаться вперед выписан автором объемно и зримо. Приговор ему выносится твердый, с позиций принципиальных и бескомпромиссных, а главное — в пластической, образной форме, не оставляющей читателя равнодушным.

...Емкость и разветвленность описания органически присущи прозе А. Ананьева. Он стремится объять фразой тончайшие смысловые оттенки, удержать в слове нюансы человеческой психологии, плодотворно используя для этого усложненные, но стройно организованные стилистические периоды, которые к тому же наиболее отвечают необходимым писателю философским отступлениям. Все это дает основание говорить о своеобразном творческом преломлении в его произведениях толстовской традиции, отнюдь не часто осваиваемой современными прозаиками.

«Я не люблю приезжать в незнакомый город ночью, особенно когда льет дождь, автобусы уже не ходят, кроме, разумеется, дежурных, в которые обычно набивается много

разного народу: запаздывающего, угрюмого, неразговорчивого.., а тебе даже приблизительно неизвестно, где, на какой площади или улице расположена гостиница, да и номер в этой гостинице не заказан.., и ты смотришь на стекла автобуса, по которым стекают, поблескивая в свете уличных фонарей и витрин, дождевые капли, и нерадостные мысли о тягостях командировочной жизни, о частых поездках (есть же, однако, люди, которые завидуют этим поездкам!) проникают в сознание, и ты уже недоволен жизнью, собой, своей однажды выбранной профессией, всем на свете. А профессия — что же обижать ее?».

Так начинается роман «Версты любви». Он был опубликован в 1971 году и явился для А. Ананьева этапным, по-новому воплотив неизменно волнующие его темы созидательной мощи народа, духовной красоты советского человека, проявляющейся и в труде, и в бою, и в отношении к ближнему.

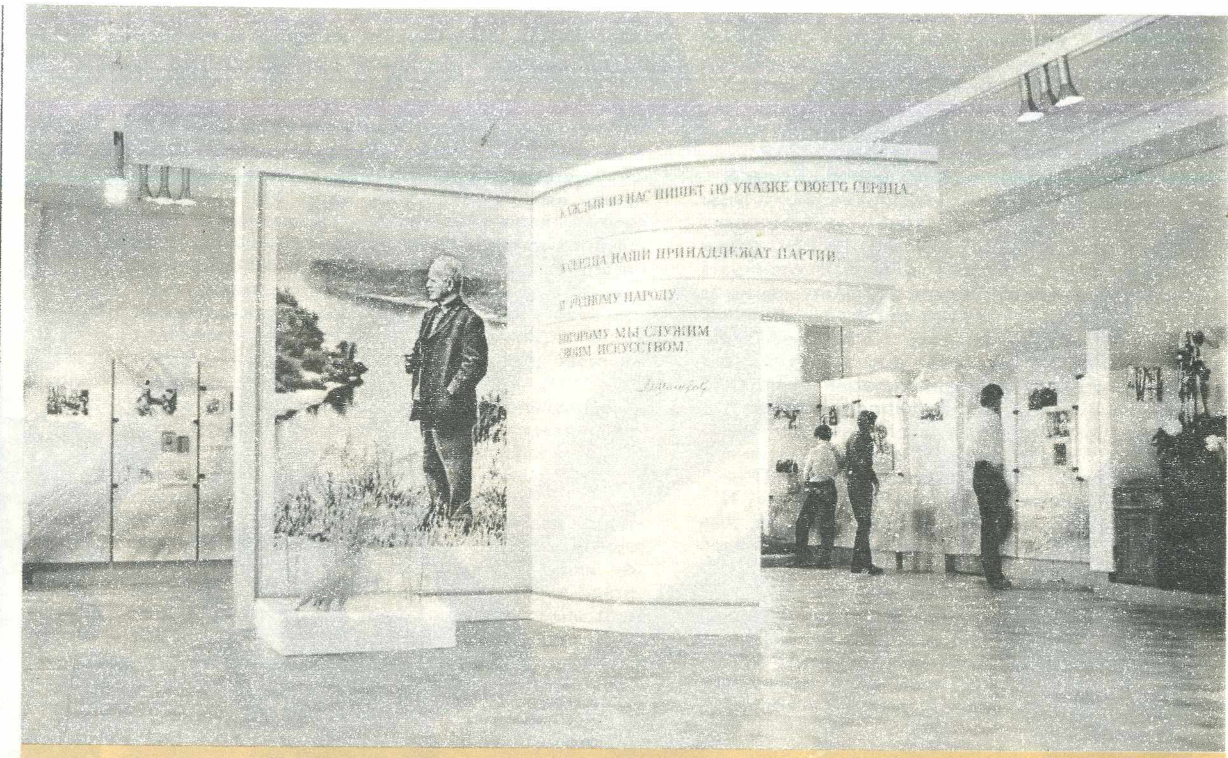
Эпоха — это люди. И кому, как не Анатолию Андреевичу Ананьеву, всегда находившемуся в «гуще жизни», этого не знать. Герой Социалистического Труда, секретарь правления Союза писателей СССР, главный редактор журнала «Октябрь», заместитель председателя Советского комитета защиты мира, он постоянно окружен множеством людей и выводит на страницы своих произведений все новых и новых героев. И все же ни одна из предшествующих книг этого талантливого и обстоятельного летописца нашей стремительной, сложной эпохи не вместила их столько, как роман-эпопея «Годы без войны».

Сам писатель определил его замысел буквально в нескольких словах: «Я пытался показать в своей книге, как общество наше продолжает осмыслять и оценивать те грандиозные перемены, которые принес с собой Октябрь, коллективизация и вся последовавшая за ними ломка старых, вековечных отношений и устоев».

Задача, что и говорить, масштабная. Не случайно работа над романом заняла долгие годы. Четыре книги эпопеи в течение нескольких лет печатались в «Новом мире», выходили отдельными изданиями, оказавшись в центре внимания читателей и критики. Последняя книга тетралогии появилась совсем недавно и еще свежа в памяти. Поэтому нет, думается, нужды подробно останавливаться на содержании эпического полотна Ананьева. Хочется лишь отметить вот что.

Годы без войны — послевоенные нелегкие годы—представлены в романе событиями большими и малыми, из которых, как мозаика, складывается панорама Времени и проглядывает абрис будущего. Именно Время выступает полноправным героем эпопеи наравне с геологами, хлеборобами, учеными, партийными работниками, журналистами, студентами — целым сонмом действующих лиц, не разделяющихся на «главных» и «второстепенных». Соответственно и действие каждой книги попеременно разворачивается то в Москве, то в Пензе, то в Тюмени, то в одной из среднерусских деревень и втягивает в свою орбиту реальные личности, ничуть «не мешающие» вымышленным персонажам.

Но, пожалуй, нет в романе героя, который так или иначе не размышлял бы о животворящей связи человека и земли. Связи, подразумевающей и хлеб насущный и столь же насущное чувство Родины. А следовательно, и ответственность каждого из нас за ее счастье и процветание, за прочный мир на планете.

На выставке «Певец Тихого Дона». Фото В. Козлова

ПОСВЯЩАЕТСЯ ШОЛОХОВУ

В Ростовском областном музее краеведения, в новом зале, вступившем в строй после реконструкции здания, открыта и действует выставка, посвященная жизни и творчеству Михаила Александровича Шолохова.

Вы входите в выставочный зал — и вас сразу охватывает ощущение, будто шумит рядом Дон, колышется камыш, шелестит степной ковыль, неярко цветет бессмертник, столь любимый писателем. В центре просторного, светлого зала открытая трехметровая книга-символ.

Экспозиция (ее создатели — художники Петр Ибалаков, Евгений Гончаров и Борис Колесников, а также научные сотрудники музея) построена таким образом, что позволяет посетителям выставки Шолохова подробно проследить его жизненный и творческий путь.

«Редкий экспонат... Демонстрируется впервые...». Эти слова часто повторяют научные сотрудники, ведущие экскурсию по выставке, названной просто и лаконично — «Певец Тихого Дона». Большой интерес вызывают выставленные впервые личные вещи Михаила Александровича, переданные музею членами семьи писателя.

Здесь его костюм, блокнот, книги из личной библиотеки, пепельница, зажигалка, ручка, нож для резания бумаги, мундштук, очечник. Каждая из реликвий имеет свою биографию.

Сын писателя, Михаил Михайлович Шолохов, рассказал нам, например, целую историю о шкафе, который экспонируется на выставке. Оказывается, это одна из немногих вещей, купленных его отцом в Москве в конце сороковых годов. Привезен шкаф был в небольшую квартиру писателя в переулке Сивцев Вражек.

Позднее Михаил Михайлович Шолохов, переехав жить в Ростов, перевез туда и отцовский шкаф. На этом его путешествие не закончилось. Из квартиры шкаф перекочевал в служебный кабинет младшего сына писателя, кандидата философских наук, а позже он подарил его музею.

Из истории хорошо известно, какая тяжелая обстановка сложилась на Верхнем Дону в двадцатые годы. С оружием в руках уже в пятнадцать лет защищал юный Шолохов власть Советов. Бурное, тревожное время нашло свое отражение в листовках, подписанных героями гражданской войны Федором Подтелковым и Михаилом Кривошлыковым, в обращениях молодой республики к трудовому казачеству: «...гнать царских атаманов, бороться против общего врага — армий Деникина, Каледина».

В этот период формируется самосознание молодого Шолохова, который «служил и мыкался по донской земле. Гонялся за бандами, властвовавшими на Дону до 1922 года...». «Все шло, как положено»,— писал он.

Постепенно экспозиция раскрывает облик молодого Шолохова — автора «Донских рассказов», первых глав «Тихого Дона», воссоздает историческую эпоху тридцатых годов. Плакаты, документы, реликвии позволяют рассказать о многом, а главное — об истоках, которые питали могучий шолоховский талант, его глубинной связи с народом.

Любопытна фотография одного из прототипов Григория Мелехова — донского казака из хутора Базки Харлампия Ермакова. Перед нами полный георгиевский кавалер, хорунжий 12-го Донского полка, позднее воевавший в коннице Буденного, демонстрировавший автору «Тихого Дона» свой знаменитый сабельный удар.

Большой раздел выставки посвящен времени «Поднятой целины». Здесь и броский плакат «Иди в колхоз!», столь популярный в нашей стране в тридцатые годы, и газета «Молот» с материалами о коллективизации, и брошюра А. А. Андреева, бывшего в ту пору секретарем Северо-Кавказского крайкома ВКП(б).

«Я писал «Поднятую целину» по горячим следам, в 1930 году, когда еще были свежи воспоминания о событиях, происшедших в деревне и коренным образом перевернувших ее...» — говорил Шолохов.

И, конечно же, особый интерес посетителей вызывают книги — первые издания «Тихого Дона», «Поднятой целины»...

Немало места уделено теме «Великая Отечественная война и Михаил Шолохов». Демонстрируются фотографии писателя на разных фронтах Великой Отечественной, газеты с публикациями той поры, книги, журналы.

Выставка дала возможность наглядно познакомить ростовчан и гостей Ростова-на-Дону с богатым шолоховским фондом музея, основу которого заложил писатель и литературовед К. И. Прийма.

После смерти М. А. Шолохова ЦК КПСС и Советское правительство приняли постановление об увековечении памяти великого писателя. Его именем названы многие учреждения, улицы... Вешенский район переименован в Шолоховский. Создан и начал действовать государственный музей-заповедник М. А. Шолохова в станице Вешенской.

А скоро уйдет в свой первый рейс теплоход «Михаил Шолохов». Имя М. А. Шолохова будет вечно жить в сердцах людей. Его книги завещаны векам.

В. ТИХОМИРОВА

Ростов-на-Дону.

МОСКВА, 41-й

Иван СТАДНЮК

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

32

В тот вечер был очередной воздушный налет немцев на Москву, и Политбюро ЦК заседало в подземном помещении—на станции метро «Кировская». Звуки бомбежки и орудийной пальбы доносились сюда сплошным тихим гулом, будто где-то за стеной работал плохо отлаженный автомобильный мотор. На Политбюро слушали сообщение генерал-лейтенанта интендантской службы Хрулева Андрея Васильевича о новой системе снабжения действующей армии. Здесь же присутствовали представители Генерального штаба во главе с его начальником генералом армии Жуковым.

Отсек вестибюля станции метро был хорошо задрапирован, обставлен простой прочной мебелью и ничем особым не отличался от других рабочих кабинетов. Сталин, как и у себя в Кремле, неторопливо прохаживался по ковровой дорожке вдоль стола, за которым сидели члены Политбюро и Государственного Комитета Обороны, и внимательно вслушивался в темпераментную речь Хрулева. Иногда останавливался, смотрел на него с задумчивым прищуром. Замечая это, Хрулев начинал энергичнее жестикулировать правой рукой, словно припечатывать свои фразы к зеленому сукну стола, а его серые глаза при этом излучали сдерживаемое волнение. И тогда еще больше ощущалась уверенность генерала в истинности своих суждений.

Хрулев был коренастым и плотнотелым, светло-русые, гладко зачесанные волосы с пробором над правым виском придавали его круглому, широконосому лицу некую элегантность.

Старый кавалерист Хрулев был знаком Сталину еще по временам гражданской войны. Да и в последние годы не раз встречались они в Кремле при решении военно-государственных проблем или на квартире у кого-нибудь из военных товарищей в узком кругу, собиравшемся, пусть и редко, на разного рода дружеские застолья. Хрулев Андрей Васильевич всегда отличался улыбчивостью, дружелюбием, готовностью браться за очередное важное дело. Имел он колоссальную память — на лица, на цифры, на события, всегда готов был кидаться в словесную перепалку, давая отпор кому угодно по любому поводу. Только перед ним, Сталиным, да еще перед Мехлисом, кое-когда пасовал Андрей Васильевич. И сейчас Сталин размышлял об этом с глубоким сожалением и с горестью, вспоминая одно прошлогоднее заседание Совета Народных Комиссаров...

Да, генерал Хрулев имел основания претендовать на то, чтоб к его суждениям руководители государства и армии относились с большим доверием. Этого заслужил он и своей непростой военной биографией. В недалекие предвоенные годы руководил Хрулев военно-финансовой службой Советских Вооруженных Сил, затем был начальником Строительно-квартирного управления РККА, начальником Управления военного строительства Киевского особого военного округа.

В октябре же 1939 года его назначили начальником Управления снабжения Красной Армии. За короткое время, находясь на столь высоком и важном посту, Хрулев сумел неплохо организовать работу управления, под его руководством войсковое хозяйство армии заметно окрепло, приняло четкие организационные формы, особенно после советско-финляндской

Продолжение. См. «Огонек» №№ 22—28.

войны, которая преподнесла горькие уроки и органам снабжения.

Сталин знал, что иные военные и невоенные деятели, даже весьма крупного масштаба, подчас с робостью заходили к нему в кабинет, опасаясь неожиданных его, Сталина, вопросов или ощущая трудно постижимую безбрежность дел, за которые они отвечают или хотя бы имеют к ним касательство. Хрулев же, когда решались проблемы интендантства (за год до начала войны его управление было преобразовано в Главное интендантское управление Красной Армии), всегда держал себя спокойно и с той уверенностью, которая давала Сталину и членам Политбюро ЦК понять, что он в полной мере готов отвечать перед ними за все подведомственные ему службы и что специфика этих служб ему, как профессионалу, доступнее, чем всем остальным; а посему настаивал, чтоб его предложения воспринимались без сомнений.

Но все-таки иногда пасовал... Иногда. Опасался Мехлиса, особенно, когда тот, как народный комиссар Государственного контроля, пытался усмотреть злонамеренность в каких-либо важных его, Хрулева, предложениях. Так случилось и тогда, на одном из заседаний Совета Народных Комиссаров в 1940 году, когда совещались, в каких районах страны целесообразнее сосредоточивать мобилизационные запасы. Хрулев горячо настаивал на том, чтоб разместить их за Волгой. Генеральный штаб к этому времени уже отдал распоряжения завозить летнее и зимнее обмундирование и обувь в такие места, как Перемышль, Львов, Брест, Барановичи, Клайпеда.

— Но война ведь может возникнуть внезапно,— пророчески говорил тогда Хрулев,— и вновь отмобилизованные дивизии не успеют к сроку оказаться в приграничных районах. Надо побольше держать имущества в неприкосновенном запасе на центральных складах и главным образом в Поволжье.

— Это вредительская точка зрения! — запальчиво перебил речь Хрулева Мехлис, обращаясь к Сталину.— Если мы согласимся с ней, то поставим армию в тяжелое положение! Я служил в царской армии, и у нас было по три комплекта обмундирования на каждого солдата.

— Где, в каком месте эти солдаты служили? — с недоуменной укоризненностью спросил Хрулев.

— В Егорьевске Московской области!—резковато ответил Мехлис.

— Егорьевск — не граница! — спокойно парировал Хрулев.— И там третьей в комплекте была у солдат парадная форма. Но зачем же нам везти к границе валенки, полушубки, ватные брюки, телогрейки?.. В пограничных дивизиях все это имеется.

— А ты откуда знаешь, когда начнется война? Зимой или летом?! — обидчиво не сдавался Мехлис...

Трудно и больно было Сталину вспоминать сейчас о том заседании. Он согласился тогда с Мехлисом и с решением Генерального штаба, а война показала, что прав был Хрулев. В итоге сколько же складов пришлось нашим войскам уничтожить в пограничных районах и сколько их было захвачено противником!..

Генерал Хрулев тоже нередко обращался мыслями к тому заседанию Совнаркома. Понимал, что Сталин и Мехлис сейчас ощущали свою вину в случившемся с нашими интендантскими складами на западе, но не считал удобным напоминать им об этом. В душе винил себя, что не сумел своевременно опротестовать ошибочное решение Генерального штаба, доказать Сталину, Мехлису, другим членам Политбюро свою правоту.

Не догадывался только генерал Хрулев о том, что в мнении Сталина да и во мнении всех членов Политбюро он после всего происшедшего необычайно возвысился, как знаток проблем войскового тыла в условиях большой войны. А проблем этих было величайшее множество. Надлежало в короткие сроки восполнить наши потери, понесенные в первые дни вторжения врага, и срочно начать накапливать необходимые запасы для грядущих сражений, требовалась четкая система доставки в действующую армию средств снабжения; необходимо было наконец создать самостоятельный орган управления службами тыла, чтоб все их усилия устремлялись к достижению единых целей. Прежняя система снабжения армии находилась в ведении Генерального штаба и общевойсковых штабов, в которых имелись для этой цели пятые управления и пятые отделы. С начала войны стало ясно, что общевойсковые штабы в сложной оперативной обстановке, когда надо управлять боевыми действиями, не способны энергично вести еще и многосложную военно-хозяйственную работу...

Летом 1941 года, когда война уже полыхала с ужасающей мощью, генерал Хрулев был назначен заместителем народного комиссара обороны СССР по тылу, и ему было поручено незамедлительно приступить не только к перестройке управления тылом, но и всей организационно-снабженческой структуры Красной Армии, ее тыловых соединений, частей и учреждений.

Все разумное берет начало из опыта. Понимая это, Хрулев первым делом созвал совещание работников системы главного интендантства. Надо было обсудить меры, которые следует принять, чтоб действующая армия не оказалась в тяжком положении из-за недостатков снабжения. На совещание собрались люди с большим опытом. Среди них — бывший помощник главного интенданта, генерал-лейтенант царской армии Горецкий, полковник Данков — великолепный знаток военной истории... Именно Данков предложил для начала ознакомиться с «Положением» о полевом управлении войск, утвержденным еще в 1914 году — за несколько дней до того, как вспыхнула первая мировая война. Правда, это «Положение» не было с объявлением мобилизации введено в жизнь, ибо тогда же его почему-то опротестовал начальник штаба Ставки Верховного Главнокомандования Янушкевич. А ведь оно вобрало в себя немалый обобщенный опыт интендантского дела русской армии за многие времена.

«Положение» разыскали в Государственной библиотеке имени Ленина и доложили о нем Анастасу Ивановичу Микояну, ведавшему в Государственном Комитете Обороны вопросами снабжения армии. Микоян немедленно ознакомил Сталина с этим пусть устаревшим, но важным документом. Сталин, оценив его по достоинству, предложил обогатить «Положение» опытом военно-хозяйственной службы гражданской войны и нашими научными разработками последних лет, а затем подготовить для Государственного Комитета Обороны свой проект решения об организации тыла Красной Армии на нынешнее военное время.

Несколько суток Хрулев и его ближайшие соратники по интендантству — генералы Ермолин и Уткин, полковники Данков и Ремизов — не знали ни сна, ни отдыха. Это был воистину титанический труд и дерзновенный научный подвиг, когда в состоянии творческого подъема, страстного рвения в сегодняшний день на «обломках» истории создавались новые основы тылового обеспечения Красной Армии.

Потом проект документа придирчиво редактировали вместе с начальником Политуправления РККА Мехлисом, и вот сейчас генерал-лейтенант интендантской службы Хрулев, стоя у торца стола рядом с сидевшим генералом армии Жуковым, доказывал полезность разгрузки Генерального штаба и штабов фронта от руководства снабжением и тылом, дабы их снабженческая работа не мешала военно-оперативной.

Сталин видел, что Жуков слушал Хрулева с хмурым вниманием, и почти с одобрением улавливал ход его мыслей: «Мол, никакой полководец не может разрабатывать план военной операции, не зная, как обеспечивается эта операция вооружением, боеприпасами, питанием, своевременным подвозом к фронту всего необходимого...»

«Но почему полководец не может разрабатывать свои планы без учета планов снабжения! — тут же мысленно перечил Сталин Жукову.— К тому же командующий фронтом и его начальник тыла всегда должны быть в одной упряжке!»

Как и предполагал Сталин, Жукову была не по душе такая коренная ломка привычных форм снабжения войск. За ней ведь должна следовать и перестройка работы управлений и отделов Генерального штаба, штабов фронтов и армий, перестановка кадров. Это не так просто в условиях, когда враг мощными силами рвется в глубь страны...

Хрулев закончил свой доклад, и наступила молчаливая тревожная пауза. Все даже позабыли о грохотавшей наверху бомбежке, предчувствуя, что сейчас что-то произойдет.

Сталин долго раскуривал трубку, затем тихо, уже сдерживая закипевшее в нем после сомнений раздражение, сказал:

— Ваше мнение, товарищ Жуков?

Жуков, как всегда, был верен своему характеру — непреклонному и неспособному на компромиссы. Зная, что сейчас последует взрыв, ибо Сталин, как Председатель Государственного Комитета Обороны, уже к этому времени утвердил новое «Положение», все-таки произнес то, что думал:

— Здесь явное стремление товарища Хрулева подмять под себя Генеральный штаб... Это целая перестройка налаженного дела...

И вновь водворилась немая, неловкая тишина. Ее нарушил Молотов, как всегда в минуты волнения, протирая платком пенсне:

— Побойтесь бога, товарищ Жуков...

И тут дал волю своим принявшим неожиданный оборот чувствам Сталин. Остановившись перед Жуковым, он с недоумением и почти с обидой сказал:

— Вы рассуждаете не как начальник Генерального штаба, а как простой кавалерист! И в этих делах мало что понимаете!

— В таком случае, товарищ Сталин, я готов хоть сейчас сдать пост начальника Генерального штаба,— мрачно, однако спокойно ответил Жуков.

Сталин несколько секунд укоризненно, с чуть побледневшим лицом смотрел на Жукова, затем вразумляюще произнес:

— Мы ждем от вас, товарищ Жуков, не ультиматумов, а верных оценок оперативной обстановки на фронтах и целесообразных решений... В том числе и о тыловом хозяйстве армии...

33

Это было столкновение двух характеров, выковавшихся в постоянной неистовой борьбе со старым за утверждение нового мира. Характеры эти отражали в себе атмосферу трудного времени, несли в своем неспокойстве драматизм его коллизий. Парадокс состоял в том, что Сталин и Жуков, устремляя усилия к единой цели, временами видели разные пути ее достижения.

Уже на следующий день после этого совещания между ними последовало новое столкновение точек зрения. Выполняя требование Верховного Главнокомандующего о более точных оценках оперативной обстановки на фронтах и целесообразных решениях Генштаба, Жуков посовещался с руководством своего оперативного управления и по телефону попросил Сталина принять его для срочного доклада.

Сталин понимал, что Жуков едет к нему с какими-то новыми, важными, тревожными вестями, словно помимо своей воли желая досадить всем в Политбюро за вчерашний резкий разговор с ним Сталина. И Сталин приказал своему помощнику Поскребышеву пригласить в Кремль армейского комиссара первого ранга Мехлиса — начальника Политуправления Красной Армии, заместителя наркома обороны, то есть его, Сталина, заместителя, чтоб тот присутствовал при докладе начальника Генштаба и был, как говорится, третейским судьей.

Жуков, конечно же, далек был от желания досаждать кому-либо, а тем более Сталину, но доклад его действительно оказался не из приятных. Сталин и Мехлис, выслушивая начальника Генерального штаба и пристально всматриваясь в развернутые на столе карты с нанесенной на них обстановкой, будто воочию видели, что происходило на фронтах. К тому же Жуков умел докладывать весьма четко и впечатляюще. Его сдвинутые брови, потемневшие глаза и измученное лицо как бы усиливали ощущение тревоги, которая витала в это время в кабинете Сталина.

Трудно было не согласиться с Жуковым, что сейчас наиболее слабым и опасным участком нашей обороны на советско-германском фронте является Центральный фронт, где наши 13-я и 21-я армии, очень малочисленные и слабо вооруженные, могли не сдержать очередного удара немцев, а это грозило выходом противника в тылы войск Юго-Западного фронта, удерживающего район Киева.

Сталин уже предполагал, к какому выводу

придет начальник Генерального штаба, и это, возможно, помимо его воли рождало в груди холодок протеста.

— Что же вы предлагаете? — настороженно спросил он у Жукова.

Жуков переступил с ноги на ногу, приблизился к карте, лежавшей посередине, между двумя другими.

— Я предлагаю,— приглушенным, чуть охрипшим от скрытого волнения голосом начал он,— прежде всего укрепить Центральный фронт, передав ему не менее трех армий, усиленных артиллерией. Одну армию надо получить за счет Западного направления, другую — за счет Юго-Западного фронта, третью — из резерва Ставки...

Сталину показалось, что он чего-то не понял, ибо до сегодняшнего дня считал самым главным и самым опасным Западное направление. И он с оторопью спросил у Жукова:

— Вы что же, находите возможным ослабить направление на Москву?

— Нет, не нахожу,— со спокойной уверенностью ответил Жуков.— Но противник, по мнению Генштаба, здесь пока не двинется вперед. А через двенадцать—пятнадцать дней мы сможем перебросить с Дальнего Востока не менее восьми боеспособных дивизий, в том числе одну танковую. Такая группа войск только усилит Московское направление.

— А Дальний Восток отдадим японцам? — недоуменно и чуть язвительно спросил Мехлис.

Жуков не откликнулся на его вопрос, и лицо армейского комиссара от негодования покрылось красными пятнами.

— Продолжайте,— сдержанно и хмуро сказал Сталин.

И Жуков продолжал:

— Юго-Западный фронт уже сейчас необходимо целиком отвести за Днепр.

— А как же Киев?! — холодно спросил Сталин, отчужденно глядя на Жукова и размышляя о том, что Киев — не только важный стратегический пункт в нашей обороне, но и важная «козырная карта» в близящихся перегозорах с англичанами. Ведь правительства Англии и США до сих пор не могли занять твердых позиций в отношении оказания помощи Советскому Союзу в борьбе с фашистской Германией и ее сателлитами. Слишком много и убежденно трубила западная пропаганда о близящейся гибели Советского Союза.

— Киев придется оставить,— жестко, но с волнением и с необъяснимой виноватостью ответил Жуков.

Сталин уже ждал такого ответа, разумом понимая, что в этом решении есть здравый смысл, а чувством противясь ему, как тяжкому, несправедливому приговору.

— Продолжайте,— после трудного молчания вновь сказал Сталин.

Жуков вздохнул и продолжил доклад:

— На Западном направлении нужно немедленно организовать контрудар с целью ликвидации Ельнинского выступа в линии фронта противника. Ельнинский плацдарм гитлеровцы могут позднее использовать для броска на Москву.

— Какие там еще контрудары? Что за чепуха?! — Раздражению Сталина, казалось, не было предела, ибо следующую фразу он почти прокричал: — Как вы могли додуматься сдать врагу Киев?!

И тут дал выход своему душевному напряжению Жуков:

— Если вы считаете, что я, как начальник Генерального штаба, всего лишь кавалерист, это ваши вчерашние слова, товарищ Сталин... и способен только молоть чепуху, тогда мне здесь делать нечего!.. Я прошу освободить меня от обязанностей начальника Генерального штаба и послать на фронт.

Опять наступило тягостное молчание...

34

Машина, в которой ехал генерал армии Жуков, мчалась по Минскому шоссе, а сам он, сидя на заднем сиденье, мыслями был еще в Кремле, в кабинете Сталина. Итак, его, Жукова, сместили с поста начальника Генерального штаба и назначили командующим Резервным фронтом. Ему вспомнились грустные глаза маршала Шапошникова, которому Политбюро ЦК сегодня утром вверило Генеральный штаб. Борис Михайлович будто чувствовал себя виноватым перед Жуковым. Сталин, впрочем, тоже на прощание укротил свою суровость. Когда они все собрались в его кабинете, Сталин, подойдя к Жукову и Шапошникову, заговорил, словно оправдываясь, несколько печальным, душевно-раздумчивым голосом:

— Любая стратегическая ситуация — военная или политическая—должна рассматриваться нами конкретно и когда требуется — сквозь призму марксистской философии. При этом мы должны опираться на опыт революционных освободительных войн... Не очень понятно излагаю?..

Никто на вопрос Сталина не ответил, и он продолжил:

— Я говорю о том, что человеческая мысль развивается и обогащается на основе опыта, который, в свою очередь, опирается на философские глубины. Это не софистика, это диалектика... Так зот, наша с вами беда заключается в том, что некоторые наши военные деятели не умеют... Как точнее сказать? Не могут именно через призму теории обозревать явления, оценивать их и объяснять. А то как получается? Мне генштабисты говорят, что на таком-то фронте произойдет то-то и то-то. А объясняют свой вывод, мягко говоря, несколько убого, без уверенности в себе, в своем мышлении. И я начинаю сомневаться: не подводит ли их военная неопытность?.. Еще раз напоминаю, что не должно быть резкой грани между практикой и следующей из нее теорией. Это, если упростить, словно хорошо приготовленный чай. Мы пьем его как единое: не выделяем в нашем воображении свойств сахара, чая и воды... Вот так истинный полкоздец должен уметь смотреть на войну как на единое целое, угадывать ее каверзы и улозки и уметь объяснять их всем находящимся рядом. А если судят о созревающей ситуации только по нависанию противника над нашими флангами или по насыщенности вражеской группировки танками, то для меня, для Государственного Комитета Обороны такие аргументы неубедительны... Эти товарищи потом, наверное, говорят: «Я предупреждал Сталина, а он поступил по-своему...» А как предупреждал, какими доводами, с какой мерой доказательности?.. Если б наше правительство, Центральный Комитет партии могли полностью положиться на кого-нибудь из военных, думаю, что Сталину не пришлось бы брать на себя главное командование...

Крепкая память Жукова точно воспроизводила слова Сталина, и он всматривался в их смысл критически, с желанием в чем-то возражать, хотя понимал, что Сталин имел основания рассуждать именно так. Но все-таки Жукову хотелось спорить, ибо он был уверен в том, что полководцу на войне, кроме высокой военно-философской образованности, необходимы светлый и сильный разум, интуиция, инстинкт, сила воли и безбрежное мужество...

Размышления генерала армии прервались. Заскрипели тормоза его машины ЗИС-101. Она остановилась, подъехав вплотную к открытому «газику», в котором сидели автоматчики — его, Жукова, охрана. Оглядевшись, Георгий Константинович узнал Голицыно. Здесь, на контрольном посту, проверяли документы у проезжающих.

Через минуту небольшая кавалькада машин (сзади ехал в «эмке» адъютант генерала армии с его небольшим скарбом) уже проезжала Голицыно. Жуков вновь будто увидел перед собой побитое оспой, темноватое лицо Сталина, вопрошающий прищур его глаз. Уже передав разговор на то, что Жукову поручается ликвидировать Ельнинский выступ в линии фронта на Смоленском направлении, Сталин сказал неожиданное:

— Русский поэт-символист Константин Бальмонт,— кстати, он первый перевел на русский язык «Витязя в тигровой шкуре» — очень верно утверждал, пусть и не принял нашу революцию: «Как Гомер есть Эллада, Данте — Италия, Шекспир — Англия, Кальдерон и Сервантес — Испания, Руставели есть Грузия». А мы скажем, что Смоленщина — это Глинка, это Пржевальский, Нахимов, Докучаев... Это, черт возьми, слава России, символ патриотизма и непокорства захватчикам!.. Помните об этом, товарищ Жуков, и уверенности в боевых успехах вам не придется занимать.

Но жгли сердце Жукова обидой слова Сталина, сказанные ему после доклада генерал-лейтенанта Хрулева о новой структуре войскового тыла: «Вы рассуждаете не как начальник Генерального штаба, а как простой кавалерист...» Конечно, поучиться в академиях Жукову не довелось. После гражданской войны, в которой он участвовал красноармейцем, командиром взвода и эскадрона, ему удалось закончить только курсы усовершенствования комсостава кавалерии, а через пять лет — курсы усовершенствования высшего начальствующего состава. Потом командовал кавалерийской бригадой, был помощником инспектора кавалерии Красной Армии, затем возглавлял кавалерийскую дивизию, кавалерийские корпуса, был заместителем командующего Белорусским особым военным округом. А вскоре после того, как на посту командующего 1-й армейской группой советских войск в Монголии он разгромил совместно с частями Монгольской народно-революционной армии крупную группировку японских войск в районе реки Халхин-Гол, был назначен командующим войсками Киевского особого военного округа. И за последнее десятилетие много рапортов написал наркому обороны с просьбой дать ему возможность поучиться в Военной академии Генерального штаба. Но не судьба, хотя уже были положительные решения. То очередные маневры, то оперативно-стратегические игры высших штабов, то внезапные инспекторские проверки войск... И нигде не могли обойтись без него, Жукова, каждый раз уговаривали его повременить с академией. А ведь известно, что незаменимых людей нет. Оказывается, не ко всем эта истина применима. Хоть нарочно прояви где-нибудь неспособность, тогда, может, и засветила б ему звезда удачи попасть в академию. Чего греха таить, он сам не раз избавлялся от малоодаренных личностей, командируя их на учебу. Надеялся, что академии прибавят им способностей. Но не всегда надежды сбывались. Случалось, что после учебы «личность» повышали по службе и она, сама того не подозревая, причиняла вред делу. Да, нелепая это практика.

Впрочем, Георгий Константинович не очень сетовал на свою «внеакадемическую» судьбу. Учился самостоятельно, сколько было возможностей. Благо, имелась у него для этого капитальная «закваска»: еще в середине двадцатых годов перед тем, как уехать в Ленинград на кавалерийские курсы, он, занимаясь самоучебой, разобрал, глубоко осмыслил и описал все главные боевые операции первой мировой войны. А вкус к военно-теоретическим поискам зародился у него на курсах высшего комсостава, когда немало потрудился он над докладом об основных факторах, влияющих на теорию военного искусства. Доклад затем напечатали в бюллетене как учебное пособие для слушателей курсов.

А когда стал командиром 6-го кавалерийского корпуса, ощутил в себе необычайную силу видения оперативных ситуаций и склонность к управлению большими массами войск. Эта его полководческая умелость особенно проявилась, когда сам разрабатывал оперативно-тактические задачи на проведение дивизионных и корпусных командных игр, командно-штабных учений с войсками... Создавая на картах те или иные оперативные ситуации, поочередно ставил себя на место командующих противоборствующих сторон, мысленно проигрывал динамику боя за обе стороны и убеждался, что нет числа вариантам решений, но самых лучших вариантов не так уж много. И старался находить именно их... Находил, а потом, когда в итоге учений убеждался в их верности, был счастлив, хотя никто об этом не догадывался — Жуков не любил давать волю своим чувствам. Но сейчас давал волю мыслям, отыскивая в себе те черты и свойства, которые в это грозное время надо было развивать и утверждать.

Понимал роль вдохновения в деятельности полководца. Но знал, что оно, вдохновение, является только толчком к творчеству, но не главным его содержанием. Понимал и надолго задерживал на этом свою тревожную мысль. И опирался на буйную образность своего мышления. Когда смотрел на топографическую карту, то чувствовал себя так, будто обозревал из поднебесья живую местность земли, пытаясь угадать, что там — под зеленью лесов и кустарников, между домами населенных пунк-

А. Самсонов. Род. 1960. ПРИСЯГА. 1982.

Всероссийская выставка «Мир отстояли — мир сохраним».

А. Левитин. Род. 1922. ЭТОГО НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ. **Из цикла «Мир и война».** 1985.

Всероссийская выставка «Мир отстояли — мир сохраним».

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. М. ЧИЧКОВА

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПИСАТЕЛЯ

Не идут обычные юбилейные слова к облику Василия Михайловича Чичкова, который все время находится в движении, в деле, в новых замыслах и заботах. А дел у него много: и в альманахе «Современная драматургия», главным редактором которого он является, и с людьми, встречающимися на жизненном пути — актерами, авторами, режиссерами.

В 1958 году вышла первая книга Чичкова. Называлась она «Под созвездием Южного Креста», а вслед за ней последовала «Заря над Кубой», книга о кубинской революции. Потом появились «Мексиканские рассказы», «Шаги по чужой земле»...

Когда читаешь повесть Василия Чичкова «Трое спешат на войну», которую автор посвятил молодым москвичам — участникам Великой Отечественной, то отчетливо представляешь себе, что один из этих ребят — сам Чичков, сражавшийся за свободу своей Родины. Хорошо известна повесть Чичкова «Эти непослушные сыновья» о молодежи наших дней.

Следует напомнить, что Чичков по профессии международник и многие его книги и пьесы посвящены международным политическим проблемам. Писатель хорошо знает Латинскую Америку, знает людей сегодняшнего дня, живо интересуется историей. Повесть «Тайна священного колодца» — произведение, повествующее о древних индейцах майя. Чичков населяет его персонажами, в которых веришь, как в реальных, живых, непридуманных, хотя многое является и плодом фантазии автора.

«Мальчишки из Гаваны» — пьеса, рассказывающая о партизанской борьбе, которую возглавил Фидель Кастро, о деяниях подростков революционной Кубы. «Неоконченный диалог» раскрывает облик двух выдающихся борцов — Сальвадора Альенде и Эрнесто Че Гевары.

Мне особенно дорога пьеса «Этот странный русский», над которой я вместе со своими друзьями по Ермоловскому театру работал как режиссер и в которой сыграл одну из самых любимых моих ролей — роль Николая Егорова.

..Звучит песня любви к жизни. Но вот она обрывается выстрелами, на сцене мелькают люди в белых халатах, кого-то несут на носилках. Так начинается эта пьеса В. Чичкова, воскрешающая события военного фашистского переворота в одной из латиноамериканских стран. Эта тема рассматривается автором с новой точки зрения: в центре пьесы фигура русского хирурга Николая Владимировича Егорова, работающего под эгидой Красного Креста в Южной Америке. Автор исследует причины и механизм путча, сосредоточивает свое внимание на столкновении двух мировоззрений. Фашизм не стерт с лица земли. Вновь и вновь вступают в смертельную битву с ним честные люди планеты...

Что является наиболее яркой чертой творчества Василия Чичкова: точное знание предмета художественного исследования? Да, конечно. Уверенное владение жанром, будь то документальный рассказ или произведение, несущее в себе элементы детектива, как это продемонстрировано в новом романе «Схватка»? Да, но не только это. Герои Чичкова во всех обстоятельствах, находясь в экстремальных ситуациях, прокладывая трассу в Сибири или вступая в смертельную схватку с врагом на фронте,— во всех обстоятельствах не теряют оптимизма, непоколебимой веры в будущее. Образы жизнеутверждающие, герои, зовущие за собой, они особенно дороги Чичкову. Перу его удаются люди отзывчивые, способные подарить тепло человеку, попавшему в беду, нуждающемуся в помощи. Обладая острым глазом, он непримиримо борется с мещанством, как бы умело оно ни маскировалось.

Во многих жанрах работает писатель: рассказы, повести, пьесы, киносценарии. Все, что делает Василий Чичков, он делает честно и ответственно.

В. АНДРЕЕВ,
народный артист РСФСР

тов и под маскировочными сетями. Зорко выискивал те места, где бы расположил свой командный пункт и командные пункты нижестоящих войсковых начальников, решал за противника задачи по отражению задуманного им, Жуковым, маневра. Умел в своих размышлениях возвращаться назад, углубляться в оценках соотношения сил, проявляя скрытую страсть, холодный расчет и не отмахиваясь от интуиции.

Знал также, что один, без надежных, разумных помощников и соратников много не сделает в сложной, особенно в критической обстановке. Поэтому его требовательность нередко совмещалась с душевной жесткостью и беспощадностью. Это его состояние тут же передавалось окружающим, одних приводя в трепет, других вооружая силой. И спустя некоторое время войска становились словно наэлектризованными.

Жесткость генерала армии Жукова иных пугала, унижала, сковывала их способность принимать разумные решения. Таких он старался смещать с постов или обходиться без них. Других же, а таких было большинство, она с необыкновенной силой встряхивала, напоминая о грозности времени и своей личной причастности к происходящему, а также о том, что за спиной действующих армий есть страна и народ как деятельная мощь и созидательная сила.

Но не догадывался Георгий Константинович Жуков, что он как полководец вобрал в себя все лучшее из характера России всех времен, когда боролась она за свою свободу.

Мысли Георгия Константиновича ворочались неторопливо, поднимая из глубин памяти картины его жизни, лица людей, которые оставили в душе след, события, пробороздившие судьбу, как мощный плуг целинное поле. Машина мчала Жукова по шоссе, приближалась к перекрестку дорог. Вправо, в нескольких километрах от перекрестка, раскинулся над рекой Москвой древний Можайск со своими знаменитыми Никольским собором, церковью Иоакима и Анны и Лужецким монастырем. А налево убегала через Протву дорога на Верею — не менее древний городок, сохранивший из прошлых веков собор и остатки кремля.

Если б было время, с какой бы радостью свернул Георгий Константинович на Верею, а от нее рукой подать до Боровска; там же совсем близко к родным местам — большому селу Угодский Завод, деревням Стрелковка, в которой родился, Величково, куда бегал через бугристое поле в церковноприходскую школу... Невольно взглянул на мизинец левой руки, где сохранился косой рубец шрама — память о жатве в детские годы, когда взял в руки новый серп. Затем будто увидел центральную улицу Угодки и дорогу, берущую из нее начало. Справа от дороги — пруд с карасями, слева — стена деревьев, под которыми покоилось старое кладбище. Там похоронены отец — Константин, не имевший отчества, и младший братишка Алеша, умерший, не прожив и года.

Который раз в своей жизни обращался Георгий Константинович мыслью к своей загадочной родословной. В трехмесячном возрасте его будущего отца обнаружили запеленутым на крыльце сиротского дома. На пеленках — записка: «Сына моего зовите Константином». Кто она, эта женщина, решившаяся на столь крайний шаг?.. Через два года Костю усыновила бездетная вдова Анна Жукова, но не сумела вырастить: через шесть лет умерла, а восьмилетний Костя пошел в учение к сапожнику в село Угодский Завод.

Своенравная память генерала Жукова перенесла его в те далекие годы, когда у Михаила Пилихина, разбогатевшего брата матери, учился он в Москве скорняжному делу, а со временем еще и на вечерних общеобразовательных курсах, имевших программу общегородского училища...

Детство было страшным, тяжким, в постоянном голоде, нищете, с частыми побоями... И пусть заодно вставали яркие картины весенних сенокосов на стрелковских лугах, сборов дикой клубники в перелесках, летних или зимних рыбалок, маленькие редкие радости, когда взрослые одаривали пряником или конфетой, сердце все-таки захлебывалось в немом плаче о детской судьбе мальчика Гоши, его сестры Маши, их сельских сверстников.

Зашлось сердце болью и при воспоминании о матери — Устинье Артемьевне. Тридцатипятилетней вдовой вышла она замуж за пятидесятилетнего вдовца Константина Жукова... Мать выросла в невероятной бедности в соседней от Стрелковки деревне Черная Грязь. Сколько же потрудилась она на своем веку в извозе и на полевых работах!.. Все время витала над их семьей, как и над многими другими крестьянскими семьями, чернопастная нищета. Верно говорят: есть воспоминания — цветы, а есть воспоминания — раны...

Как они там сейчас — мать, сестра Маша, ее дети, когда Россию постигла тяжкая, невиданная беда?..

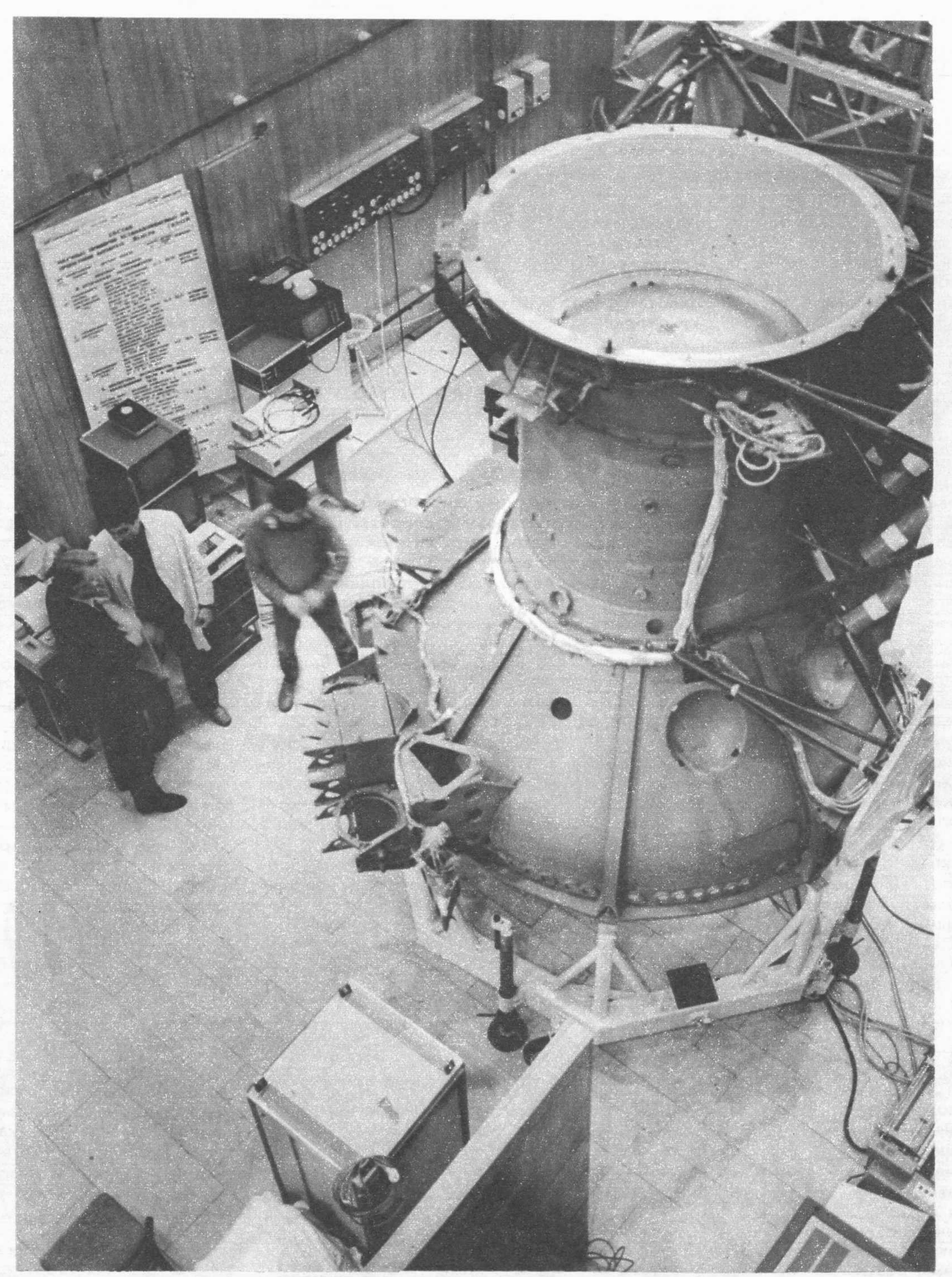
Эта тревожившая рассудок мысль будто напомнила Георгию Константиновичу, что именно ему поручено мобилизовать силы, чтоб отвести угрозу дальнейшего фашистского вторжения в глубь России. Сумеет ли он справиться с такой непростой задачей на посту командующего Резервным фронтом? Сумеет ли всмотреться в трагический, грозный лик войны с той проницательностью, которая вооружает, а не обессиливает?

Должен... За ним ведь вся история, все сложности становления Красной Армии, в которой он вознесся от рядового бойца до генерала армии, определив пути своей судьбы на всю жизнь...

Продолжение следует.

ОСТАНОВКА-ВЕНЕРА

на космических перекрестках

Земная «Вега» в Институте космических исследований АН СССР. **Фото Г. Копосова**

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Наш многоопытный век отучил удивляться. И работа людей в открытом космосе стала обычной, и спуск в глубины океана. И все-таки, когда в Институте космических исследований видишь на дисплее информацию, переданную советскими автоматическими станциями «Вега-1» и «Вега-2», мчащимися сейчас к таинственной комете Галлея, удивляешься. И не столько фантастичности самого проекта, сколько точности работы уникальной аппаратуры, электронной техники, ее чуткости, надежности. Невольно думаешь: вот так бы и на Земле, в промышленности...

Словно угадав мои мысли, заместитель научного руководителя проекта «Вега — Венера — Галлея» Вячеслав Михайлович Балебанов говорит:

— Да, точно работает аппаратура на «Вегах». Но не сразу она такой стала. Например, приемник телевизионной камеры для съемки кометы имеет четверть миллиона ячеек. У нас не было метода контроля за состоянием каждой ячейки. Пришлось его создать. Мы смогли не только проверить каждый такой элемент (его размер — около двух сотых миллиметра), но и «прокалибровать» его. А сейчас такой метод контроля и калибровки внедрен нами в промышленность. Это лишь один из примеров того, как техника космическая влияет на развитие земной.

Запущенные в декабре прошлого года советские межпланетные станции, высадив автоматических посланцев вблизи Венеры, продолжают свой путь.

— Пока крышки на телевизионных камерах закрыты,— продолжает ученый.— Их отстрелим, когда до кометы Галлея останется 14 миллионов километров, двадцать дней полета.

— И вы уверены, что на «Вегах» все в порядке? — спрашиваю я.— Ведь чувствительной электронной аппаратуре приходится работать в жутких условиях. 452 градуса жары на Венере! 86 земных атмосфер давление! И в космическом пространстве по дороге к комете тоже нелегко. При скорости движения станций каждая встреченная пылинка бьет по ним, как снаряд...

— Да, трудновато,— соглашается Вячеслав Михайлович.— Поэтому мы поставили многослойную защиту приборов. А за тем, как работают они в космосе, следим постоянно. Например, внутри телевизионной камеры есть лампочка. Включаем ее с Земли и проверяем работу системы от этого источника света. Наблюдения ведет тот же коллектив ученых и конструкторов, что делал приборы.

...На дисплее появляются очередные данные с борта станций. Минуты идет информация из космоса до Евпатории, где расположен Центр дальней космической связи, секунды — от Евпатории до Москвы.

Как же проходил первый этап этого удивительного эксперимента — исследование Венеры?

Одна за другой к планете подлетели станции «Вега-1» и «Вега-2». От них отделились спускаемые аппараты. Они разделились на аэростатные зонды и посадочные аппараты. «Никогда еще аппаратура не работала в таких условиях столь четко»,— констатировал положение научный руководитель проекта академик Р. З. Сагдеев.

Каждый аэростатный зонд на парашюте стал снижаться над Венерой, его оболочка наполнилась гелием, и зонд начал дрейфовать в атмосфере далекой планеты, собирая о ней нужные ученым сведения. А посадочные аппараты мягко «привенерились» в разных районах планеты.

Не только атмосфера Венеры, но и ее грунт интересовали ученых. Автоматическая буровая взяла грунт, а специальное устройство произвело анализ пород и передало сведения на Землю.

Столь обширного эксперимента в практике изучения планет еще не было. Полученные сведения прольют свет на происхождение и развитие планет Солнечной системы, их состав, формирование планетного климата, в том числе и земного.

Это новое выдающееся достижение советской космонавтики — достойный подарок ученых, конструкторов и рабочих к XXVII съезду КПСС.

— А хотите посмотреть на нашу «Вегу»? — спрашивает В. М. Балебанов.— Ведь, кроме автоматических межпланетных станций, что мчатся сейчас в космическом пространстве, здесь стоит имитатор космической аппаратуры, так сказать, «Вега» на Земле.

Идем на эту земную «Вегу». Размеры ее поражают. Лестницы ведут к отдельным блокам аппаратуры, установленным на платформе.

В. М. Балебанов рассказывает, что на имитаторе не только проводились дополнительные испытания приборов, но и отрабатываются сегодня все сеансы связи с межпланетными станциями.

— Особенно помогает космический двойник, если вдруг возникнет неожиданность на борту,— говорит ученый.— Здесь мы проводим испытания, наглядно видим, что и как, и выдаем команды на борт.

На фестиваль поедут лучшие

Весной 1984 года молодежь демократического Афганистана приступила к подготовке к Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Москве. В стране был образован национальный комитет, который направляет эту работу. В его составе лучшие молодые рабочие и дехкане, воины вооруженных сил ДРА и народной милиции, учащиеся и литераторы, представители общественных организаций.

— Предстоящий двенадцатый фестиваль молодежи и студентов,— сказал секретарь Демократической организации молодежи Афганистана (ДОМА) Сахи Марджан,—пройдет под девизом «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу». Он очень близок нашей молодежи, которая в нелегких условиях необъявленной войны отстаивает независимость и территориальную целостность страны. В ДРА в течение нескольких месяцев проходило соревнование за право участия в Московском фестивале под лозунгом, который выдвинул ЦК ДОМА,—«На Московский фестиваль—лучшие из лучших».

Недавно у нас прошел всеафганский фестиваль молодежной песни «Молодежь — посланник мира». Его лауреаты будут участвовать в культурной программе фестиваля. XII Московскому была посвящена и первая общенациональная Спартакиада. Более 1500 спортсменов, большинство из которых представляли провинции ДРА, отстаивали право на поездку в столицу СССР. Проведены конкурсы, определившие лучших молодых специалистов в различных профессиях.

Более 12 тысяч человек прислали ответы на викторину «Что вы знаете о Советском Союзе — стране XII Всемирного фестиваля». Пришлось провести несколько туров, в результате чего был определен победитель — будущий член делегации ДРА в Москве. Им оказался старший лейтенант пограничных войск Фаиз Мохаммад. После учебы в лицее он служил в национальной гвардии, затем его направили в округ Хост в пограничные войска. За время службы Фаиз принял участие почти в ста операциях против душманов, не раз был ранен. Когда его объявили победителем, Фаиз сказал, обращаясь к участникам финального этапа викторины: «Фестиваль — это возможность для молодежи многих стран мира высказать свое мнение по поводу важнейших проблем человечества, выразить свою солидарность в борьбе за мир на планете. В Москве от имени афганских воинов я скажу, что демократический Афганистан стремится к миру и спокойствию в регионе, что НДПА и государство неизменно выступают за урегулирование обстановки, сложившейся вокруг нашей страны, расскажу о тех преступлениях, которые творят на нашей земле контрреволюционные банды, вооружаемые и обучаемые на деньги Соединенных Штатов Америки и ряда других стран».

Членом афганской делегации на фестивале будет и Разия Зульмайджон. Она командует отрядом защитников революции в уезде Кушк провинции Герат. Двести человек сражаются с душманами под ее началом. Отца Разии и еще нескольких старейшин рода бандиты обманом заманили якобы на переговоры и жестоко расправились с ними. И тогда Разия поклялась отомстить за отца, за всех погибших от рук контрреволюции. На счету ее отряда немало успешных операций против бандитов.

— Кроме нее,— подчеркнул Сахи Марджан,— в составе делегации есть еще немало афганских девушек. Они примут участие в работе Центра прав женской молодежи.

До начала московского форума осталось немного времени. Уже завершился отбор кандидатов в состав делегации ДРА. Это действительно лучшие из лучших, представляющие все провинции страны, большинство национальностей.

Леонид ЯКИМОВИЧ,
соб. корр. АПН, специально для «Огонька»
Кабул.

Разия Зульмайджон. Более двухсот человек сражаются против душманов под ее началом.

На открытии первой общенациональной Спартакиады.

Фото агентства Бахтар

ГОСКОМТРУД СССР ОТВЕЧАЕТ ЧИТАТЕЛЯМ

«ГДЕ РАБОТАТЬ МНЕ...»

«Вырастили мы с женой двоих сыновей и дочь. Сейчас у меня пятеро внуков, и могу смело сказать, что имею некоторый опыт воспитания.

Так уж сложилось, что в 36 лет, демобилизовавшись из армии, я начал работать оператором в почтовом отделении. Зарплата 115 рублей, зарплата жены и того меньше. Словом, на пятерых не густо. Дети учились в школе, а в каникулы ездили трамваем в пригородный совхоз на уборку овощей и фруктов. Когда старшему исполнилось 15 лет, устроил его в отделение связи, обслуживал он два дома и получал по 20 рублей в месяц. Парень работал добросовестно, да и в учебе стал отличником. Со временем семье стало легче, так как я уже был заместителем начальника Саратовского главпочтамта, но младшие дети продолжали работать каждое лето почтальонами. Они гордились тем, что вносили свою лепту в общий котел семьи. Старший сын сейчас офицер, дочь окончила юридический институт, младший — шофер. У наших детей рано появилось чувство ответственности за порученное дело. Однажды я спросил ребят, уже взрослых, нет ли у них обиды за «детскую эксплуатацию». Ответили, что благодарны мне за уроки труда.

Позже на свой страх и риск и, конечно же, с согласия родителей я помогал 14 — 15-летним подросткам устраиваться к нам на почту. Результат бывал прекрасный, ребята взрослели на глазах. Да и нам благодаря школьникам удавалось отправлять в отпуска кадровых работников летом.

Жаль только, что руководителям производств приходится действовать, как я уже говорил, на свой страх и риск».

А. Беликов, ветеран войны и труда

Саратов.

«Вношу свое предложение: организовать в каждом городе централизованный отдел кадров по трудоустройству подростков на летние и зимние каникулы. Моему сыну 15 лет, с прошлого года он ищет «мужскую» работу, чтобы силу свою показать и смекалку. Но никуда его не принимают, мал еще, говорят. Подскажите, какую работу и где могут предложить 14 — 15-летним?»

В. Новикова

Новосибирск.

Вопрос об устройстве на работу учеников 8—9-х классов не так прост, как на первый взгляд кажется нашим читателям. Захотел, мол, поработать — иди, вот только руководители производства почему-то не принимают. Чаще всего это «почему-то» объясняется тем, что вызывает дополнительные хлопоты. Во-первых, на производстве необходимо строго соблюдать установленный законодательством сокращенный рабочий день для подростков, во-вторых, повышаются требования к правилам и нормам безопасности труда, санитарии и гигиены, в-третьих, мальчишку еще и поучить надо, хорошего мастера-наставника найти; не имея трудовых навыков, ему не угнаться за кадровым рабочим и тем более, если производство поточное... И, наконец, оплата. Не секрет, что предприятие доплачивает подростку за не отработанные им часы. Словом, получается так, как пишет С. Зубкова в № 14 «Огонька»: «14 — 15-летние физически крепкие парни не нужны производству из-за того, что кто-то не хочет за него отвечать, не знает, как оплатить его труд. Подросток — значит, лучше не связываться...»

Судя по письмам, есть еще руководители, которые рассуждают именно таким образом и поэтому, как говорится, за деревьями леса не видят. А если взглянуть на проблему шире, с позиции государственных интересов? Принимая подростка даже на временную работу, предприятие участвует в его трудовом и нравственном воспитании и обучении, профессиональной ориентации, помогает сознательно выбрать будущую профессию. И если, поварившись в рабочем котле, он найдет свое собственное «я», то, может быть, и вернется туда, где приобрел свои первые трудовые навыки. Вот что пишет военнослужащий Е. С. Карпунов из Владивостока: «Подростком получил я рабочую закалку в коллективе кузнецких металлургов. Сейчас и впредь буду с благодарностью вспоминать тех людей, которые учили, наставляли и болели за меня всей душой. Не мыслю дальнейшей жизни без этого коллектива». Еще пример. Несколько лет назад ученики одной из школ Куйбышевского района Москвы начали проходить производственную подготовку на заводе «Хроматрон». Руководство завода сумело вовлечь подростков в свой трудовой коллектив, и вот результат: значительная часть выпускников этой школы остается работать на заводе. Самая большая отдача, нам пишут, не в количестве выполненных деталей, хотя помощь производству нельзя сбрасывать со счетов, а в том, что у ребят именно здесь, на заводе, воспитались высокие нравственные качества — чувство общественного долга, сознательность, коллективизм, ответственность, бережное отношение к государственной собственности.

Рассказали читатели о таком случае. К директору одного из предприятий пришли старшеклассники и начали выкладывать свои замечания: вот, мол, месяц мы у вас проходим практику, и в течение всего времени рабочие опаздывают, инструмент разбрасывают, грубят, столовая работает плохо, из всех кранов течет вода, да знаете ли вы, сколько стоит литр воды, и так далее. Дети говорили, не стесняясь. Призадумался директор, посмотрел на собственное предприятие глазами молодого человека, которому сам же рассказывал о рабочей чести, бережливости, аккуратности. Авторы писем приходят к выводу, что в свою очередь присутствие старшеклассников на производстве дисциплинирует и взрослых.

Разговор о трудоустройстве подростков на время каникул поддержали многие читатели. Все письма, опубликованные ранее, в № 14 и № 22 «Огонька», и те, которые вновь поступили к нам, редакция направила в Государственный комитет СССР по труду и социальным вопросам. Сегодня читателям «Огонька» отвечает начальник Управления трудовых ресурсов Госкомтруда СССР Юрий Алексеевич КЛЕЙМЕНОВ.

— Недавно, в июле этого года Госкомтруд СССР и ВЦСПС приняли «Типовое положение о порядке привлечения на временную работу к посильному труду в народном хозяйстве учащихся общеобразовательной и профессиональной школы в период каникул».

Кто же из старшеклассников допускается к временной работе? Прежде всего подростки, не имеющие противопоказаний по состоянию здоровья, если родители и педагогический совет школы, где они учатся, не возражают против их трудоустройства на время каникул. Само собой разумеется, что школьники и учащиеся ПТУ обязательно должны пройти производственную практику, предусмотренную учебным планом.

Многие читатели просят назвать отрасли промышленности и специальности, по которым могут работать старшеклассники. Таких специальностей более ста. Силу свое и умение, которые, как пишут авторы многих писем, их «выросшим детям некуда девать», подростки могут испытать на строительно-монтажных и ремонтных работах, в деревообрабатывающей промышленности. Электротехническому производству, производству текстиля, кожгалантерейному, кондитерскому, полиграфическому, общественному питанию, зеленому хозяйству города, животноводству на летнее время тоже нужны молодые рабочие руки. И, конечно же, школьники могут подменить курьеров, почтальонов, доставщиков телеграмм, ушедших в отпуск.

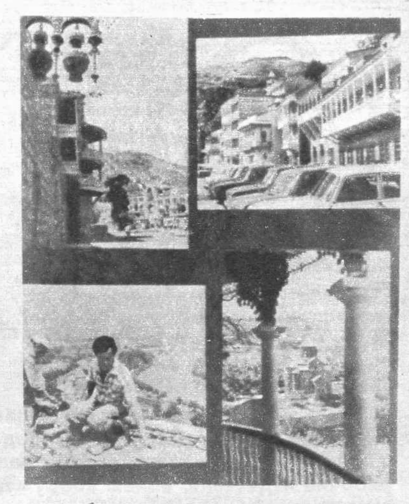
На тяжелых работах, на вредном и опасном производстве, на подземных работах старшеклассникам категорически запрещается работать.

Как же практически устроиться подростку на работу, куда обратиться? Прежде всего в органы по труду при исполкомах областных, городских, районных, поселковых Советов народных депутатов. Именно здесь они смогут получить информацию о наличии свободных мест и вакансий, об условиях труда и зарплаты. Здесь же их познакомят с характером будущей работы. В конце учебного года все необходимые сведения будут переданы в школы и ПТУ. Бюро по трудоустройству предусматривает, чтобы предприятие, где летом будут работать подростки, находилось недалеко от местожительства и школы.

В свою очередь, повышается ответственность руководителей предприятий и ведомств, которые должны направить учащихся 8—9-х классов и ПТУ на передовые участки цехов, бригад, ферм, позаботиться о том, чтобы опытный наставник помог им обрести не только профессиональные навыки, но и воспитать у них высокие нравственные качества. Для принятых на временную работу во время каникул устанавливаются пониженные нормы выработки, а также укороченный рабочий день в зависимости от возраста: от четырех до шести часов.

От редакции. Возможно, что, узнав о новом Положении, некоторые родители возмутятся: «В школе насыщенная программа, отдохнуть бы летом, а мы заставляем ребят работать». Повторяем, что трудоустройство на время каникул — дело добровольное и без письменного согласия родителей ни один подросток не будет принят на работу. Еще и еще раз подчеркиваем: речь идет о том, чтобы помочь подростку в профессиональной ориентации. Пусть старшеклассник испытает себя: чем больше выбор профессий, тем меньше возможности ошибиться. Как говорится, «все работы хороши, выбирай на вкус».

внимание — подросток!

В Тбилиси событие: реставрируют старую, видавшую виды Нарикалу, цитадель четвертого века со следами 60 нашествий, перестраиваемую в разные века и окончательно оставленную в XVII веке 89 грузинским царем Ростомом, человеком, как свидетельствует летописец, «хитрым и хорошо знающим мир».

Чтобы попасть сегодня на взятую в работу часть стены, надо карабкаться вверх по узким, каменистым, осыпающимся тропам, хвататься за сухие колючие кусты

Ия МЕСХИ

С

(за сердце тоже!). В награду город откроется с неожиданной стороны, город, который еще не успел заасфальтироваться «до бровей» и имеет ущелья, холмы, склоны, травы на этих склонах, смотрится снизу, смотрится сверху как некое зрелище, как Колизей...

— Вот Тифлис!..

Эта новость была такого рода, как если бы нам сказали: вот Сатурн. Или: вот Меркурий...

Не с этой ли стены в середине прошлого века увидел «планету Тифлис» достопочтенный французский беллетрист Александр Дюма-отец, на каждом шагу, по его признанию, испускавший крики восторга?

«На краю дороги,— описывает он в своей книге «La Caukase»,— в глубине пропасти бушевала Кура. Сам же город, расположенный ярусами по склонам гор, спускался до дна пропасти с домами, похожими на стаю распуганных птиц».

Именно так: ярусами по обе стороны Куры и похожий своими хаотично поставленными домиками на встревоженную птичью стаю. Однако сегодня эти «птицы» будто умылись в реке, стряхнули пыль веков, почистили перья, навели на клювы глянец и — ох как запестрело! Реставрируется не только древняя Нарикала, реставрируются старые кварталы города. Тбилиси хочет что-то утраченное вернуть. И тут же, на других свободных склонах котловины, строит сегодняшние, многоэтажные домины, при виде которых не станешь испускать криков радости. Хотя

эти дома тоже смахивают на морских пернатых, грудастых альбатросов, что могут стоять часами на берегу как вкопанные. Вряд ли эти белые стаи покажутся нашим потомкам милыми и забавными с высоты следующих веков.

Но с Нарикалы виден XIX век. Каким он был, Тбилиси прошлого столетия? Конечно, в какой-то, и немалой, степени азиатским, с узкими, кривыми улочками, плоскими крышами, шумными и яркими базарами. Но и европейским, со своей собственной архитектурой, широкими балконами, замысловатыми лестницами. Над Курой стояли большие, длинные караван-сараи (гостиницы для людей и верблюдов), битком набитые заморскими товарами. Тбилиси торговал с Марселем, Триестом, Лейпцигом. Купцам предоставлялась огромная привилегия.

В то же время за год до приезда в Тбилиси Пушкина, в 1828 году, начала выходить газета «Тифлисские ведомости». Гимназия дала известных грузинских поэтов, современников Пушкина,— Николоза Бараташвили, Григола Орбелиани, Александра Чавчавадзе. В тридцатых годах здесь поставили на любительской сцене "Горе от ума" Грибоедова, породнившегося с Грузией. Вскоре появился

...тены и люди

первый русский профессиональный театр и тут же грузинский театр Георгия Эристави. А в 1851 году опера, театр, в котором начинал свою феерическую карьеру Федор Шаляпин. В тифлисской опере бывал и слушал свои произведения горячо влюбленный в этот город Петр Ильич Чайковский. Молодой Лев Толстой приехал сюда с тем, чтобы поступить на военную службу, а побыв здесь несколько месяцев, изменил своему намерению, так как увлекся литературными занятиями. Свой первый рассказ «Макар Чудра» написал и увидел в газете «Кавказ» Алексей Пешков, подписавшийся Максимом Горьким раз и навсегда. Наезжал в город с научными лекциями ученик Сеченова известный физиолог Иван Тарханов (Тархнишвили). Из российской дали Илья Репин хлопотал о создании в Тбилиси художественной школы. Появились первые профессиональные композиторы Дмитрий Аракишвили, Мелитон Баланчивадзе, Захарий Палиашвили. Вернувшись из учебных заведений России, выросли в крупнейших деятелей национальной литературы Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели...

А тут, под Нарикалой, обитал простой люд. Сидели в своих широко распахнутых лавках и мастерских городские ремесленники, сапожники и шапочники, оружейники и кузнецы, портные и седельщики, меховщики и цирюльники, лудильщики, серебряных дел мастера, кастрюльщики... И вот теперь, можно ли теперь все это вернуть в наш век, если потомки этих людей делают уже электровозы и цветные телевизоры, самолеты и ЭВМ, а ЮНЕСКО избирает город на Куре в качестве международного центра по моделированию и автоматизации систем управления? Ответ может быть одним: время не вернешь, но память о прошлом, как оказалось, просто необходима душе человеческой.

Когда Отара Мегвинетухуцеси, народного артиста СССР, спросили под Новый год, какой бы он хотел видеть столицу Грузии еще через год, он ответил:

— Не знаю, что можно успеть за год, но хочу, чтоб появилось много таких улиц, как улица Бараташвили. Когда я впервые увидел ее такой красивой, обновленной (а это было поздно ночью), то от восхищения чуть не начал кричать во весь голос...

Совсем как Дюма!..

Да, все началось с улицы Бараташвили. Под ней сооружался большой подземный переход. Строители наткнулись на нижнюю древнюю городскую стену и вызвали автора проекта перехода архитектора Шалву Кавлашвили (сейчас он главный архитектор города). Находка была неожиданной. Дело в том, что Кавлашвили убрал своим волевым решением одно старинное здание в городе, и город роптал на него. Но тут старина поглотила его, заворожила, увлекла, как обычно это бывает с талантливыми людьми. Открыли великолепную стену, убрали уродливые лачуги на улице, и за ними выявились сильно постаревшие, но прекрасные, с широкими резными балконами, типичные тбилисские дома. Возникла идея отреставрировать всю улицу от начала до конца, и здесь очень помог Центральный Комитет партии республики, поддержал словом, нашел необходимым изыскать для этих дел средства. И к концу 1979-го улица, на которую раньше и глядеть не хотелось, предстала перед тбилисцами нарядная, многобалконная, с навечно прописанным в ней музейным экспонатом — трамваем на конной тяге. Это было как открытие, как праздник. И в самом деле, ежегодный праздник города Тбилисоба впервые состоялся именно здесь.

В конце этой улицы, на углу набережной, где образовалась в результате ломки старой рухляди пустота, встал дом испанской архитектуры, предназначенный для мира детских рисунков. Симпатичный «испанец» отлично вписался в шеренгу домов-аборигенов. А то, что он «чужой», это не ново для Тбилиси ни для каких времен.

— Знаете, почему многие так любят Тбилиси? — высказался в том же новогоднем интервью Отар Мегвинетухуцеси.— Здесь издавна бок о бок жили люди разных национальностей, жили рядом, спаянные чувством дружбы. Рядом стояли Сиони, мечеть, григорианская церковь, синагога. Многонациональность не мешала (тем более не мешает сейчас!) быть Тбилиси грузинским городом.

И вот вслед за широкой, парадной улицей Бараташвили стали прихорашивать кусок прилегающей к ней набережной и многие маленькие улицы по ту и другую сторону Куры, все эти Ватные, Серебряные, Винные, Красильные... На Красильной еще один дерзкий выпад: в пустую площадку встроили не грузинский, не русский и не испанский, а просто современный новый дом, вписавшийся в старую улицу. Может, потому и вписавшийся, что создан с учетом среды, по хорошему, «свежему» проекту.

Очистили и реставрировали громадное складское помещение бывшего караван-сарая, чем-то очень напоминающее московский пассаж на Петровке. Разместили в верхних ярусах Музей истории города. И, как в давние времена, бьет внизу, в караван-сарае, фонтан, а по сегодняшней моде можно выпить у фонтана черный кофе. На большой площади, служившей до сих пор местом свалки у реки, расположились сельские этнографические дома — мингрельский, кахетинский, сванский, карталинский, имеретинский, хевсурский и так далее — базы для тех, кто съезжается из районов республики на праздник столичного города. Всего лишь пять лет прошло с возрождения улицы Бараташвили, и трудно узнать сегодня эти места. А дело только начато, самая первичная косметика. За фасадами еще уйма работы.

С высокой Нарикалы видно: вот эти крыши-крылышки уже подчистили, подкрасили, а тут еще постарому все. Да, подчистили, подреставрировали фасады, в жилых же домах люди обитают в старых квартирах, скученно, без всяких удобств. Вот где проблема! И чтобы решить ее (точнее, потребовать найти решение), за дело взялся не город с его проектными организациями, а Главное научно-производственное управление при Совмине республики по охране и использованию памятников истории, культуры, природы — его подразделение, занятое адаптацией.

Адаптация. Как ее понять в данном случае? Прилаживание, приноровление, приспособление к окружающей архитектурной среде? Хочется восстановить прежний облик старых районов, а жить тем не менее хочется со всем тем бытом, который предоставлен тбилисцу в многоэтажных домах-альбатросах.

В качестве эксперимента взяли самый популярный в районе старого города уголок серных бань. Кто только не бывал здесь и не писал о них — от арабского географа Ибн Хаукаля (X век) до русского писателя Алексея Толстого (XX век). Первый сообщал, что вода в них «горяча без помощи огня», второй же начертал в книге посетителей, что, «сидя в мраморном бассейне, человек чувствует себя не то Помпеем, не то Лукуллом». Сами же тбилисцы в лице представителей городского фольклора, неутомимых и веселых кинто, так распевали о них:

Кто в Тбилиси не был,
Серных бань не знал,
Тот, скажу, друзья, вам,
Много потерял...

60 бань было в Тбилиси. Сейчас — 5. Ну как не сохранить эту удивительную архитектуру с множеством куполов на плоских крышах, этот сопровождаемый попутными удовольствиями ритуал омовения в целебной, мягкой, бодрящей воде! Реставраторы-адаптаторы довольно быстро сделали банный район, удачно открыли его для обозрения, расширив улицу, спрятав под нее в трубу беспокойную речку Дабаханку. У знаменитой «Голубой бани», в которой, по преданию, бывал Пушкин, впервые отделали фасад глазурованной керамикой, тогда как ранее он был просто выкрашен. А тут пригласили специально мастеров из Самарканда. На самой улице, в ветхих ее домах теснились 44 семьи. После полной реставрации с внутренней переделкой зданий в этом году сдали городу 15 двух- и трехкомнатных квартир со всеми современными удобствами.

Как это расценить? Как подарок городу или как новые посягательства на его скудные жилищные ресурсы? Ведь переселенным семьям пришлось предоставить жилье? Адаптаторы ничего не прибавили, а, наоборот, убавили из копилки. Но разве не благородно ликвидировать клоповники? Дело это абсолютно необходимое. Городу надо строить и строить квадратные метры. Другого выхода нет.

Но проблемы на этом не исчерпываются. Руководитель отдела адаптации управления, молодой архитектор Анатолий Соломнишвили, под началом которого воспрял банный уголок, искренне взволнован:

— Воспрял. Но обезлюдел. Почему? Может быть, потому, что только закончили все, квартиры еще не заселились, а люди как бы оторопели, удивились. А может быть, потому, что мы не можем искусственно вернуть функции этого места, вернуть таким, каким оно было когда-то, когда жизнь кипела здесь ключом, шли в бани семьями, как на праздник, нанимали терщиков, распивали чаи и прочие напитки... Ну хорошо, оставим бани, посмотрим все эти бывшие торговые ряды, что вели к баням. Отреставрировав их, мы постарались что-то в них внедрить: сувенирные лавки, ковроткацкую, кафе, магазин восточных сладостей, магазин антиквариата... Но не можем же мы посадить в эти, как их раньше называли, «растворы» (потому что действительно были растворены, открыты!), шумных ремесленников с их теперь уже никому не нужным товаром. А без них, вы понимаете, нет атмосферы!..

Задумчивым был и начальник Главного управления по охране и использованию памятников, профессор архитектуры, Герой Советского Союза Ираклий Цицишвили. Только что вернулся он из Берлина, где выступал перед своими коллегами. Был в Ростоке, смотрел такие же работы по адаптации. Многие города мира (а Ираклий Николаевич объехал их дай бог!) охватила «реставрацион-

ная лихорадка», влекущая за собой проблемы адаптации. Много споров: какие функции должна нести реставрированная улица — музейные или жизненные? С толпой она должна быть, как прежде, или без толпы? Нужно ли вообще тащить в сегодняшний день живописные традиции для того только, чтоб показаться туристам, а на самом деле эти традиции отжили и... привет им?

Вопросы и вопросы. Здесь, на Нарикале, которая столько на своем веку перевидала, они как-то теряют свою остроту. Здесь идет чистая, строгая реставрация, и важно лишь соблюсти везде и во всем историческую правду: нарастить стены, починить башни (четыре отдельно стоящих и множество встроенных, очистить Нарикалу от десятков тысяч кубометров засыпавшей ее земли. Засыпавшей вследствие того, что триста лет назад оставил крепость хитрый и знающий жизнь царь Ростом. Ушел, оставив стены, и — проблем нет. Проблемы там, где стены и люди, их непрерывно, а то и скачкообразно растущие материальные и духовные потребности. И город тоже не монолит. Каждый квартал старого города имеет свое лицо. Это всегда было, тем более в старых городах (взяла ведь москвичей тоска по старому Арбату!). Вторжения в их сферу неизбежно ведут и к приобретениям, и к потерям. Разве не стоит тут задуматься не только и не столько архитекторам, сколько социологам и психологам? Стены и люди. Они многотерпеливы.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Печатая статью собственного корреспондента нашего журнала в Закавказье Ии Месхи о реставрационных работах в Тбилиси, редакция ставит своей целью привлечь внимание общественности и специалистов к опыту охраны и использования памятников истории и культуры в Грузии. Что, на наш взгляд, особенно ценно в этом опыте? Первое и главное — существование в республике государственной, а не общественной организации, занимающейся охраной и использованием памятников истории, культуры, природы. Такие подразделения созданы далеко не везде, а эффективность их работы очевидна. Дело охраны и использования памятников культуры должно быть, на наш взгляд, повсеместно поставлено на государственные рельсы — это требование времени, требование жизни.

И второе — внимание, уделяемое в Тбилиси проблеме, удачно названной адаптацией. То есть проблеме рационального использования отреставрированных, возрожденных зданий, мемориальных построек, архитектурных комплексов. Это чрезвычайно серьезный вопрос, ибо не секрет, что очень часто памятники, на реставрацию которых затрачены немалые деньги, не обретают должного, заботливого хозяина, используются неразумно, бездумно. Поиски и эксперименты, которые ведутся в Тбилиси в этом направлении, несомненно, существенны.

Редакция ждет от читателей рассказа о том, как проходит работа по реставрации, охране и использованию памятников истории и культуры в их городах, деревнях, областях и республиках. Мы надеемся продолжить разговор о поднятых проблемах в последующих публикациях.

«Ампир»

Вернувшись с творческого семинара театра и драматургии Сибири, Урала и Дальнего Востока, я решил написать статью.

Выбор авторской позиции в пьесах, перспективы российской драматургии, ее творческий, идейный, гражданственный уровень — все это не раз становилось темой обсуждений на Омском семинаре. Своей статьей, как мне кажется, я выражу мнение основной группы его участников. Толчком к этому послужил спектакль омского театра «Последняя женщина сеньора Хуана».

...Итак, изрядно траченный молью, плешивый и брюзгливый Хуан взгромоздился на подмостки и зашаркал сапогами вдоль суперзанавеса с намалеванной группой худосочных, но сладострастных сеньоров и сеньорит времен Сервантеса. И я, рядовой зритель, взирая на них из третьего ряда, стал ожидать от народного артиста РСФСР Н. Чонишвили, играющего Хуана, чуда и откровений, ибо давно знаю и люблю этого неистового лицедея.

Я ждал чуда и от постановщика спектакля Г. Тростянецкого, поскольку, согласитесь, не может быть спектакля без напряженной режиссурской первоосновы, какие бы крупные актеры ни были в спектакле задействованы.

Что же происходит на наших глазах?

Надо сказать, что чудеса определенного толка действительно имели место. Отважно нырнув в глубь прошлого, в его свирепую донность — ад, куда, согласно воле Пушкина, увлекла статуя Командора соблазнителя Хуана, автор и режиссер извлекли охальника оттуда, малость очистили от серы, смолы и втолкнули в некую испанскую харчевню для дальнейших похождений.

И вот этот повеса, растерявший лоск и мужскую потенцию, уже в сапогах лежит на кровати и из последних сил отбрыкивается от домогательств дурнушки-служанки-Кончиты, ибо настырность ее питает поверье: кого коснется дон Хуан — быть той распрекрасносчастливой. Служанка добивается-таки своего: проникает под заветное одеяло, поджидая чудотворца. Пока кряхтящий Хуан сдирал с себя сапоги, готовясь безропотно стать жертвой Кончиты, в харчевню ворвалась бывшая супруга Хуана—Эльвира и стала гонять по комнате молодую нахалку, занявшую ее когда-то законное место. А тут еще вломились инфантильный поэт Михо, вояка Карлос и серый Исполнитель, поочередно домогаясь от Хуана раскаяния за прошлые грехи.

Ситуация разворачивалась, надо сказать, пикантная, в сопровождении похотливых и мстительных воплей и реплик вроде такой: «Когда все люди друг с другом переспят — это и будет братство».

Есть в спектакле персонаж символический, фигура картонно-жутковатая, осовремененная — серый Исполнитель (актер В. Алексеев).

Кем он был послан к Хуану — автор не уточняет. Мы, зрители, получили лишь информацию к размышлению. Судя по олимпийского вида бляхе на шее Исполнителя, дающей ему право на все, его послали особы весьма могущественные, некий триумвират, о чем свидетельствовал многозначительный тычок пальцем в самые верха.

Кто же он, Исполнитель?

Для начала — «из простых» (по автору). И раз, и два распускается перед нами этот куцеватый генеалогический хвост — я из простых, не спутайте. Ну, хорошо, ладно, уяснил я себе, что не дворянин, не мыслитель перед нами, а феномен мимикрии с гуттаперчевым хребтом, безразмерной совестью и нулевой моралью. Однако, не довольствуясь этим, еще и еще акцентируют автор с режиссером — из низов Исполнитель! Скользит по сцене серой тенью это почти бесплотное существо, шантажирует, гипнотизирует, подстрекает сеньоров и челядь к убийству Хуана — эдакий двуногий катализатор в сексуально-кровавом вареве. И вот уже поэт Михо строчит план-версию, как сбросить Хуана в колодец; вояка Карлос жестоко топорщит усы и готовит шпагу, а бывшая супруга Эльвира обнажает на Хуана кинжальчик-распятие.

Ай да Исполнитель!

Но бог с ней, с буйно разгулявшейся плотью, и прочим фейерверком испанского темперамента — гораздо важнее поискать, для чего писатель Л. Жуховицкий с постановщиком Г. Тростянецким затеяли эту клубничку с сексуальным треугольником, погонями, шпагами.

И вот я начинаю задумываться. К чему мне, россиянину, сидящему в центре российского материка, вон тот вертлявый субъект на сцене в испанском камзольчике? Что я должен воспринять от него, чем поразиться и переболеть? На что он намекает мне, вихляясь, иезуитствуя и подмигивая? Но оказывается щенком таинственный Исполнитель, бешеным тараканом рядом с теми монстрами, которым открыто вынесла приговор российская литература. И не страшно мне, а скучно, ибо обожжен и обуглен я ими пофамильно, и к чему мне испанизированный кукиш в кармане?

Ожоги наши врачевало время и суть российского бытия. Их врачевали Менделеев и Ломоносов своим предвидением, что богатство России будет прирастать Сибирью, их лечили Кулибин и Циолковский — своими проектами, Толстой и Достоевский—воплощением Совести, Чайковский и Шостакович — симфониями, генерал Карбышев — мужеством, конструктор Королев — любовью к небу и земле.

И вот теперь мы, сидя перед сценой, ждали: а чем же поврачуют нас автор с режиссером от этой нравственной чумы — Исполнителя? Собственно, не тянет он на чуму, а так, некое хилое ОРЗ, чирей на деликатном месте. Ждем час, другой с нарастающей ностальгией по катарсису (самоочищению), по людям крупным, поступкам совестливым, репликам не сальным — по всему тому, чем сильна классическая русская и мировая литература, надеемся хоть на сквознячок человечности в затхлой харчевенной кутерьме... Кто же, кто организует его?

Между тем действие идет своим чередом. Бывшая жена Хуана — Эльвира, роскошная самка. Народная артистка РСФСР Т. Ожигова играет ее с недюжинным дарованием. Гнев, ревность, убийственно-насмешливая похоть. Вулканический темперамент, извержение эмоций высвечивают в конце концов... малоформатную мегеру. Из-под роскошной леопардовой шкуры вдруг выглядывает на нас крысиная голова. И не спасает роль даже многозначительно-ритуальное обмывание лица Кончиты — чтобы с чистой мордашкой отправить служанку на ложе к собственному мужу.

Карлос — народный артист СССР А. Щеголев. Это он гонялся за Хуаном двадцать лет, готовил себя к возмездию за убитого брата. Догнал. Встал в позицию напротив убийцы, сделал выпад и... смотрит на выбитую из рук шпагу. Все просто: Хуан и сейчас не по зубам вояке.

Вдобавок, оказывается, не крупная страсть, не чувство высокого возмездия годами повелевали Карлосом, а эдакий арифметический расчет: проткнешь самого Хуана — осыплют благами власть имущие, вознесет наверх вал славы. Под орлиным оперением, которое так внушительно топорщит актер, синюшно просвечивает инкубаторская суть петуха.

Последняя наша надежда — Кончита. Эта девочка заявлена херувимом, восхитительным в своей бесстыдной наивности.

Мелькают шпаги, булькает вино, а херувим-дурнушка одержима одним — как бы попасть в постель с Хуаном. Наконец, попала. За ними задернулся полог. А нас поволокли дальше — через страсти-мордасти, через нож у женского горла, через ухабы несуразностей, смысловые провалы — к финалу.

Мучительно пытаешься продраться в суть, сверхзадачу пьесы: для чего?! К чему весь этот сексуально-шпажный бурлеск? Ведь не может такого быть, чтобы тебя ослепили, завлекли мощью актерского темперамента и... надули, ибо, надеясь выудить из те-

первого сорта

атрального потока социально-нравственный смысл, слишком часто вытаскиваешь склизкий башмак двусмыслия.

...Если остановить это клюквенное лицедейство, выделить из него образы и выстроить их в ряд, то позади, как в бесконечных зеркалах, отразились бы их единоутробные близнецы в современном исполнении на нашей российской сцене. Тут парочка, там кучка, хихикают, закатывают истерики, трутся, охваченные физиологическим зудом и фарцовочными рефлексами. Вон двое притулились на скамейке — он и она. Попеременно лгут друг другу—смачно, страстно, душу выворачивают наизнанку до самого донышка, а там, кроме унылой, слякотной похоти (переспать бы...),— и ничего.

Вон еще два молодца с фирменными тряпками на трибуне, вокруг девочки спуют из розового детства, со школьной скамьи — к тряпкам прицениваются. А у молодцев один на двоих гамлетовский вопрос: быть или не быть... приварку, содрать или не содрать его с однокашниц.

Поодаль целая компания юнцов помоложе. Эти учительницу Елену Петровну на дому обложили, ибо у той — классные работы с ошибкой. Сверхзадача юнцов — работы заполучить, подправить и обратно ей сдать. А та, сами понимаете, в трансе — не положено. Наши акселераты и так, и эдак, и мытьем, и катаньем, а та — ни в какую! И ведь додумались дитяти, вычислили результат, надежа наша и опора: приготовились одну из своих на полу разложить и на глазах... чтобы посговорчивее дорогая Елена Петровна стала. Мельтешат, извиваются в похоти некая Зинуля вкупе с тремя девушками в голубом; буром лезет в интеллигенцию король парикмахеров — эдакий доморощенный Воланд, скупая оптом и в розницу дачи и души.

Что же это за феномен такой с патологическим душком наползает на наш советский театр? В чем его первопричина? Где прячется— не отыскать! — позиция автора, его социальная, гражданственная оценка тех рефлексирующих фантомов, что он сам наплодил?

Следуя терминологии столбовых и заборных объявлений — «возможны варианты» при ответе на вопросы (да простит меня за двойной плагиат В. Азерников).

Вариант первый. Драматург садится за стол с единственным намерением: любой ценой взбудоражить зрителя, поскольку он что-то стал толстокожим, нечувствительным, и вздохи с аплодисментами из него вытряхнуть — ой-ей-ей как сложно, не говоря уже о благодарной, почти мифической в наше время слезе. А коли так — все средства и приемы хороши.

Вариант второй: мне так нравится — с душком! У меня такой вкус, а о вкусах спорить не на-а-адо! Пьесы всякие важны, пьесы мелкие нужны, даже с ароматом тухлых яиц...

Ну и на здоровье, если бы этот «сложный аромат» потреблялся автором в одиночку. Но ведь он, душка общительный, в зрительный зал этот аромат внедряет, нас с вами к нему приобщает!

А коли так — извините, мастер, вот здесь я восстану, поскольку у меня иной, вполне нормальный вкус и столь же среднестатистическое обоняние, исторически, регионально привыкшее к свежим ветрам идей на сцене, к великанам духа и высоким страстям — по Толстому, Шекспиру, Мольеру, Островскому, Горькому. И не надо меня искусственно шокировать и эпатировать. Есть путь гораздо ближе к нашим аплодисментам и благодарности — найти болевые, нервные точки, что сформировала в нас великая российская история со времен Киевской Руси, от битвы Куликовой и до сих дней. Как ни крути, залегает она у многих мощными пластами в подкорке, заваленная временем, житейской суетой, бешеным ритмом жизни, но залегает! И в этом наше спасение, залог нравственного здоровья.

Драматург, если вдуматься,— иглоукалыватель, целитель. Его мастерство обязано быть ювелирным, чтобы нащупать иголкой своего таланта нервные узлы сегодняшнего зрителя. Драматург обязан их знать. Для этого ему нужно быть плоть от плоти своей страны, истории, ее пульсирующим полпредом. Вот тогда игла его писательского дарования безошибочно найдет свою точку в зрительской памяти и разуме. А то ведь как случается, тычут в нас со сцены колючей скабрезностью, ехидством, злостью, да все невпопад, все мимо.

И как тут не вспомнить поразительные кадры телевидения? На одном из концертов вышла на сцену София Ротару и запела — про войну, про госпиталь. И была в песне такая фраза: «И сказал солдат, что лежал без ног: мы с тобой, сестра, еще станцуем».

Камера брала крупным планом лица в зрительских рядах, и на них были слезы потрясения — то искомое, что так натужно пытаются выдавить из нас иной автор с режиссером. В этом была своя логика, поскольку поэт с композитором безошибочно нащупали болевую точку в зале. Их успех был предопределен правильной зоной поиска, они искали не в низменных рефлексах отдельного субъекта, а в гордом, кровоточащем самосознании великого народа.

И еще такой эпизод: это случилось в одном из колхозов Нечерноземья. Группу литераторов повели смотреть образцовую свиноферму. За толстыми бревнами со следами клыков билось свирепое стадо матерых хряков, ожидало кормежку. Красноватый блеск глаз, оглушительный рев и визг, поминутные стычки самцов — все наводило оторопь.

Как это порой случается, для экономии несколько часов назад в районе отключили свет, и транспортер, по которому подавался корм стаду, вдруг остановился.

Тогда за загородку пошла маленькая пожилая женщина с ведрами, наполненными кормовой смесью, в резиновых сапогах и плюшевой жакетке. Ее бросало из стороны в сторону, клыкастые морды лезли в ведра, отшвыривали друг друга, а заодно и кормилицу. И стало по-настоящему страшно за человеческую жизнь, казавшуюся такой хрупкой среди щетинистых туш. Куда там прославленным дрессировщикам хищников, чье здоровье за решетками цирка охраняется брандспойтом, пистолетом и КЗоТом!

Женщина — Мария Крутова—делала свое дело, подныривала под бревна, раз за разом опрокидывала ведра в кормушку.

Устроителям экскурсии, не предусмотревшим такого казуса, было явно не по себе, они старались оттереть нас от загородки и увести на воздух. Но мы не могли отойти.

Когда свинарка закончила работу, я спросил:

— И часто так... экономят энергию?

Крутова слабо улыбнулась, отерла рукавом потный лоб (тыльную сторону ладони рассекал синеватый шрам с поперечными стежками швов), ответила коротко:

— Ну.

— Кусали вас?

— Бывает.

— Не пробовали перейти на другую работу?

Маленькая женщина пожала плечами, удивленно опахнула выцветшим ситчиком взгляда.

— Дак че... Кому-то надо ж тут.

«Кому-то надо...» — позиция столь дефицитная и высокая во все времена, что мы по праву научились обрамлять ее в оправу из высоких слов и почета. Лишь потом, со временем, плотно засевшая в памяти «экономная» та ситуация начала все чаще срабатывать у меня в качестве мерила человеческого поведения.

Я осмысливал поступок армянского спортсмена Шаварша Карапетяна, перешагнувшего рубеж человеческих возможностей при спасении людей из затонувшего автобуса; изучал труды академика Мальцева, избравшего целью своей жизни борьбу за сохранение российской нивы, рискнувшего пойти наперекор веками сложившемуся стереотипу отвальной пахоты; пытался познать психологию подвига в Афганистане чеченца, Героя Советского Союза Руслана Аушева.

Этих людей разной национальности, образовательного ценза и культуры тем не менее объединял единый мотив поведения, единая жизненная позиция Марии Крутовой: кому-то ж надо. И как-то так выходило впоследствии, что любая написанная автором этих строк пьеса неизменно укладывалась в прокрустово ложе именно этой позиции: лишнее отсекалось, недостающее дотягивалось. Наверное, это было где-то в ущерб персонажам, эмоциональной палитре образов, но по-иному уже не получалось. Скорее инстинктивно, чем сознательно, личности с таким образом мышления возводились в ранг Верховного судьи творчества, будет ли пьеса близка ему, встретит ли понимание, приди судья на премьеру.

И вот здесь невольно назревает итоговый вопрос: а для кого, для какого зрителя пишутся и играются такие пьесы, о которых шла речь выше? Есть ли у творческого тандема автор — режиссер четкий обобщенный образ своего зрителя, имеется ли в наличии свой набор моральных (а не аморальных) ценностей, которые авторы намерены предложить российскому многонациональному зрителю, внедрить их в зал столь же доходчиво, целомудренно и прочно, как, скажем, внедряется в нас проза Ю. Бондарева, В. Белова, Ч. Айтматова, В. Астафьева, Н. Думбадзе, Е. Носова...

Вероятно, этот вопрос должен задать себе рано или поздно любой драматург, если он намерен говорить о проблемах, болях и радостях нашего бытия открыто, во весь голос, а не подавать его из персональной подворотни или суфлерской конуры собственного эгоцентризма.

В третьем номере за этот год журнала «Наш современник» напечатана статья Овчинниковой «Что говорить, когда нечего говорить». Принимая в целом ее позицию (за исключением некоторой безапелляционности), не могу не отметить точно найденного критиком определения у Ильфа и Петрова для целой группы современных пьес: «Гинекологический ампир второй сорт».

Что касается «Последней женщины сеньора Хуана» в исполнении омского театра — думается, в данном случае несправедливым будет занижать сортность. Я бы дал омскому «ампиру» первый сорт, ибо все, что ни делает этот уважаемый и богатый нравственными, гражданскими позициями театр,— лишь первого и высшего сорта.

Жаль вот только, что эти традиции не всегда соблюдаются,— по моему субъективному разумению.

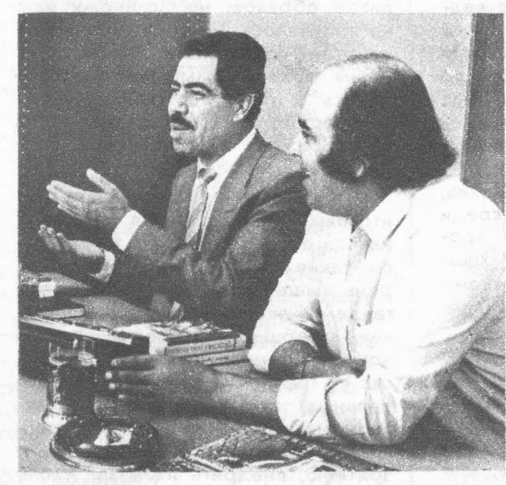
Евгений ЧЕБАЛИН,
председатель правления Союза писателей Чечено-Ингушской АССР, член Совета по драматургии и театру при СП РСФСР

Грозный.

ГОСТИ «ОГОНЬКА»

В редакции журнала «Огонек» побывал болгарский поэт, переводчик, главный редактор издательства «Народна младеж» Йордан Милев. Он рассказал о планах выпуска литературы, предназначенной молодому читателю, особое внимание было уделено переводам на болгарский произведений советских писателей. Й. Милев поделился также своими творческими планами.

Редакцию журнала «Огонек» посетили известные палестинские писатели: Генеральный секретарь Всеобщего союза палестинских писателей и журналистов (ВСППЖ) Яхья Яхлюф и член руководства ВСППЖ Рашад Абу Шавир. На дружественной встрече были обсуждены вопросы развития советско-палестинских писательских контактов, взаимных переводов советских и палестинских авторов, вопросы активизации участия писателей в афро-азиатском писательском движении. Гости ознакомились с работой редакции журнала и поделились своими творческими планами.

Фото Д. Дебабова

Михаил ВЛАДИМОВ

«ОТЛОЖЕНИЕ»

Бабка Маня, как в тумане:
Шаг — короче, вздох — длинней...
Хворь пристала к бабке Мане —
Отложение солей!
Спиртом терла, паром грела,
Принимала то и се:
Боль сидит там, где сидела,
А леченье мимо все!
Вдруг молва: один дедуля
В деревеньке за рекой
Поврачует-поколдует —
Хвори-боли никакой.
— А цена?
— Берет десятку
За прием, и все дела...
И, прихрамывая, бабка
К деду за реку пошла...
Ну, а тут народу море.
Вереница «Жигулей».
За лечением от хвори —
Отложение солей...

Дунув влево, плюнув вправо,
Поглядев на потолок,
Отпустил дед бабке травы,
А десятку — в кошелек!
Расспросить хотела: где, мол,
Прилагать? Чего и как?
«Пошевеливайся!» —
Следом —
Новых страждущих косяк.
Кто из ближнего поселка,
Кто из области иной:
Зав. хозмага,
Шеф столовки
И артист кино с женой...
В день проходят исцеленье
Человек примерно сто.
Хоть общественному мненью
Абсолютно ясно, что
Ничего здесь не выводят:
Ни солей и ни болей;
Что одно здесь происходит:
Отложение... рублей!

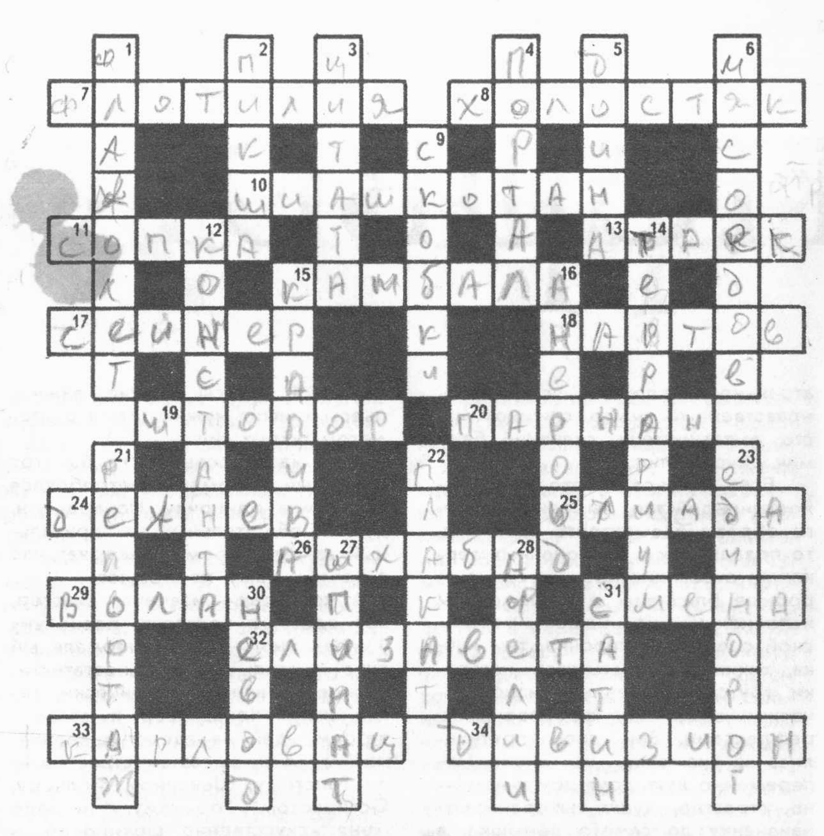

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Гвардии подполковник Виктор Данилко (справа) с братом гвардии капитаном Сергеем Данилко. (См. в номере материал «Океанская вахта»).

Фото И. ГАВРИЛОВА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Обновленная улица Бараташвили * Древнюю тбилисскую крепость Нарикалу восстанавливают рабочие-реставраторы Леван Мосулидзе (слева) и Заал Гургенидзе * Реставрированные жилые дома в районе серных бань * Метехский замок XIII века. Сейчас здесь театр. (См. в номере материал «Стены и люди»).

Фото И. ТУНКЕЛЯ

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Соединение промысловых судов. 8. Комедия И. С. Тургенева. 10. Один из Курильских островов. 11. Небольшая гора в Забайкалье, на Дальнем Востоке. 13. Река в СССР и Иране. 15. Промысловая морская рыба. 17. Рыболовецкое судно. 18. Русский механик и изобретатель XVIII века. 19. Фигура высшего пилотажа. 20. Горный массив в Греции. 24. Русский землепроходец XVII века. 25. Древнегреческая эпическая поэма. 26. Столица союзной советской республики. 29. Мяч для игры в бадминтон. 31. Советский молодежный журнал. 32. Действующее лицо пьес М. Горького «Егор Булычов и другие» и «Достигаев и другие». 33. Город в Югославии. 34. Подразделение артиллерийского полка.

По вертикали: 1. Духовой музыкальный инструмент. 2. Рыба семейства тресковых. 3. Дословная выдержка из текста. 4. Архитектурно оформленный вход в здание. 5. Хоровая капелла Молдавии. 6. Русский художник-передвижник. 9. Парный знак препинания. 12. Постоянная величина. 14. Помещение для содержания земноводных, пресмыкающихся. 15. Народный писатель Белоруссии. 16. Металлический барометр. 21. Жанр журналистики. 22. Вид графики. 23. Экваториальное созвездие. 27. Овощная культура. 28. Наиболее удаленная от Солнца точка орбиты планеты. 30. Большая рыболовная сеть. 31. Хлопчатобумажная или шелковая ткань.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28

По горизонтали: 1. Шлюз. 3. «Март». 7. Акватория. 8. Трак. 10. Клен. 12. Триполи. 14. Рифма. 15. Лемма. 16. Атташе. 17. Морена. 18. Плато. 19. Отсек. 21. Веттерн. 22. Гиря. 24. Свет. 25. Джангитау. 26. Арно. 27. Адан.

По вертикали: 1. «Шахтер». 2. Злак. 3. Маяк. 4. «Тронка». 5. Радиосекстант. 6. Водоизмещение. 9. Амфитеатр. 11. Ломоносов. 12. Тарасов. 13. Иларион. 18. Погода. 20. Катран. 23. Ядро. 24. Сура.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 24.06.85. Подписано к печати 09.07.85. А 00378. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 510 000 экз. Изд. № 1891. Заказ № 887.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ПЛАН ВНЕДРЕНИЯ НОВОЙ ТЕХНИКИ

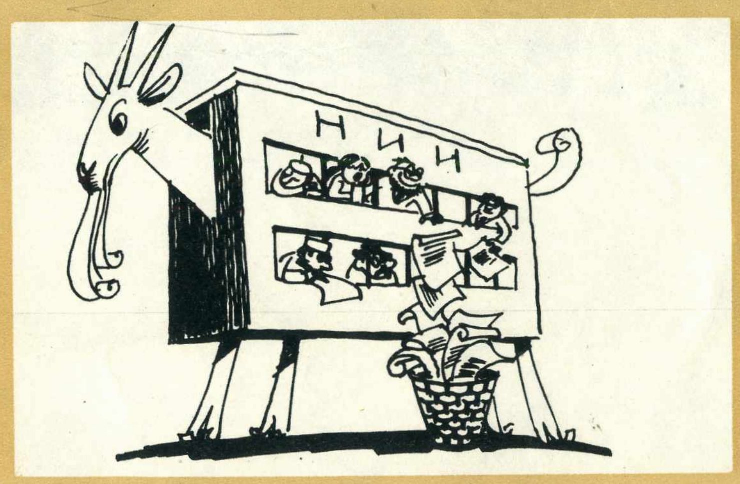
ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

Не в бровь, а в глаз.

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

В одно ушко влетает — в другое вылетает.

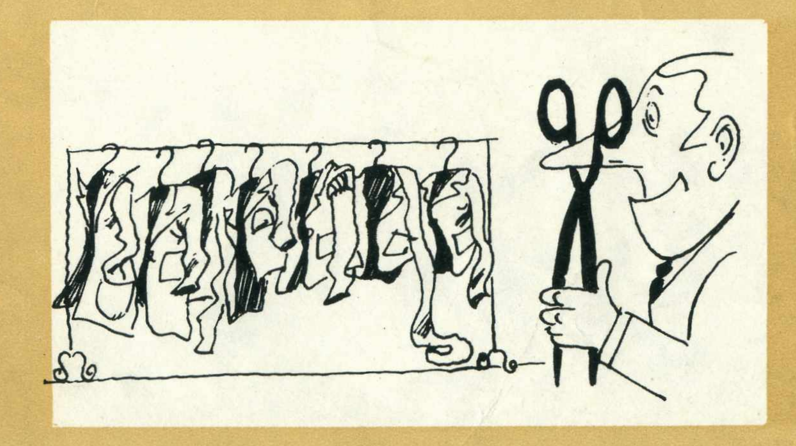

Как от козла молока.

Из пустого — в порожнее.

Семеро одежек, и все без застежек.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

